dr. Lort

188

853

T 24
19

Грав. Ухтомского.

Рл 11597 Ду
Юнг-Штиллингъ И.Г.

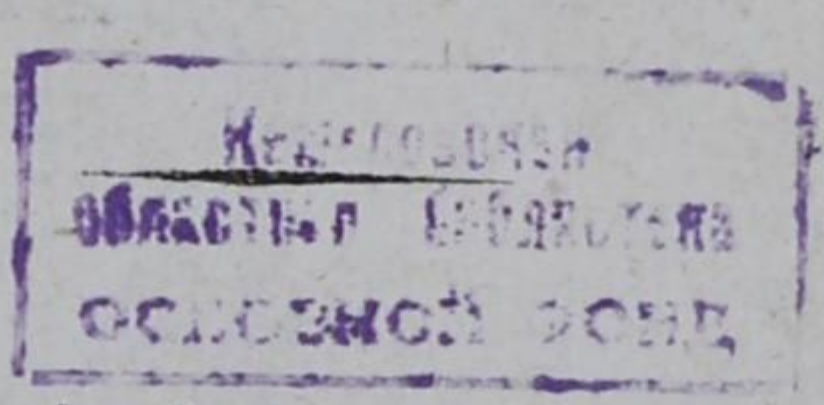
ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ПО

СМЕРТИ.

ЧАСТЬ III.

ВЪ дому Отца моего обители многи суть.

Иждивеніемъ Переводчика.

СЪ дозволенія Санктпетербургскаго
Цензурнаго Комитета.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ Типографіи Ф. Дрехслера.
1805.

232724

Блаженъ и святъ, иже имать часть въ воскресеніи первѣмъ, на нихже смерть вторая не имать области; но будутъ Іереи Богу и Христу, и воцарятся съ Нимъ тысяцу лѣтъ.

Алок. XX. 6.

ОГЛАВЛЕНІЕ

третьей части.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

1. *Блаженство дѣтей* . . стр. 1.
2. *Сласитель въ человѣческомъ образѣ.* . . . — 17.
3. *Различныя дѣйствія обращенія при концѣ жизни.* — 47.
4. *Видѣніе въ духовномъ мірѣ* . . . . . — 80.
5. *Піетисты.* . . . . . — 126.
6. *Просвѣтленіе Эйкеля.* . — 149.
7. *Вѣчное разлученіе.* . . — 161.
8. *Участь устныхъ Христіанъ.* — 185.
9. *Христосъ Первосвященникъ.* — 225.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ПЕРВОЕ.

БЛАЖЕНСТВО ДѢТЕЙ.

При частомъ возпоминаніи о шестерыхъ моихъ дѣтяхъ, умершихъ въ младенчествѣ, много разъ приходило мнѣ желаніе узнать ихъ жребій. Не сомнѣвался я, чтобы они не были блаженны: но въ чемъ состоитъ ихъ блаженство, сіе было мнѣ неизвѣстно; и хотя я не напрягалъ сильно моего о томъ любопытства, зная, что сіе блаженство въ свое время я узнаю: но желая доставить и другимъ нѣжнымъ отцамъ нѣкоторое утѣшеніе извѣстіемъ о участи преждевременно умершихъ дѣтей ихъ, просилъ я Сіону представить мнѣ картину Царства Дѣтскаго. Она услышала мое

моленіе, и что я видѣлъ въ моемъ воображеніи, то здѣсь сообщаю.

Я видѣлъ наипрекраснѣйшую страну Царства Дѣтскаго. Вѣчное, кротко сіяющее утро разливало умѣренный свѣтъ на нѣкій пригорокъ, усѣянный прекрасными тѣнистыми рощицами. По одну сторону онаго ложился паръ жемчужнаго цвѣта, украшенный утреннею зарею съ блистающею радугою. Отъ пригорка шла въ даль отлогая пріятная долина, оканчивающаяся кристалловиднымъ источникомъ. Вправо представлялась взору прекраснѣйшая перспектива изъ аллей, которымъ конца не было. Надъ ними носились нѣкіе неописанно прекрасные виды, кои какъ бы на гармоникѣ возпѣвали пѣснь Всевышнему. Съ лѣвой стороны видна была узкая тропа, извивавшаяся между рощами; подлѣ нея струился тихо помянутый сребристый источникъ, не заглушая журчаніемъ своимъ пѣсней хвалебныхъ,

отъ всѣхъ существъ небесной Натуры Творцу возносимыхъ.

Бархатный лугъ, усѣянный безчисленнымъ множествомъ бриліантовъ, подъ нѣжнымъ серебренымъ фліёромъ, осѣнялся жемчужною тѣнью пригорка, отсвѣчивавшагося въ кристалловидномъ источникѣ. Живыя существа — образцы нашихъ земныхъ пернатыхъ — парили на высотѣ надъ изумрудными деревьями и цвѣтами, коихъ душистый запахъ служилъ имъ пищею. — Нѣкоторыя, разнаго вида, чрезвычайно прекрасныя творенія, то являющіяся, то изчезающія, какъ бы изъ живаго прекраснаго блѣдно-розоваго стекла сотворенныя, пархали другъ предъ другомъ, и казалось, бдѣли надъ произведеніями небесной Натуры.

Между тѣмъ, какъ духовное око мое занималось разсматриваніемъ всѣхъ сихъ красотъ, вышли изъ аллей просвѣтленные юноши. Старшій Ангелъ провождалъ ихъ на сей райскій лугъ;

маленькіе Ангелы были чрезвычайно живы и хотѣли все разсмотрѣть, до всего коснуться и все ощупать, восхищаясь всѣмъ тѣмъ, что они видѣли. Одинъ изъ нихъ приближился къ путеводителю ихъ и спросилъ:

Скажи мнѣ, Абитобъ, какъ зашелъ я сюда? — Вчера я былъ очень болѣнъ и былъ въ самомъ темномъ и скучномъ мѣстѣ. Матушка сидѣла подлѣ меня и плакала, и другіе съ нею также плакали; тогда мнѣ было такъ тяжело: а теперь я такъ здоровъ и веселъ! — Мнѣ хотѣлось бы увидѣть матушку.

АБИТОБЪ. Любезный Элидадъ! Матушка твоя придетъ сюда, когда Господь прикажетъ: теперь же долженъ ты учиться познать Господа, который тебя и все сотворилъ.

ЭЛИДАДЪ. Господь, сотворившій меня и все, долженъ быть очень добръ. Мнѣ такъ хорошо! Я не чувствую никакой боли; все здѣсь такъ

прекрасно и со мною играютъ такіе хорошенькіе мальчики; ты также добрый батюшка: ахъ, естьлибъ матушка была со мною! Другой такой матушки, которая бы такъ обо мнѣ плакала, у меня не будетъ.

АБИТОБЪ. А тетушку свою *Елисавету*, которая также тебя любила и также о тебѣ старалась, развѣ ты забылъ?

ЭЛИДАДЪ. Да, но она уже умерла!
[Тутъ приближился къ нимъ прекрасный Ангелъ съ любезною улыбкою.]

АБИТОБЪ. Да, она умерла, и потому теперь съ нами здѣсь на небеси.

ЭЛИДАДЪ А развѣ это небо? Такъ и я на небеси? Скажи, любезный батюшка: какъ я сюда пришелъ?

АБИТОБЪ. Тебя взяла сюда тетушка твоя Елисавета. Ты былъ очень болѣнъ и не 'могъ уже на землѣ выздоровѣть.

ЭЛИДАДЪ. Ахъ, это хорошо! Но гдѣжъ тетушка, которая взяла меня сюда?

ЕЛИСАВЕТА. Взгляни сюда, *Ванюша* Ты называешься нынѣ *Элидадъ*, а я *Елида*. Посмотри на меня! Теперь мы вмѣстѣ на небси, теперь я твоя матъ. [Онъ бѣжитъ къ ней въ объятія.]

ЭЛИДАДЪ. Какъ я радъ! Теперь мнѣ ничего не надобно: естьлибъ только пришла сюда матушка, которая такъ обо мнѣ плакала!

АБИТОБЪ. Она также придетъ сюда, когда придетъ ей время: теперь же у нея много дѣла.

ЭЛИДАДЪ. Прежняя моя матушка, и ты нынѣшняя моя матушка, вы всегда говаривали мнѣ, что кто будетъ любить Бога и умретъ, тотъ пойдетъ на небо; а я не умиралъ, но теперь на небѣ: какъ же это случилось? Я былъ очень, очень болѣнъ, уснулъ, проснулся, и очутился на небѣ.

АБИТОБЪ. Сонъ этотъ былъ смерть твоя — ты умеръ! —

ЭЛИДАДЪ. УмерЪ! Но я не вЪ землѣ, не вЪ могилѣ, а на небеси!

АБИТОБЪ. Посмотри на себя хорошенько; взгляни на свои руки, ноги: таковЪ ли ты былЪ?

ЭЛИДАДЪ. О! нѣтЪ! Тогда у меня было все другое; на мнѣ все было тяжелое. Когда бывало хотѣлось мнѣ гдѣ быть, то я долженЪ былЪ итти, или бѣжать туда, и уставалЪ; когда хотѣлЪ взлѣзть куда нибудь, то часто падалЪ, ушибался, и отЪ того плакивалЪ: а теперь совсѣмЪ не то; я летаю, куда хочу, поднимаюсь безЪ крыльевЪ вверьхЪ, и не падаю. Все такЪ легко, такЪ спокойно: какЪ это хорошо! Теперь я могу летать по крутымЪ горамЪ и видѣть все. АхЪ это прекрасно! Но куда жЪ дѣвалось прежнее мое тяжелое тѣло? —

АБИТОБЪ. Родители твои схоронили его вЪ могилу.

ЭЛИДАДЪ. А! такЪ о томЪ-то

матушка и плакала! — Бѣдная матушка! Но чудно, какъ люди могутъ плакать, зарывая въ землю такое тяжелое и дурное тѣло, когда вмѣсто него дается намъ другое, гораздо лучше!.. Развѣ люди на землѣ этого не знаютъ? —

АБИТОБЪ. Знаютъ, но не очень хорошо; и плачутъ о томъ, что въ жизни своей уже не увидятся съ тѣми, кого любятъ.

ЭЛИДАДЪ. Да здѣсь гораздо лучше; вѣдь и они также придутъ сюда. Но скажи мнѣ, любезный батюшка: какъ же я получилъ это прекрасное тѣло, котораго у меня не было?

АБИТОБЪ. Господь, создавшій прекрасное небо, даровалъ тебѣ и прекрасное тѣло, когда ты заснулъ сномъ смерти; и ты, пробудясь, всталъ уже съ этимъ тѣломъ.

ЭЛИДАДЪ. [Возклицаетъ отъ радости.] Это тѣло гораздо лучше прежняго! Матушка мнѣ говаривала, что Хри-

стосъ былъ хорошенькой мальчикъ: не эдакой ли былъ Христосъ?

АБИТОБЪ. Да, и Христосъ былъ младенцемъ.

ЭЛИДАДЪ. Младенцемъ? Не ужъ ли тотъ великій Господь, который все создалъ, мальчикъ?

АБИТОБЪ. Нѣкогда былъ онъ младенцемъ на земли, и такимъ же мальчикомъ, какъ ты: но потомъ выросъ и сталъ большимъ человѣкомъ.

ЭЛИДАДЪ. Я люблю его за то, что онъ далъ мнѣ такое прекрасное тѣло, и создалъ такое прекрасное небо. Скажи мнѣ, батюшка: какъ онъ сдѣлался Господомъ? Я также дитя, а не могу ничего *такого* сдѣлать! Большіежъ люди, которые также умираютъ и также сюда приходятъ, могутъ ли сотворить такое небо?

АБИТОБЪ. Нѣтъ, не могутъ. Но Господь былъ не только человѣкъ, какъ ты и всѣ прочіе, но и Богъ.

ЭЛИДАДЪ. А! потому-то и могъ

онъ такъ прекрасно все сотворить. Но ты сказалъ, что онъ былъ такой же мальчикъ, какъ я: — что жъ онъ дѣлалъ на тяжелой землѣ? За чѣмъ было ему ходить туда? Здѣсь лучше.

АБИТОБЪ. Любезный Элидадъ! Безъ того ты не могъ бы сюда притти, и не получилъ бы сего прекраснаго тѣла.

ЭЛИДАДЪ. Не получилъ? Для чего? Онъ вѣдь Богъ: такъ онъ могъ бы создать и такое прекрасное небо и такое прекрасное тѣло. Вѣдь на земли онъ ему не научился, тамъ этого не умѣютъ.

АБИТОБЪ. Для чего на земли дурнымъ дѣтямъ, которые валяются по полу, или въ грязи, ссорятся и дерутся, родители не даютъ хорошаго платья? —

ЭЛИДАДЪ. Для того, что они замарали бы его и изодрали.

АБИТОБЪ. А естьли бы они могли такъ летать, какъ ты, и имѣли бы такое же здоровье и бодрость, какъ

теперь ты: то что бы они тогда сдѣлали?

ЭЛИДАДЪ. О! еще бы хуже; они пуще бы нашалили.

АБИТОБЪ. И такъ видишь, любезный ЭлидадЪ, для чего милосердый БогЪ не далъ человѣкамъ такого прекраснаго тѣла и такого прекраснаго неба: они бы все это употребили во вредъ.

ЭЛИДАДЪ. Но лучше ли стали люди отъ того, что теперь не употребляютъ этого во вредъ?

АБИТОБЪ. Они могутъ, коли захотятъ, сдѣлаться лучшими; и для того-то милосердый БогЪ сдѣлался человѣкомъ.

ЭЛИДАДЪ. Милосердаго Бога, сдѣлавшагося человѣкомъ, полюбилъ я теперь еще больше за это. Но какъ назывался этотъ БогЪ, когда онъ былъ на земли?

АБИТОБЪ. ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ.

ЭЛИДАДЪ. О немъ-то и разсказы-

вала мнѣ матушка, — что онъ былъ мальчикомъ хорошенькимъ, жилъ на земли, претерпѣлъ страданія и умеръ на крестѣ; и все это для того, чтобъ спасти человѣковъ. Теперь я все знаю! Все знаю! Ахъ ты любезный, прелюбезный Господь Іисусъ Христосъ! . . . Но какъ человѣки могли сдѣлаться лучшими отъ того, что Господь сдѣлался человѣкомъ и умеръ претерпѣвши жестокую смерть?

АБИТОБЪ. Тебя научатъ этому здѣсь, теперь ты понимать сего еще не можешь.

ЭЛИДАДЪ. Но вѣдь много и дурныхъ людей, которые сюда не приходятъ: для чего жъ Господь Христосъ не сдѣлалъ всѣхъ людей добрыми?

АБИТОБЪ. Для того, что не всѣ хотятъ быть добрыми. Многіе лучше любятъ земныя утѣхи, нежели Господа, и потому сюда не приходятъ.

ЭЛИДАДЪ. Бѣдные люди! Естьлибъ они знали, что я теперь знаю: какъ бы они его полюбили! — Не льзя ли мнѣ сходить на землю разсказать эшимъ бѣднымъ людямъ, какъ здѣсь хорошо, чтобъ они больше полюбили Бога?

АБИТОБЪ. Послушай Элидадъ: естьлибъ какой отецъ, имѣя двухъ сыновей, сказалъ имъ: дѣти! я буду васъ поить, кормить, одѣвать и снабдѣвать всѣмъ нужнымъ: а вы за то будьте добрыми дѣтьми, не шалите, хорошенько учитесь и слушайтесь меня; и одинъ изъ сыновей узналъ бы отъ слуги отцовскаго, что отецъ для нихъ приготовилъ много прекрасныхъ подарковъ, которые хочетъ имъ подарить, естьли они будутъ умны, добры и станутъ прилѣжно учиться, и слуга тотъ тихонько показалъ бы еще ему тѣ подарки, а другому брату нѣтъ; скажи, котораго изъ этихъ мальчиковъ должно

почесть лучшимъ, хотябъ они оба исполнили отцовское приказаніе: того ли, который, зная объ этихъ подаркахъ, сдѣлался добрымъ и прилѣжнымъ; или того, который не зная, также былъ добръ и прилѣженъ?

ЭЛИДАДЪ. Понимаю! — Я бы не хотѣлъ быть первымъ мальчикомъ. Не льзя еще знать, каково у него сердце; а у другаго оно видно. — Нѣтъ! Такъ теперь я не хочу на землю. — Но вѣдь люди знаютъ, что когда они будутъ любить Бога, то пойдутъ на небо? Стало они не знаютъ, какъ здѣсь хорошо?

АБИТОВЪ. Нѣтъ, Господь столь благъ, что открылъ имъ и это столько, сколько нужно для поощренія ихъ.

ЭЛИДАДЪ. Скажи мнѣ, любезный батюшка: чѣмъ на небеси доказать, что я добръ и люблю Бога? — Я бы желалъ быть человѣкомъ и ничего не знать о небѣ, чтобъ *доказать* Господу, что я ему вѣренъ и хочу слу-

жить не для неба, а изъ любви къ Нему. —

АБИТОБЪ *обнялъ и облобызалъ Элидада.* — Прелестный Ангелъ! сказалъ онъ: такъ думалъ и Господь, бывши на земли. Изъ любви къ Богу онъ возхотѣлъ какъ и ты, сдѣлаться человѣкомъ, и сойти на землю, дабы сдѣлать человѣковъ блаженными; слѣдовательно изъ любви къ человѣчеству. И твоя любовь къ Богу и человѣкамъ служитъ здѣсь доказательствомъ, что ты добръ и любишь Бога.

Тутъ явился величественный Ангелъ, сопровождаемый многими маленькими Ангелами, и съ улыбкою сказалъ Элидаду; поди ко мнѣ, дитя мое!

Элидадъ приближился къ нему съ нѣкоторою робостію. Ты очень свѣтишь, сказалъ онъ ему: кто ты?

АНГЕЛЪ. Я тотъ, о которомъ тебѣ мать твоя говорила, что онъ любитъ дѣтей, и который сказалъ: не

возбраняйте дѣтямъ приходить ко мнѣ! —

ЭЛИДАДЪ. Ахъ! такъ ты мой любезный Господь Іисусъ Христосъ! Такъ, я это вижу по прекраснымъ алымъ звѣздочкамъ на рукахъ и ногахъ твоихъ; матушка моя это мнѣ разсказывала. Что я для тебя сдѣлаю? — Прикажи мнѣ опять пойти на землю въ тяжелое мое тѣло! — Я также хочу умереть за тебя!

ГОСПОДЬ. Элидадъ! Гряди въ мои объятія!

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ВТОРОЕ.

СПАСИТЕЛЬ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ОБРАЗѢ.

Сіона внушила мнѣ *Просвѣтленіе Лафатера*, и любезные мои братья и сестры читали повѣсть сію съ удовольствіемъ и благословеніемъ. — Сія небесная подруга привела меня съ ближнимъ другомъ моимъ къ самому престолу вѣчности; но тутъ оставила меня, и я, утомленный и изумленный, паки низпалъ изъ Эмпирея на мрачный долъ земнаго круга.

Въ сей торжественный часъ утра помышляю я о другѣ моемъ, предстоящемъ нынѣ Господу. Пламенное желаніе его познать Христа Іисуса, важное и глубокое его изслѣдованіе человѣческаго вида, физіономіи добродѣтели и порока, стремленіе его къ ясному и чистому зрѣнію человѣ-

Национална
област в Ловеч
основно фонд

ческаго образа Господа, весьма живо вообразились въ душѣ моей, и во мнѣ также возбудилось желаніе познать ближе Іисуса въ земномъ его странничествѣ, дабы въ жизни при ежедневномъ обращеніи съ человѣками лучше сообразоваться съ нимъ. Сіона видя искреннее мое желаніе, перенесла меня въ страны Царства Славы. —

Просвѣтленный *Лафатеръ*, именующійся нынѣ *Израилемъ*, стоялъ на верьху горы Сіонской, и духъ его плавалъ въ морѣ блаженства. Лицезрѣніе Царя міровъ, къ коему любовь свою запечатлѣлъ онъ кровію, возвышало его въ достоинство Серафима. Онъ мыслилъ о вѣчности, и новый разкрывшійся въ немъ органъ небесныхъ чувствованій зрѣлъ всю обширность міровъ; все, что прежде *въ гаданіяхъ своихъ о вѣчности*, усматривалъ онъ сквозь тусклое стекло возторженнаго разума, то нынѣ зрѣлъ онъ во свѣтѣ и истинѣ. —

Такъ углубленному взору его предсталъ величественно сіяющій Ангелъ, и тономъ небесной арфы возгласилъ къ нему: буди благословенъ, *Израиль Лафатеръ!* Другъ твой *Ширїагъ* бывшій *Генрихъ Гессе*, зоветъ тебя къ вышнему упражненію! — Пріиди въ объятія мои, о другъ земной моей жизни!

ЛАФАТЕРЪ. Да возхвалится имя Господне! (*Обнимаются и ликуютъ.*)

ІЕЗАНІАГЪ. Мы будемъ вѣчно жить и дѣйствовать купно: *Феликсъ Гессъ*, *Пфеннингеръ*, и еще другіе твои друзья обитаютъ со мною здѣсь при подошвѣ сей горы. Упражненіе наше состоитъ въ наученіи участниковъ искупленія Господня, приходящихъ сюда изъ страны смертной и узилища мертвыхъ, по свойству каждаго званію и должностямъ ихъ.

ЛАФАТЕРЪ. Научите меня, Небес-

ные братья! — испытывать сердца и утробы.

ІЕЗАНІАГЪ. Каждому изъ насъ воля Божія является на сапфирныхъ скрижаляхъ Храма его, по свойству и способностямъ каждаго. — Всему сему вскорѣ получишь ты достаточное свидѣтельство.

ЛАФАТЕРЪ. Все существо мое распространяется въ широту всего міра, и неизмѣримый океанъ блаженства протекаетъ чрезъ всѣ сферы воли, мыслей и ощущеній моихъ.

ІЕЗАНІАГЪ. И сей океанъ вѣчно прибавляться будетъ; ибо вѣчно притекать тебѣ будетъ новое наслажденіе. —

ЛАФАТЕРЪ. Слава Сѣдящму на престолѣ! Ему да будетъ честь и поклоненіе, хвала и благодареніе во вѣки вѣковъ!

ІЕЗАНІАГЪ. Братъ Небесный! Я имѣю къ тебѣ порученіе отъ Царицы Царства Дѣтскаго, благословенной Дѣ-

вы , Матери вочеловѣчившагося Господа: Она желаетъ видѣть тебя.

ЛАФАТЕРЪ. Еще новый океанъ блаженства! Я трепещу отъ радости, имѣя возможность видѣть Ее! Ты называешь Ее Царицею Царства Дѣтскаго!

ІЕЗАНІАГЪ. Да: бывъ воспитательницею Высочайшаго изъ человѣковъ, она имѣетъ здѣсь верховное начальство надъ всѣмъ Царствомъ Науки.

ЛАФАТЕРЪ. Поспѣшимъ туда! Я не дерзаю описывать славу прежде бывшей бѣдной гражданки *Назаретской*; всѣ изображенія земной Натуры мертвы для описанія Царства жизни *вѣчной*. — Представьте себѣ, Любезные Читатели и Читательницы! Представьте себѣ длинную, пространную и высокую галлерею въ ослѣпительномъ златомъ блескѣ, въ коемъ седмеричный радужный свѣтъ непрестанно измѣняется и въ коемъ неиз-

реченныя чудеса вѣчности, въ живыхъ картинахъ съ непрестанною перемѣною изображаются. Сими измѣненіями Отецъ вѣчной Натуры поучаетъ гражданъ Небесныхъ, и сіе есть живое слово — Библія ихъ.

Другъ мой узрѣлъ здѣсь Богоматерь и съ нею собесѣдницу Ея *Марію Магдалину*, *Саломію*, *Марію и Марѳу изъ Виѳаніи* съ братомъ ихъ *Лазаремъ*. Также увидѣлъ онъ *Авраама*, *Давида* и многихъ другихъ важнѣйшихъ праведниковъ Ветхозавѣтныхъ: всѣ они сидѣли на сребровидныхъ престолахъ.

Лафатеръ въ глубокомъ смиреніи своемъ нудился повергнуться къ ногамъ каждаго изъ сихъ Прославленныхъ: но какъ здѣсь поклоняются всѣ только Единому, то одно сіе удержало его отъ перваго стремленія благоговѣйнаго его чувсіпва.

Сердечное смиреніе есть златое

основанїе новаго Іерусалима: а гордость есть пламя озера горящаго огнемъ и жупеломъ.

Всѣ присутствующіе облобызали Лафатера, и онъ съ другомъ своимъ возсѣлъ между ними. Каково найтись въ такомъ сообществѣ, братья? Станемъ сражаться до послѣдней капли крови, чтобы не лишиться онаго! — А ты, Сіона! управляй моими мыслями, дабы я не примѣшалъ ничего собственнаго; но чисто и ясно представилъ бы небесный разговоръ въ мертвыхъ буквахъ — и да проникнутъ огнь и духъ, свѣтъ и истина душу каждаго читателя!

ЛАФАТЕРЪ *Богоматери.* Высочайшій образецъ совершеннаго человѣчества былъ всегда предметомъ моихъ размышленій и сердечной любви моей. Прошу тебя, благословенная въ женахъ! Научи меня познать свойства Господа нашего. — Въ чемъ состояла

жизнь и поступки его, какъ человѣка? — Чѣмъ онъ отличался отъ другихъ человѣковъ? — Имѣлъ ли также красоту тѣлесную? —

БОГОМАТЕРЬ. Охотно исполню желаніе твое, Небесный братъ! Воспоминаніе о земной жизни моей и обращеніи съ Господомъ въ человѣчествѣ его возвышаетъ мое блаженство.

Господь имѣлъ и тѣлесную красоту; ибо онъ былъ безъ всякаго порока. Онъ былъ росту нѣсколько выше средняго, болѣе сухощавъ, нежели тученъ, и имѣлъ физіономію дому Давидова. — Еще и нынѣ, при всей славѣ его, ты можешь усмотрѣть въ немъ нѣкоторое сходство съ Давидомъ. Волосы у него были русые, лице румяное, глаза свѣтлоголубые и прекрасные: но красота его не была красота плотскихъ человѣковъ; видъ его и весь станъ являлъ нѣчто столь благородное и величественное, что

каждый, увидя его, долженъ былъ ощутить благоговѣйное къ нему почтеніе: не примѣчавшіе же сего не видали въ немъ ничего, кромѣ чертъ обыкновеннаго добраго и самаго честнаго человѣка. Въ обыкновенныхъ бесѣдахъ говаривалъ онъ очень мало, и въ молчаніи его являлась на челѣ его нѣкая глубокомысленная важность, какъ бы онъ скрывалъ въ груди нѣкую тайную скорбь.

Тотъ же видъ и тотъ же взоръ имѣлъ онъ, когда говоривалъ съ Фарисеями и Князьями людскими: но не льзя описать вида и взора его, который онъ являлъ, когда утѣшалъ несчастныхъ, или въ кругу друзей изливалъ любообильное свое сердце. — Божественная кротость на устахъ, вѣчная любовь въ очахъ, сладостное состраданіе на челѣ — производили во всѣхъ видѣвшихъ его такое глубокое впечатлѣніе, что невозможно было не воздать ему поклоненія. Не

было никогда человѣка, на лицѣ котораго бы такъ чисто выражалась душа его, какъ у него; по тому что никакая страсть, ни притворство не помрачали въ немъ ни одной черты, тѣмъ менѣе въ немъ господствовали; каждая черта лица его служила къ явленію силъ Божества, въ немъ обитавшаго.

ЛАФАТЕРЪ. Каковъ онъ былъ въ дѣтскихъ лѣтахъ, Благодатная? Походилъ ли на другихъ дѣтей? — Игрывалъ ли? Что больше любилъ?

БОГОМАТЕРЬ. Во всемъ походилъ на дѣтей человѣческихъ; но не былъ то, что они. Онъ и плакивалъ, когда ему чего не доставало; но ни къ чему не пристращался, ни на что не досадовалъ и ни за что не сердился; а былъ спокоенъ и всегда чѣмъ нибудь занимался. Онъ также и игрывалъ: но цѣль игры его всегда относилась къ какому нибудь благотворенію. — Съ добрыми дѣтьми обращался онъ охотно, оказывалъ имъ услуги,

училъ ихъ, и игравшіе съ нимъ дѣлались отъ того лучшими: а злыхъ всегда убѣгалъ, и они отъ Него бѣгали. Умъ его разкрылся въ немъ весьма рано; я сама его учила, и на пятомъ году онъ могъ уже читать: а что читалъ, то всегда понималъ и разумѣлъ. — Всѣ слова Св. Писанія, относившіяся къ нему, находилъ онъ съ удивительною удобностію. На десятомъ же году превзошелъ всѣхъ Богословъ въ знаніи книгъ Моисеевыхъ и Пророковъ.

ЛАФАТЕРЪ. Разговаривалъ ли онъ о семъ при Раввинахъ?

БОГОМАТЕРЬ. Нѣтъ! Онъ не подавалъ ни малѣйшихъ знаковъ о высокомъ своемъ назначеніи, пока небесный Отецъ его чрезвычайнымъ и несомнѣннымъ образомъ не призвалъ его къ тому. Но между собою мы ежедневно разговаривали объ этомъ.

ЛАФАТЕРЪ. Въ чемъ состоитъ та исторія, что ты, Благословенная,

однажды потеряла его и нашла уже во храмѣ?

БОГОМАТЕРЬ. Точно вѣ томъ, что описываетъ Евангелистъ Лука. Это было уже на двѣнадцатомъ году его. Мы тогда пришли вѣ Іерусалимъ. — Сродники и друзья наши, увидя сына моего, съ перваго взгляда полюбили его. Видъ его и всѣ его поступки обратили такое вниманіе на него отто всѣхъ, что при всей его скромности разнеслась о немъ всеобщая молва; и кто ожидалъ Мессіи, тотъ прилѣжно примѣчалъ его слова и поступки. Потому знакомые и друзья наши часто бирали его къ себѣ; каждый хотѣлъ насладиться обращеніемъ съ нимъ; ибо, при всемъ смиреніи его, изъ него свѣтило божество его. И такъ вѣ Іерусалимѣ мы рѣдко имѣли его съ собою, и не заботились о томъ, зная, что онъ у кого нибудь изъ друзей нашихъ. При отшествіи же нашемъ изъ Іерусалима, не найдя его

ни у кого изъ знакомыхъ, мы зашли во Храмъ и нашли его тамъ между знатнѣйшими народа, между Священниками, Левитами, Фарисеями, Саддукеями, Законоучителями, и прочими. — Мы ужаснулись, найдя его посреди ихъ и увидя на лицахъ ихъ великое изумленіе и вмѣстѣ зависть и злобу. Имъ несносно было, что бѣдный мальчикъ изъ Назарета Галилейскаго столь превосходилъ ихъ въ знаніи закона и пристыжалъ своими отвѣтами на самые хитрые ихъ вопросы. Естьли бы онъ былъ по крайней мѣрѣ изъ какого знатнаго дому, и былъ бы изъ Іерусалима, или другаго какого знатнѣйшаго города, то можетъ быть они то и стерпѣли бы: но тутъ они ненавидѣли его, не смотря на все свое удивленіе.

ЛАФАТЕРЪ. Говорятъ, онъ и въ младенчествѣ дѣлалъ уже многія чудеса: справедливо ли это?

БОГОМАТЕРЬ. Не одно было такое

его дѣяніе, которое можно назвать чудомъ. Іоаннъ именно говоритъ, что превращеніе воды въ вино на бракѣ въ Канѣ Галилейскомъ было первое его чудотвореніе. —

ЛАФАТЕРЪ. Благословенная Матерь Господа! Въ смертной моей жизни я мыслилъ, что часть блаженства совершенныхъ Праведниковъ составлять будутъ бесѣды о земной жизни Господа: могу ли продолжить еще вопросы о свойствахъ его? Позволительно ли мнѣ сіе?

БОГОМАТЕРЬ. Ты думалъ справедливо, — вопрошай!

ЛАФАТЕРЪ. Мы читаемъ въ Евангеліи, что *Іосифъ* былъ плотникъ: вѣроятно и Господь занимался симъ же ремесломъ до вступленія въ свое званіе?

БОГОМАТЕРЬ. Да: и Господь, какъ мнимый сынъ Іосифа, съ прочими дѣтьми его помогалъ ему въ работѣ, которою Іосифъ всѣмъ намъ снискивалъ пропитаніе.

ЛАФАТЕРЪ. Въ земной жизни, даже для самыхъ искреннихъ почитателей Господа, многое въ свойствахъ его покрыто еще мракомъ. Нѣкоторые думаютъ, что онъ не имѣлъ никакихъ страстей и никакого побужденія къ чувственности; другіе напротивъ того приписываютъ ему всѣ человѣческія страсти: могу ли я просить тебя, Благодатная! разрѣшить мнѣ сіе недоумѣніе?

БОГОМАТЕРЬ. Онъ былъ во всемъ подобенъ прочимъ человѣкамъ: различіе состояло въ томъ, что тѣло его не имѣло никакого порока, и что нравственныя силы были у него въ совершенномъ равновѣсіи съ чувственными. И такъ онъ былъ подобострастный намъ человѣкъ, былъ то есть подверженъ всѣмъ искушеніямъ грѣха: но имѣлъ силу сопротивляться онымъ и всегда выходилъ побѣдителемъ, не согрѣша ни въ чемъ. Духъ его непрестанно занятъ былъ Богомъ и зва-

ніемъ своимъ: а потому всѣ мысли, слова и дѣла его выраждались изъ сего свѣта; и все, что онъ мыслилъ, говорилъ и творилъ, было правильно, праведно и свято.

ЛАФАТЕРЪ. Должно думать, что совершенства его вперяли къ нему благоговѣніе во всѣхъ обращавшихся съ нимъ.

БОГОМАТЕРЬ. Знавшіе его не коротко, почитали его только за добраго и смиреннаго человѣка, не больше; надобно было ближе узнать его, чтобъ признать его достоинство: но онъ велъ жизнь самую уединенную, никогда не посѣщалъ обществъ молодыхъ людей, не потому, чтобы охуждалъ ихъ, особливо когда они были честныя и порядочныя; а потому, что самыя удовольствія были неприличны его званію. — На челѣ и бровяхъ его всегда изображалась нѣкая важная задумчивость; ибо онъ былъ Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра;

бремя же сіе никогда не позволяло ему радоваться: но на устахъ его покоилась неизреченно кроткая, чистая, божественная доброта; а въ очахъ блистала нѣкая увѣрительная надежда о успѣхѣ великихъ его плановъ искупленія.

ЛАФАТЕРЪ. Мнѣ весьма желательно знать случай, побудившій Господа оставить домашнее спокойствіе и вступить въ званіе Учителя: что было къ тому поводомъ?

БОГОМАТЕРЬ. Поводомъ къ сему былъ Іоаннъ Креститель. Я разсказала ему исторію рожденія сына Захаріи и Елисаветы, — что онъ долженъ предшествовать ему и уготовать путь: и такъ онъ ожидалъ времени, когда Іоаннъ явится въ семъ званіи своемъ; ибо, бывъ покоренъ волѣ Отца своего, онъ ожидалъ вышняго призванія къ сану его.

ЛАФАТЕРЪ. Видались ли они прежде другъ съ другомъ, и были ли знакомы?

БОГОМАТЕРЬ. Никогда! Каждый жилъ уединенно, занимаясь назначеніемъ своимъ и волею Божіею. Когда же пронеслась всюду молва о проповѣди Іоанновой: тогда Христосъ сталъ приготовляться къ своему званію, оставилъ Іосифово ремесло, уединился, постился и молился, и по внутреннему побужденію обитавшаго въ немъ Божества пошелъ къ Іордану. Іоаннъ узналъ его тогда по извѣстнымъ ему признакамъ и по гласу съ небеси, подтвердившему ихъ, и сталъ отсылать всѣхъ къ нему и проповѣдовать о немъ, яко Спасителѣ міра.

ЛАФАТЕРЪ. Что собственно должно разумѣть подъ искушеніемъ въ пустынѣ?

БОГОМАТЕРЬ. Человѣчеству Христову необходимо должно было испытать такое же, естьли не большее, искушеніе, какъ и Адаму: и такъ онъ внутренно возбужденъ былъ итти въ пустыню къ самой дикой и

безплодной горѣ, и тамъ постишься и молишься. — Обитавшее въ немъ Божество требовало отъ него сей жертвы, яко полнаго удовлетворенія правдѣ его за человѣчество; и дабы довесть до крайности чувственную его натуру, оставило ее самой себѣ, собственному человѣческому разуму. Искуситель осмѣлился тогда приближиться къ нему, и въ одну самую ясную ночь предсталъ предъ него въ видѣ свѣтломъ и дружескимъ языкомъ сказалъ ему: *если ты сынъ Божій, то скажи каменямъ симъ, чтобъ они превратились въ хлѣбы.* Іисусъ, привыкшій всегда говорить словами Священнаго Писанія, отвѣтствовалъ ему изъ Моисея: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ Божіи.* — Симъ давалъ онъ разумѣть, что многія въ Натуру изглаголанныя слова Творчія служатъ пищею, и что не однимъ хлѣбомъ питаться можно, когда че-

ловѣкъ въ пищѣ имѣетъ нужду. Сатана, по первому сему опыту увидя, что душа Іисусова имѣетъ чувственную натуру совершенно въ своей власти, и что плодъ отъ запрещеннаго древа не имѣлъ въ немъ дѣйствія, захотѣлъ испытать: не можетъ ли возбудить въ немъ тщеславія чудодѣйствія? И такъ сильною своею рукою поднявъ его, перенесъ въ Іерусалимъ, гдѣ поставя на кровѣ церковномъ, сказалъ: *если ты сынъ Божій, то свергнись отсюду; ибо сказано: Ангеламъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ; на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою.* — Искуситель имѣлъ при семъ намѣреніе лишить Господа человѣческой его жизни; ибо онъ зналъ, что сила чудотворенія не состоитъ во власти самовольнаго тщеславія. Но Іисусъ, равно вѣдая сіе, отвѣтствовалъ ему также словами Св. Пи-

санія: *не искушай Господа Бога твоего!* — За симъ Искуситель повелъ его обратно въ пустыню; и тамъ, вознеся на самую высокую гору, при блистательномъ сіяніи возходящаго солнца, показалъ ему всѣ царства міра, и съ сатанинскимъ лукавствомъ сказалъ: *все сіе во власти у меня, и я кому хочу, отдамъ все это: естьли ты поклонишься мнѣ, то все это будетъ твое.*

И такъ Искуситель старался возбудить при сильнѣйшія страсти человѣческія: *чувственность, тщеславіе и гордость*, и при послѣднемъ искушеніи обнаружилъ уже себя. Тогда Іисусъ, яко Побѣдитель, явился самъ во всей славѣ и божественномъ величествѣ, и повелительнымъ голосомъ сказалъ Сатанѣ: *или за много, Сатано, писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши.* Тогда Сатана

изчезъ, а явились Ангелы для служенія Іисусу. Ибо какъ первый Адамъ паденіемъ своимъ лишилъ себя обхожденія съ Ангелами: то вторый Адамъ, выдержавъ испытаніе, паки пріобрѣлъ возможность къ сему обхожденію. Тогда Ангелы принесли ему пищу, онъ оставилъ пустыню и вступилъ въ свое званіе.

ЛАФАТЕРЪ. Еще хочу вопросить тебя, благословенная! Въ смертной жизни человѣки удивляются, для чего Христосъ училъ толь краткое время и самъ не оставилъ ученикамъ своимъ никакого письменнаго наставленія?

БОГОМАТЕРЬ. Это отъ того, что худо понимаютъ санъ посланничества Іисусова. Главною цѣлію его было страданіемъ и смертію своею изкупить отъ грѣховъ родъ человѣческій и учинить его чрезъ то блаженнымъ. Кто хотѣлъ участвовать въ семъ блаженствѣ, тому надлежало *увѣровать* въ него, яко во Спасителя; а чтобы

привести человѣковъ къ сей вѣрѣ, онъ обращалъ всегда вниманіе ихъ на точное событіе всего сказаннаго о лицѣ его въ Св. Писаніи, и чудесами подтверждалъ, что онъ дѣйствительно Сынъ Божій и обѣщанный Мессія. И такъ нравоученіе долженствовало быть не *цѣлію*, а *средствомъ*; не *основаніемъ*, а *признакомъ* блаженства, дабы посредствомъ искупленія получить участіе въ блаженствѣ. Для сего не нужно было долголѣтной жизни и продолжительнаго ученія. Какъ скоро положилъ онъ основаніе *вѣрѣ*: то и могъ уже приступить къ главной цѣли своей — *умереть за человѣчество*.

ЛАФАТЕРЪ. Я многократно удивлялся остротѣ, которую Господь показывалъ въ отвѣтахъ, на примѣръ: на вопросъ о дани Кесарю, о милосердомъ Самарянинѣ, о приговорѣ надъ блудницею.

БОГОМАТЕРЬ. Онъ имѣлъ все проницающій умъ; но скрывалъ оный подъ смиреніемъ, совершенно обладая собою, и въ обыкновенномъ обхожденіи былъ самая кротость: естьли же кто хотѣлъ предъ нимъ лицемѣрить, или испытать его; тогда взоръ его дѣлался величественнымъ, божественнымъ, пронзительнымъ, и онъ отражалъ сихъ людей такъ искусно и такъ спокойно, что они отходили отъ него пристыженными. Сіе превосходство ума его умножило ненависть къ нему въ старѣйшинахъ народа.

ЛАФАТЕРЪ. Продолжи, Благословенная, повѣствованіе твое о разныхъ дѣяніяхъ сына твоего въ обыкновенной жизни! — Сіе умножаетъ радость самаго блаженнѣйшаго духа.

БОГОМАТЕРЬ. Оно умножаетъ и мое блаженство. Въ пищѣ и питіи былъ онъ чрезвычайно умѣренъ, и не вкушалъ ничего для услажденія вкуса, а только для укрѣпленія силъ. —

Въ одеждѣ и прочемъ образѣ жизни наблюдалъ чистоту и порядокъ, и любилъ чрезвычайно простоту; почему малыя дѣти были ему всегда любезны, и они толпами сходились къ нему, какъ и всѣ добронравные люди. —

ЛАФАТЕРЪ. Для чего онъ *Іуду Искаріотскаго* избралъ своимъ Апостоломъ?

БОГОМАТЕРЬ. Для того, что Іуда сначала былъ добрый человѣкъ!

ЛАФАТЕРЪ. Развѣ Господь не могъ предвидѣть, что сей Іуда будетъ злодѣемъ?

БОГОМАТЕРЬ. Іисусъ въ человѣчествѣ своемъ на земли долженствовалъ быть также не всевѣдущъ, какъ и прочіе человѣки. — Божество обитало въ немъ сокровенно и озаряло умъ и воображеніе его тогда только, когда надлежало производить чудеса, или предузнавать будущія вещи: тогда *зналъ* онъ все и могъ дѣлать все, что

нужно было. Не за долго предъ страданіемъ открыто было ему, что Іуда сдѣлается его предателемъ: такъ какъ по вознесеніи уже своемъ снялъ онъ печать съ книги Божескихъ судебъ и узналъ о времени будущаго своего пришествія и основаніи царствія своего; прежде же онъ именно говорилъ ученикамъ своимъ, что о семъ самъ не знаетъ.

ЛАФАТЕРЪ. Но какъ могъ Іуда, находясь въ сообществѣ со Христомъ, подвергнуться такому страшному паденію?

БОГОМАТЕРЬ. Онъ былъ прежде кроткій, трудолюбивый и воздержный человѣкъ; и какъ онъ имѣлъ особливую привязанность къ Іисусу и вѣровалъ въ него: то и принятъ былъ въ число учениковъ его, а по склонности его возложено было на него попеченіе обо всѣхъ потребностяхъ жизни. Но разпоряжая приходомъ и разходомъ, сдѣлался онъ сребролюбцемъ, и видя,

что Іисусъ любилъ другихъ учениковъ болѣе, нежели его, какъ то и справедливо было, и что онъ получалъ частые выговоры, коимъ другіе не подвергались, сдѣлался завидливъ и палъ до той степени, что сталъ предателемъ. Впрочемъ не должно представлять себѣ, чтобъ Іуда ненавидѣлъ Господа и хотѣлъ его смерти. Нѣтъ, онъ не питалъ сей злобы, и вѣрилъ, что Іисусъ есть истинный Мессія; и сія-то увѣренность его была причиною, что онъ, видя многія чудеса его, думалъ, что Господь спасетъ себя: а онъ получитъ отъ Іудеевъ деньги. Когда жъ увидѣлъ, что Іисусъ дѣйствительно подвергся смерти: то чувство содѣяннаго имъ злодѣйства столько отягчило его совѣсть, что онъ не перенесъ сего бремени.

ЛАФАТЕРЪ. Что жъ было съ вами, когда вы увидѣли Іисуса преданнымъ позорной смерти?

БОГОМАТЕРЬ. Мы всѣ поражены были несказанною скорбію : но намѣки, дѣланные имъ о своихъ страданіяхъ, подавали намъ нѣкоторый лучь надежды , которая насъ подкрѣпляла. Сіи три дни, со дня заключенія его по день воскресенія , провели мы въ ужаснѣйшемъ страданіи.

ЛАФАТЕРЪ. Какъ проводили сіи дни граждане Іерусалимскіе?

БОГОМАТЕРЬ. По совершеніи убійства, въ городѣ настала ужасная тишина : немногіе являлись по улицамъ; самая неистовая толпа, вмѣстѣ съ судіями ругавшаяся распятому на Голгоѳѣ, была въ унынiи и страхѣ; вообще всѣ думали, что поспѣшили осужденіемъ его, и учинили ужасную несправедливость ; самъ Пилатъ безпокоился, досадовалъ и упрекалъ Іудейское сонмище: Иродъ же торжествовалъ надъ всѣми, потому что не имѣлъ въ томъ никакого участія.

ЛАФАТЕРЪ. Чтожъ произошло съ вами при первомъ извѣстіи о его воскресеніи?

БОГОМАТЕРЬ. Тоже, что съ тобою, когда ты пробудился отъ смерти къ жизни.

ЛАФАТЕРЪ. Да возхвалится имя Господне во вся вѣки! Но скажи, Благословенная! въ какомъ дѣйствіи земной своей жизни Спаситель наипаче показалъ величество свое? Когда и чѣмъ онъ, яко Богочеловѣкъ, сдѣлалъ наибольшее впечатлѣніе въ ученикахъ своихъ? —

БОГОМАТЕРЬ. Въ послѣдній вечеръ при учрежденіи тайной вечери и произнесеніи той великой и неизъяснимой молитвы, которую Іоаннъ предалъ отъ слова до слова. Объ Іоаннѣ вообще можно сказать, что онъ вѣрнѣе всѣхъ сохранилъ изреченія своего Учителя.

ЛАФАТЕРЪ. О возлюбленнѣйшій и приснолюбящій Спаситель! чѣмъ воз-

дадимъ тебѣ за то, что ты сотворилъ для насъ?

БОГОМАТЕРЬ. Любовію, такъ какъ и онъ все сіе творилъ по любви. *Любовь есть блаженство Бога и человѣковъ!*

Вдругъ чертоги благословенной Дѣвы Маріи озарились новымъ свѣтомъ. Океанъ славы пролился съ высоты Сіона. — Сонмы Серафимовъ составили хоры, и Богоматерь съ дружиною своею, соединясь съ ними, возторжествовала высокое побѣдное празднество.

Сіона! Я изнемогаю. — Дозволь смертному праху паки собраться съ силами. Желаніе возлетѣть однимъ воображеніемъ въ небесные круги Святыхъ есть тщетное покушеніе. — Руководствуй меня, Душе Святый! да крылія души моей нѣкогда содѣлаются способными къ сему полету. Аминь!

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Различныя дѣйствія обращенія при концѣ жизни.

Вопросъ — *можетъ ли самый величайшій грѣшникъ, на смертномъ уже одрѣ принесшій покаяніе, сдѣлатъся блаженнымъ?* — по догматамъ Просвѣщенія рѣшенъ тѣмъ, что это невозможно; потому что для сего потребна благочестивая, съ ученіемъ Христовымъ сообразная жизнь. — Естьли же спросить — *кто жъ по этому можетъ учинитъся блаженнымъ?* — то на это скажутъ: что Богъ, вѣдая слабыя силы человѣка, замѣнитъ правду милостію и не будетъ слишкомъ строго судить грѣшниковъ. Всякъ размышляющій можетъ легко примѣтить въ сихъ предположеніяхъ явное

противорѣчіе: но таковые софизмы стараются вводить для того, чтобы обойтись безъ стараго ученія о паденіи Адама и о искупленіи чрезъ страданіе и смерть Христову.

На семъ пунктѣ основывается модное правило, что Священнику не нужно — да и глупо будетъ — стараться обращать грѣшниковъ при смерти; а только утѣшать ихъ, дабы они спокойнѣе были въ остальные часы земной своей жизни: кто же еще о семъ заботится, того ругаютъ и смѣются надъ нимъ, какъ надъ суевѣромъ, надъ фанатикомъ.

По истинѣ много надобно имѣть мужества и твердости въ вѣрѣ, чтобъ въ нынѣшнія времена явно исповѣдывать презрѣнное крестное ученіе презираемаго Христа, и слова Апостола: что „естьли въ сей только жизни мы „будемъ уповать на Христа, то будемъ „самые негодные люди.“ *1 Кор. XV. 19.* никогда такъ не были приличны, какъ

нынѣ. Какъ спокойно и въ какой чести прожилъ бы я между современниками моими, естьли бъ вѣрилъ самъ, какъ хотѣлъ, про себя, и не писалъ бы ничего, кромѣ какъ развѣ о вещахъ, до мірскаго моего званія относящихся! Но Богу извѣстно, чего мнѣ стоило покорить и безъ того къ человѣкоугодію и тщеславію склонный мой нравъ и послѣдовать вышнему зву: горе было бы мнѣ, естьли бы та склонность во мнѣ превозмогла! Тогда я уподобился бы рабу, скрывшему данный ему талантъ въ землю, и слѣдовательно долженствовалъ бы ожидать себѣ страшной его участи. Впрочемъ и для самаго *просвѣщеннаго* ума это трудный вопросъ: *какъ можетъ совершенно развращенная и къ добру неспособная воля въ пороках и злодѣяніяхъ закоснѣвшаго грѣшника сдѣлать его способнымъ къ небесному гражданству?* — И опять: *какое,*

при утвержденїи сего ученїя, употребитъ средство, чтобы грѣшникъ, обнадѣжившись на сїе, не сталъ откладывать обращенїе свое до своей кончины? Обыкновенный отвѣтъ: — но мы не знаемъ, когда умремъ, и можетъ быть такъ скоропостижно, что не будемъ имѣть времени и одуматься — весьма слабъ и недостаточенъ къ удержанію легкомысленнаго; ибо каждый *надѣется* имѣть еще время покаяться, и на то полагается.

Я просилъ Сіону объяснить мнѣ сей важный вопросъ, и она въ одинъ тихій, безмолвный и торжественный часъ разсказала мнѣ слѣдующее приключеніе въ Царствѣ Духовъ.

Два великіе преступника *Рашангъ* и *Тобалъ* были пойманы, уличены и осуждены на поносную смерть. Правительство, исполняя долгъ Христіанскій, дало имъ время на обращеніе; и Священникъ того мѣста, истинный

Евангельскій учитель, употребилъ самыя сильнѣйшія средства, чтобъ дать имъ кореннымъ образомъ узнать грѣховное ихъ состояніе и съ чувствомъ раскаянія прибѣгнуть къ великому Примирителю. — Сколько человѣки могутъ постигать разсужденіемъ, онъ совершенно достигнулъ своей цѣли; оба преступника, казалось, приняли смерть, какъ истинно обратившіеся грѣшники.

Пробудившись по ту сторону гроба въ Узилищѣ Мертвыхъ къ безсмертію, они изумились, увидя безпредѣльную пустыню и неизчислимое множество отлученныхъ душъ, толпившихся у горы Востока и въ безмолвіи ожидавшихъ своего суда. Рашангъ, въ безпокойствѣ, первый прервалъ молчаніе.

РАШАНГЪ. Я думалъ, что насъ по смерти тотчасъ отведутъ на небо.

ТОБАМЪ. Развѣ ты думаешь, мы достойны быть на небесахъ?

РАШАНГЪ. Хотя сами мы того не достойны, но мы обратились и принесли покаяніе: а Христосъ обѣщалъ таковымъ небо.

ТОБАМЪ. Помышляя о всей моей жизни, я глубоко чувствую, что безъ чудеснаго Божескаго милосердія не льзя мнѣ сдѣлаться блаженнымъ. — Естьли бы теперь могъ я снова родиться на землѣ: то бы я до послѣдней капли крови сталъ сражаться съ собою и со всею вѣрностію служить моему Господу.

РАШАНГЪ. Но могъ ли бы ты сіе исполнить? — Человѣческая натура слишкомъ слаба къ тому.

ТОБАМЪ. Такъ: но я желаю сего искренно, и не переставалъ бы просить силъ къ тому, до тѣхъ поръ, пока бы ихъ не выпросилъ.

РАШАНГЪ. Теперь сіе желаніе не поможетъ; я полагаюсь на то обѣщаніе, что всѣ тѣ, кои принесли истинное покаяніе, должны сдѣлаться

блаженными; а какъ я обратился, то и надѣюсь получить сію милость.

Тутъ приближился къ нимъ, сокрывъ свое величіе, тотъ самый Ангелъ, который облегчилъ имъ кончину ихъ и невидимо провелъ ихъ въ Узилище Мертвыхъ. — Слѣдуйте за мною, сказалъ онъ имъ; тамъ рѣшится ваша участь! Они съ радостію пошли за нимъ и скоро пришли въ нѣкую свѣтлую страну на пространную равнину, гдѣ, казалось, вѣчная Натура начинала образовать небесныя поля. — Подобно какъ въ первые весенніе дни, при солнечной теплотѣ, изъ мертвой земли, только что начинаетъ выходить зеленѣющая травка и по мѣстамъ являться цвѣточки, и на засохшихъ деревьяхъ показываться отпрыски: такъ и здѣсь можно было примѣтить недостатокъ еще въ небесныхъ силахъ; но легкій вѣтерокъ отъ вѣчнаго Востока навѣвалъ прохладную росу, кото-

рая давала отраду томившимся жаждою душамъ.

Здѣсь нашли они большія и малыя общества и уединенно ходившія человѣческія души; Ангелъ, приведшій ихъ въ сіе мѣсто, оставя ихъ тутъ, скрылся.

ТОБАМЪ. Братъ! какъ здѣсь хорошо! Я хотѣлъ бы вѣчно здѣсь жить; пойдемъ къ этому обществу, которое такъ мирно и покойно веселится. — Рашангъ молча шелъ за Тобамомъ.

Общество сіе приняло ихъ дружески; Тобамъ подошелъ со смиреніемъ и сказалъ: Небесные братья! простите, что такой великой грѣшникъ, какъ я, дерзаетъ присоединиться къ вамъ. Я достоинъ вѣчнаго осужденія: но безконечное милосердіе Господа дозволило мнѣ участвовать въ его искупленіи; онъ простилъ грѣхи мои, простите меня и вы.

Общество отвѣтствовало: И мы всѣ осужденія достойные грѣшники, но равномѣрно удостоились милосердія Господа! Соединися съ нами, братъ, мы тебѣ очень рады.

Рашангъ стоялъ одаль и казался недовольнымъ. Тобамъ подошелъ къ нему съ дружескимъ видомъ и спросилъ: Братъ! ты что-то недоволенъ? Каковъ ты? духъ твой неспокоенъ! —

РАШАНГЪ. Я стыжусь за тебя: ты безъ зазрѣнія совѣсти сказываешь всѣмъ, что ты великой грѣшникъ! Довольноб̀ъ было, чтобъ и одинъ Богъ зналъ это.

ТОБАМЪ. Я хочу торжественно возвѣщать всѣмъ небесамъ, какой великой я преступникъ, дабы милосердіе, оказанное мнѣ Господомъ, всѣмъ было извѣстно, и дабы онъ и чрезъ меня прославлялся. Но я чувствую мертвый запахъ, видъ твой измѣняется, онъ меня гонитъ прочь. Ахъ, Рашангъ! ужасный твой нарывъ толь-

ко снаружи былъ залеченъ, а теперь снова съ большею еще ядовитостію прорывается. Выдави его начисто, чтобы не осталось въ немъ ни капли гною: иначе ты навсегда погибнешь.

РАШАНГЪ. И мнѣ также становится дурно, я не могу здѣсь быть долѣе.

Тобамъ возвратился къ обществу; а Рашангъ удалился на западъ, гдѣ въ мрачной и безплодной пустынѣ встрѣтились ему другія общества, изъ которыхъ иныя отдыхали, иныя прохаживались.

Ангелъ, слѣдовавшій за нимъ, приближился къ нему и сказалъ:

Рашангъ! обращеніе твое было не искреннее; загляни въ духъ твой и скажи: для чего искалъ ты Божескаго милосердія? —

Рашангъ замолчалъ и отворотился.

Ангелъ продолжалъ: ты приносилъ покаяніе изъ страха осужденія; въ

грѣхахъ своихъ раскаявался для избѣжанія муки вѣчной и чтобъ сдѣлаться участникомъ блаженства.

РАШАНГЪ. Это правда! Но для чегожъ бы инаго мнѣ это и дѣлать? — Что еще надобно?

АНГЕЛЪ. Испытай себя строго, и разсмотри свою внутренность: сдѣлался ли бы ты благочестивымъ, Богу покореннымъ Христіаниномъ, есть-ли бы тебѣ паки дарована была жизнь? Или не предался ли бы ты опять прежнимъ твоимъ порокамъ, либо остался скрытно злымъ человѣкомъ, боясь палача? Тобамъ покаялся, признавъ грѣхи свои ужасными и гнушался ими даже здѣсь: а ты принесъ раскаяніе только потому, что слѣдствія грѣховъ были тебѣ ужасны. — Какъ скоро страхъ сей пройдетъ: то ты снова сдѣлаешься прежнимъ грѣшникомъ. Основаніе духа твоего, Рашангъ, еще не перемѣнилось; тебѣ не достаетъ еще новаго рожденія отъ духа Божія.

РАШАНГЪ. Но скажи мнѣ, ужасный незнакомецъ! чтожъ мнѣ дѣлать?

АНГЕЛЪ. Смотри Рашангъ, какъ въ тебѣ свирѣпствуетъ гордость: а она есть корень грѣховъ. Естьли ты въ состоянiи будешь подойти также къ этому обществу и сказать, кто ты таковъ, совершенно обнаружишь свое сердце и безъ малѣйшаго гнѣва смиренно и равнодушно снести насмѣшки его и презрѣнiе: то почувствуешь облегченiе; и естьли въ семъ смиренiи пребудешь до тѣхъ поръ, пока совершенно не побѣдишь свою гордость, то вступишь въ лучшiя общества и постепенно достигнешь до способности къ небе ному царствiю.

РАШАНГЪ. Но по чемужъ люди на земли не требуютъ такого строгаго покаянiя? Тамъ не требуется, чтобъ открывали другимъ грѣхи свои: на что здѣсь мнѣ это дѣлать?

АНГЕЛЪ. Въ земной жизни душа соединена еще съ тѣломъ; тамъ все

такъ устроено, что падшій человѣкъ легко можетъ обратиться и возродиться; тамъ чувственная натура умѣряетъ страданія: а здѣсь сего нѣтъ, для того, что вѣчная Любовь хочетъ, чтобы грѣшникъ когда нибудь обратился; и чѣмъ онъ упорнѣе, тѣмъ и строжайшія средства для него нужны. — Человѣкъ, раждаясь въ земную жизнь, еще не согрѣшалъ; онъ приноситъ въ міръ одну только *склонность* ко грѣху, и средства спасенія и благодати съ самаго рожденія его дѣйствуютъ уже и продолжаютъ дѣйствовать до самой его смерти. И такъ естьли онъ тамъ не воспользуется оными, то здѣсь нужны строжайшія средства къ покоренію его упорнаго духа: а чѣмъ онъ жесточе и непреклоннѣе, тѣмъ строже приняты должны быть мѣры къ его спасенію.

РАШАНГЪ. Но за чѣмъ Богъ даровалъ мнѣ такой упорный духъ? Для

чего во время жизни моей на земли не употребилъ онъ строжайшихъ средствъ къ совершенному моему обращенію? —

АНГЕЛЪ. Человѣки различны свойствами, одинъ болѣе, другой менѣе склоненъ ко злу; потому и Богъ одному болѣе, другому менѣе даетъ случаевъ, побудительныхъ причинъ и средствъ, къ преодолѣнію сей мятежной склонности. Напомни себѣ прошедшую жизнь твою: ты найдешь достаточное тому свидѣтельство. — Тобамъ не такой ли же закоснѣлый былъ злодѣй, какъ и ты? Помысли о сдѣланномъ тобою вопросѣ: для чего Богъ во время жизни твоей на земли не употребилъ строжайшихъ средствъ къ совершенному твоему обращенію? Какое есть еще строжайшее и дѣйствительнѣйшее средство къ приведенію на покаяніе грѣшника, какъ не заключеніе въ темницу и позорная смерть на эшафотѣ? — Все

сіе совершенно воздѣйствовало надъ Тобамомъ, а надъ тобою нѣтъ. Кто же сего причиною? Помысли, Рашангъ: *Тебѣ обѣщано было, что всѣ грѣхи будутъ тебѣ прощены ради страданій и смерти Христовой съ тѣлъ, что уже и не ломянутся тебѣ въ вѣчности, естьли ты искренно раскаешься и будешь просить о прощеніи. Ты возжелалъ отпущенія грѣховъ, и тѣлъ успокоился, не пожертвовавъ безусловно всей воли своей Господу, такъ что естьли бы тебѣ снова дарована была жизнь, то ты сталъ бы служить ему отъ всего сердца и всѣми силами. Ты успокоился на чувствѣ отпущенія грѣховъ твоихъ, и потомъ сталъ грѣшить по прежнему. И такъ послѣдуй моему совѣту, чтобъ состояніе твое не сдѣлалось хуже.* Здѣсь страданія отчасу будутъ увеличиваться, чѣмъ далѣе станешь ты откладывать свое обращеніе, которое состоитъ ни въ

чемъ другомъ, какъ въ умерщвленіи гордаго самолюбія.

Рашангъ съ печальнымъ видомъ подошелъ къ тому обществу, которое указалъ ему Ангелъ. Стыдъ и гордость сражались съ желаніемъ учиниться блаженнымъ; онъ приближился къ нимъ и сказалъ весьма робко: *Я великой грѣшникъ; позвольте мнѣ вступить въ ваше общество!*

Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: Мы сами всѣ таковы: но ты кто, и что сдѣлалъ?

Рашангъ смутился. Ангелъ, приближась къ нему, увѣщевалъ его признаться во всѣхъ своихъ грѣхахъ и разсказать исторію всей своей жизни: но Рашангъ молчалъ. Тогда подошелъ къ нему другой неизвѣстный духъ и сказалъ: нѣтъ, это общество не для тебя; пойдемъ къ другому, тамъ можешь ты все разсказать.

Рашангъ пошелъ за новымъ своимъ

проводникомъ далѣе на западъ, а Ангелъ съ видомъ печальнымъ удалился. Тамъ нашелъ Рашангъ многія души, которыя съ видомъ мнимаго удовольствія разхаживали и весьма важно разговаривали между собою. Здѣсь Рашангъ ощутилъ въ духѣ своемъ менѣе сопротивленія, приближился къ нимъ и разсказалъ имъ, кто онъ таковъ. Собесѣдники его слушали его со вниманіемъ и обрадовались его приходу: отъ чего сдѣлавшись смѣлѣе, онъ пошелъ далѣе и сталъ разсказывать всѣ свои злодѣйства; но тутъ примѣтилъ онъ, что его начали презирать, дѣлать ему упреки и во-все отъ него удаляться. — Ангелъ подошелъ къ нему еще, и сказалъ: Рашангъ! возвратись; естьли ты пойдешь далѣе, то погибнешь вѣчно. — Но презрѣніе и насмѣшки сдѣлали въ немъ толь глубокое впечатлѣніе, что гордость его не могла болѣе ихъ вытерпѣть; когда же потомъ другой

проводникъ махнулъ ему, сказавъ: поди сюда; я провожу тебя въ такое мѣсто, гдѣ примутъ тебя ласково: то внутреннее побужденіе невольно повлекло Рашанга далѣе, и Ангелъ оставилъ его навсегда.

Рашангъ шелъ далѣе на западъ, гдѣ восточное сіяніе чуть уже было видно. Здѣсь нашелъ онъ множество душъ, которыя въ великомъ смятеніи ходили взадъ и впередъ и разговаривали о злодѣяніяхъ прежней своей жизни. Рашангъ еще болѣе ободрился, сталъ дышать свободнѣе, и разсказалъ всѣ свои мерзости; что имъ весьма полюбилось, и они тотчасъ признали его себѣ за брата: но тутъ же онъ ощутилъ, каково сдѣлаться членомъ сего братства. И послѣдняя струя источника жизни изъ ранъ Спасителя пресѣклась; кроткія успокоительныя слова жизни: *отлущаются тебѣ грѣхи твои* совершенно въ душѣ его изгладились, и свирѣпство страстей

снова возбудилось. Повѣствованіе о грѣхахъ одного раздражало грѣховныя желанія другаго; часто они обманывали другъ друга: но какъ всякой могъ читать душу всякаго изъ нихъ, то каждый открывалъ такую ложь и обличалъ лжеца: отъ чего гордость его и стыдъ превращались въ ярость противъ обличителя, и отъ того происходило между ними страшное волненіе и смятеніе.

Такое общество вскорѣ сдѣлалось достойнымъ вѣчнаго осужденія; тотчасъ явился къ нимъ Ангелъ судія. Каждый развернулъ предъ нимъ свитокъ своей жизни, и превратился въ гнуснаго урода, по свойствамъ своимъ; потомъ собственнымъ побужденіемъ повлекся къ мѣсту вѣчныя муки, по натурѣ его ему уготованной.

Между тѣмъ какъ Рашанга постигала сія ужасная участь, Тобамъ бесѣдовалъ съ своими братьями, которые были такіеже облагодатствован-

ные грѣшники, какъ и онъ, о великихъ и непостижимыхъ чудесахъ Божескаго милосердія во Христѣ; посѣщавшіе ихъ Ангелы научали ихъ будущимъ ихъ должностямъ, когда они содѣлаются гражданами царствія Божія. Ибо какъ они обратились только предъ кончиною, то души ихъ не могли еще навыкнуть въ упражненіяхъ богоугодныхъ, долженствующихъ учиниться въ нихъ практическими и духу присносущными, прежде нежели они введутся въ гражданство Царствія Божія.

Тобамъ особливо чувствовалъ во глубинѣ души своей неизреченную благодать Божію, и бесѣдуя съ посѣтившимъ его Ангеломъ Салимомъ, съ душевнымъ движеніемъ спросилъ его: Изъясни мнѣ, Ангелъ Господень! какъ можетъ человѣкъ, утопавшій всю жизнь во грѣхахъ и дѣлавшій одно зло и великія беззаконія, при концѣ

своемъ обрѣсти еще благодать у Господа?

САЛИМЪ. Вѣчный Отецъ всѣхъ существъ и человѣковъ въ совѣтѣ своемъ положилъ: за страданіе и смерть воплотившагося Сына Божія, прощать всѣ грѣхи человѣковъ, и не вспоминать ихъ, такъ какъ бы ихъ во-все содѣяно не было, съ такимъ только опредѣленіемъ, чтобы благодать сію получалъ токмо тотъ, кто принесетъ чистосердечное покаяніе во грѣхахъ своихъ, и твердо рѣшится никогда уже не согрѣшать; истинную вѣру во Спасителя человѣковъ содѣлаетъ вѣчною своею собственностію, и духомъ его будетъ управляться и освящаться. Непослѣдующихъ же сему Божескому опредѣленію правосудіе его осуждаетъ на заслуженную казнь, и средства искупленія для таковыхъ недѣйствительны. Теперь видишь, почему тяжкіе твои грѣхи могутъ быть тебѣ отпущены.

ТОВАМЪ. Что Богъ отпущаетъ грѣхи, это я вижу: но какъ это можетъ быть, того не понимаю. Однажды ночью убилъ я слугу, который стерегъ имѣніе Господина своего и защищалъ оное. Сего смертоубійства никакое помилованіе загладить не можетъ, тѣмъ менѣе я могу себѣ присвоить прощенія. Въ другой разъ одна бѣдная вдова, опасаясь воровъ, отдала лучшія свои вещи на сохраненіе своему родственнику: но я обокралъ его и унесъ всѣ ея вещи, отъ чего пришла она въ нищету и съ печали умерла, а дѣти ея пошли по міру. Еще я убилъ мальчика, опасаясь, чтобы онъ со временемъ не открылъ меня. Злодѣяніямъ моимъ нѣтъ конца, и однакожъ всѣ они мнѣ отпущены. Сіе хотя меня и успокоиваетъ: но бремя зла чрезвычайно меня угнѣтаетъ. О! естьли бы я могъ вознаградить то чѣмъ нибудь, какъ бы охотно я возвратился въ земную

жизнь, чтобъ только заслужить всѣмъ обиженнымъ мною мои обиды!

Салимъ улыбнулся, и давъ знакъ Тобаму слѣдовать за нимъ, провелъ его сѣверозападною стороною къ предѣламъ Царства Дѣтскаго и поставилъ на пригорокъ, съ котораго можно было видѣть нѣкоторую часть перваго неба. — При видѣ сего небеснаго разсвѣта Тобамъ потупилъ взоръ, сталъ благоговѣйно молиться и воздалъ хвалу Господу. Салимъ, припо-
днявшись на высоту, воззвалъ кроткимъ гласомъ: Наѳанъ! — и тотчасъ предъ него явился нѣкто просвѣтленный, изъ всего существа котораго просіявало блаженное спокойствіе. — Наѳанъ! — сказалъ ему Ангелъ — вотъ твой убійца! — Наѳанъ возблисталъ еще свѣтлѣе: благодарю Господа, возгласилъ онъ, что я тебя здѣсь вижу! и облобызалъ Тобама, который такъ пораженъ былъ симъ дѣйствіемъ Наѳана, что едва могъ на

ногахъ устоять. Тебѣ ли радоваться о томъ, что меня здѣсь видишь? отвѣчалъ онъ. Ахъ, прости меня! прости злодѣя!

НАѲАНЪ. Господь простилъ тебя, и я за сіе воздаю хвалу ему; ибо ты изъ всѣхъ человѣковъ величайшій мой благодѣтель.

ТОБАМЪ. Какъ это могло быть? мнѣ это непонятно!

НАѲАНЪ. Хотя я жилъ по свѣтски весьма честно и почитался добронравнѣйшимъ гражданиномъ: но о будущей жизни, о новомъ рожденіи, я и не помышлялъ. — Я влюбился въ одну молодую замужнюю женщину, такъ какъ и она въ меня; и въ тотъ самый день, какъ я, забывъ честь и совѣсть, намѣренъ былъ увезть ее отъ мужа и содѣлаться прелюбодѣемъ, ты напалъ на меня и симъ самымъ спасъ меня отъ сего преступленія. Ибо какъ я не умеръ на мѣстѣ; а нѣсколько еще недѣль страдалъ отъ

ранѣ моихъ: то вѣчная Любовь даровала мнѣ тѣмъ средство къ обращенію моему; я принесъ сердечное покаяніе и обрѣлъ прощеніе грѣховъ моихъ и благодать у Господа.

Салимъ позвалъ потомъ вдову и убитаго мальчика. Оба они предстали въ видѣ свѣтлыхъ Ангеловъ.

САЛИМЪ. Взгляни Тобамъ! Вотъ та ограбленная вдова! — А это, Саломія, тотъ, кто тебя ограбилъ!

Тобамъ трепеталъ какъ преступникъ предъ судіею, но Саломія бросилась къ нему въ объятія и сказала: да наградитъ тебя Господь блаженствомъ! Ты избавитель мой! Хвала милосердому Господу, спасшему и тебя равномѣрно!

ТОБАМЪ. Чудеса вѣчности непостижимы! — Но по чему я твой избавитель?

САЛОМІЯ. Одинъ нечестивый и развратный молодой человѣкъ прельстивъ меня, въ намѣреніи получить

малыя мои деньги, началъ свататься за меня: когдажъ я чрезъ тебя лишилась всего, что имѣла, то онъ отъ меня отказался. Я умирала съ печали: но милосердый Отецъ болѣзнію моею обратилъ меня къ Себѣ; и я обрѣла благодать его и отпущеніе грѣховъ. И такъ ты былъ моимъ избавителемъ.

САЛИМЪ. А сей юноша, естьли бы жизнь его еще продолжилась, сдѣлался бы величайшимъ злодѣемъ. Молитва благочестивой его матери спасла и его, ты былъ орудіемъ къ тому.

ТОБАМЪ. Пути Господа непостижимы! Велики и высоки дѣла его! Такъ употребляетъ онъ величайшихъ злодѣевъ орудіями къ благой цѣли: но преступленія Рашанга, въ которыхъ я не имѣлъ участія, были ли также средствами къ добру!

САЛИМЪ. Всѣ преступленія и всѣ грѣхи человѣковъ и злыхъ духовъ имѣютъ одинакое направленіе. Изъ

нихъ долженствуетъ произойти добро, въ чемъ и состоитъ премудрость высокаго Правителя, страданіе и смерть вкусившаго и сѣдящаго одесную величества Отчаго, коему дана всякая власть на небеси и на земли, и въ семъ-то отъ части состоитъ таинство искупленія. Христосъ вочеловѣченіемъ своимъ и исполненіемъ вѣчнаго сокровеннаго совѣта Бога, Отца своего, пріобрѣлъ могущество исправлять всѣ свободныя дѣйствія человѣческія; такъ что здѣсь, въ царствѣ Духовномъ, грѣхи ихъ имѣютъ благословенныя слѣдствія для облагодатствованныхъ чадъ Адамовыхъ. Симъ-то образомъ совершенно удовлетворяется строгое и неизмѣняемое правосудіе Божіе, чрезъ заслуги Христовы, въ которыхъ кающійся грѣшникъ такъ участвуетъ, какъ бы онъ самъ ихъ исполнилъ.

Понятно ли теперь тебѣ, Тобамъ, какъ Богъ можетъ всѣ грѣхи всего

человѣческаго рода, за заслуги Христовы, простить точно такъ, какъ бы ихъ во-все не было и какъ бы первый человѣкъ никогда не палъ? *Ибо Христосъ обращаетъ грѣхи въ средства ко благу и благословенію человѣчества*. — Равнымъ образомъ ты можешь понять и то, какъ грѣхи самаго величайшаго грѣшника, ради заслугъ Христовыхъ, не причитаются ему въ вину, естьли онъ только вѣрою соединится съ нимъ и оживится духомъ его; ибо тогда, составляя съ нимъ единъ духъ, онъ долженъ непремѣнно съ нимъ быть блаженнымъ.

Также ясно и то, почему человѣкъ, умирающій во грѣхахъ и не соединившійся вѣрою со Христомъ, не можетъ имѣть части въ заслугахъ его; ибо онъ, продолжая всегда грѣшить, умножалъ виновность свою, не присвоя себѣ заслугъ Христовыхъ. Почему грѣхи его необходимо

должны осуждены быть въ немъ, и онъ долженъ быть наказанъ по своей злой волѣ, дабы наказаніемъ подать правдѣ Христовой средство къ испребленію въ немъ корня грѣха, злой воли.

ТОБАМЪ. Какой открывается мнѣ источникъ блаженства! Благодарю тебя, Небесный гражданинъ! за твое поученіе. —

САЛИМЪ. Грѣшникъ, очистившійся примирительною кровію Христовою, развертывалъ уже свитокъ своей жизни при обращеніи своемъ, какъ и съ тобою случилось предъ кончиною твоею; а потому уже и не для чего тебѣ болѣе развертывать его. И такъ именемъ Сѣдящаго на престолѣ возвѣщаю тебѣ, что ты нынѣ внидешь въ радость Господа твоего.

Тобамъ просіялъ какъ Ангелъ. Ему показанъ былъ приличный состоянію его кругъ дѣйствованія, ко благу Цар-

ствія Божія и исправленію содѣяннаго имъ на земли зла.

Благодарю тебя, Сіона, за сіе поучительное явленіе! Оно показало мнѣ, что не каждое, даже по видимому искреннее, покаяніе при концѣ жизни доставляетъ намъ блаженство. Только тотъ получитъ оное, кто обратится не изъ одного страха осужденія и не изъ одного желанія блаженства: а въ комъ родится при томъ столь сильное отвращеніе отъ грѣховъ, что онъ, естьли бы ему надлежало и долго остаться на земли и выдержать самое тяжкое сраженіе, то онъ и тогда остался бы вѣренъ и возторжествовалъ бы наконецъ. И такъ непреложная то истина, что человѣкъ, откладывающій покаяніе и обращеніе свое до послѣдней минуты, прельщаетъ себя; онъ *любитъ* грѣхъ и хочетъ наслаждаться имъ, пока можетъ: къ обращенію же нудитъ его *только* страхъ

осужденія и желаніе блаженства. Таковые и на смертномъ одрѣ неспособны къ чистосердечному покаянію. Слѣдовательно, *кто умышленно откладываетъ покаяніе до своей кончины, тому весьма трудно будетъ пріобрѣсть благодать сію, и можетъ быть онъ никогда не будетъ имѣть части въ оной.*

Но что истинно обратившійся и въ основаніи исправившійся грѣшникъ скоро можетъ учиниться способнымъ къ Царствію Божію и небесному гражданству, сіе понятно изъ того, что истинное обращеніе состоитъ въ совершенномъ разкаяніи о грѣхахъ, которое производитъ презрѣніе къ себѣ, и по мѣрѣ того *истинное смиреніе.* За симъ раждается твердая рѣшимость — никогда уже не грѣшить: чувство же недостатка силъ и многихъ грѣховъ нудитъ ко Христу: отъ чего грѣшникъ пріобрѣтаетъ благодать, силу и отпущеніе

грѣховъ; сіе же пораждаетъ въ немъ *любовь*, соразмѣрную отпущеннымъ грѣхамъ: а *смиреніе* и *любовь* суть добродѣтели, дѣлающія насъ способными къ небесному гражданству; съ помощію ихъ самый величайшій грѣшникъ, естьли только искренно обратится, скоро пріобрѣтаетъ оное небесное гражданство, и въ семъ случаѣ можно сказать, что величайшій грѣшникъ дѣлается наиспособнѣйшимъ къ небесному гражданству, по причинѣ сего смиренія и любви. Въ семъ разумѣ Христосъ сказалъ, что на небесахъ бо́льшая бываетъ радость объ одномъ кающемся грѣшникѣ, нежели о девяносто девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи. Впрочемъ безъ сомнѣнія тотъ великое получитъ преимущество, кто продолжительною борьбою со грѣхами и успѣваніемъ въ благочестіи пріобрѣтетъ опыты и познаніе путей Божескихъ и таинствъ искупленія. — Таковый

въ Царствѣ Божіемъ получитъ бо́льшій кругъ дѣятельности, нежели обыкновенный гражданинъ. *И такъ всякой судъ тѣлъ, тѣлъ онъ быть можетъ.*

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ,

ВИДѢНІЕ

ВЪ ДУХОВНОМЪ МІРѢ.

Спящіи вѣ нощи спятъ и упивающіися вѣ нощи упиваются, говоритъ Апостолъ *1. Солун.* V. 7. Но спящіе мечтаютъ въ нощи, яко бы они дѣйствуютъ днемъ, и думаютъ, что свѣтъ сонной грезы есть свѣтъ солнца; упившіеся, въ чаду піянства, почитаютъ хмель свой за силу мужества, и буйство обуявшаго виномъ философіи разума за премудрость. Естьли же какой вѣрующій вмѣшается между ними, и при свѣтѣ Евангелія станетъ искать пробиться сквозь толпу ихъ: то насмѣшки, презрѣніе, препятствія и всякіе соблазны ополчаются противъ него; тогда-то

нужно ему бдѣть, молиться и превозмогать всѣ препятствія.

Дѣти! послѣдняя година есть! Нынѣ должно вооружиться мужествомъ и вѣрою; жаркое сраженіе проходитъ скоро: но прискорбно видѣть, что чада Адамовы, братья наши, не разумѣютъ насъ и стремятся къ вѣчной своей пагубѣ. Отецъ человѣковъ! И ты, Милостивецъ, ратоборецъ Геѳсиманскій и Голгоѳскій! Спаси спасаемыхъ, и насъ, чадъ твоихъ, рукою твоею сильною преведи чрезъ Іорданъ во Царствіе твое. Аминь!

Человѣки мнѣ жалки: радуются о мирѣ, ждутъ золотаго вѣка, вымышляютъ забавы за забавами, утѣшаются просвѣщеніемъ и своимъ состояніемъ; осмѣлишься ли представить имъ ихъ ошибку — ссылаются на прежнія времена и говорятъ не подумавши, легкомысленно, что прежде еще было хуже, но стало лучше: свѣтъ де всегда былъ таковъ; те-

перь же мирѣ, и нечего бояться. Многіе, глядя на меня, пожимаютѣ плечами, и говорятѣ, что я скучный фанатикѣ.

Жалѣю о современникахѣ моихѣ; немного остается времени, и постигнетѣ ихѣ печаль: я же и всѣ подобные мнѣ фанатики возрадуемся.

Потому-то я люблю уединенныя прогулки, утѣшаюсь будущимѣ, и радуюсь, что Господь вѣ сіи послѣднія времена удостоилѣ меня быть однимѣ изѣ послѣднихѣ его свидѣтелей и посланниковѣ кѣ стаду его. Пусть постигнетѣ меня таже участь, какая постигла всѣхѣ подобныхѣ мнѣ, и самаго Господа моего! Онѣ и тогда не оставитѣ подать мнѣ силу: да будетѣ воля его! —

Недавно вечеромѣ, прохаживаясь по обыкновенію вѣ уединенномѣ отѣ людей мѣстѣ, размышлялѣ я о прошедшемѣ и будущемѣ; и какѣ я крайне желалѣ откровенія наступающей

судьбины малаго стада Господня: то Сіона предстaвила предѣ моею душею слѣдующее явленіе.

Воображеніе мое перенесло меня на одинъ холмъ, къ югу и сѣверу отъ котораго простиралась далеко длинная цѣпь горъ, досязающихъ до облаковъ: чрезъ что вся страна раздѣлялась на двѣ половины. — Западная покрыша была сумерками и походила на безпредѣльный океанъ, а на самомъ западѣ собиралась страшная туча и по временамъ сверкали изъ нея блѣдножелтыя молніи: всѣ же предметы сего неизмѣримаго пространства предстaвлялись глазамъ моимъ въ такомъ смѣшеніи, что я съ великимъ трудомъ могъ различать ихъ одинъ отъ другаго.

На востокѣ видѣлъ я такое же пространство, но въ самой глубинѣ онаго показывалась на горизонтѣ прекраснѣйшая заря въ безмѣрномъ кругу свѣта. Все же вообще казалось

новою землею, какъ бы теперь только явившеюся отъ Творческаго слова. У холма, на которомъ я стоялъ, выказывалась изъ дѣвственной земли зелень и цвѣточки; нѣсколько далѣе ложился длинными полосами прохладительный жемчужнаго цвѣта туманъ, увлажая младые отпрыски Всемощія, изъ коихъ должны прозябнуть сокровища будущихъ вѣковъ. Здѣсь духъ мой возчувствовалъ себя перенесеннымъ въ кругъ будущей своей дѣятельности. Тамо Господь прославится, думалъ я, тамъ благо быти: но рано еще устроивать сѣни.

Во мнѣ родилось побужденіе разсмотрѣть ближе всю западную сторону. Я пошелъ съ холма; но прежде нежели я сошелъ съ онаго, подулъ самый жестокой холодный вѣтеръ, наносившій при томъ мертвый запахъ, какъ бы изъ какого гнилаго болота; и я примѣтилъ клейкіе, вязкіе, свѣтящіеся метеоры, которые

плавая въ нижней части воздуха, представляли разныя чудныя явленія. Странно и страшно мнѣ показалось, что ниже, далѣе отъ холма, ни малѣйшихъ слѣдовъ всего онаго не было примѣтно: а все казалось непроходимою горою, и холмъ казался какъ бы покрытъ нѣкіимъ магическимъ кровомъ: когдажъ взходилъ я на него нѣсколко повыше, то призракъ сей изчезалъ и видимъ былъ одинъ только утренній разсвѣтъ. — Наконецъ я примѣтилъ, что сей оптической обманъ произходилъ единственно отъ изпорченной атмосферы, облежавшей западную часть сей страны.

Я захотѣлъ осмотрѣть сію, хотя ужасную, но для Испытателя любопытную землю, и узнать настоящее ея свойство: но опасаясь не безъ причины, чтобъ не потерять дороги на холмъ, старался примѣчать; не найду ли какихъ нибудь признаковъ, по которымъ бы могъ я опять сюда воз-

вратиться: однако никакихъ не нашелъ. Между тѣмъ какъ я стоялъ въ семъ положеніи, недоумѣвая, что мнѣ начать, подошелъ ко мнѣ нѣкто столь изхудавшій, что на немъ была только кожа да кости, но видъ у него былъ веселый и пріятный: что мнѣ весьма чудно показалось. Дыханіе его имѣло укрѣпительный, ободрительный и благовонный запахъ, и для сей смертоносной атмосферы весьма пріятный. — Я поклонился ему и сталъ жаловаться на мое положеніе. Съ веселою и дружескою улыбкою отвѣчалъ онъ мнѣ: надобно тебѣ помочь, и вынувъ изъ кармана зрительную трубку, подалъ мнѣ ее и сказалъ: пользуйся этимъ, пока ты здѣсь, безъ сего орудія ты погибнешь. Посмотря въ трубку, я увидѣлъ холмъ тотъ въ великомъ свѣтѣ, происходившемъ отъ утренней зари. Я обрадовался тому и оказалъ желаніе имѣть такую трубку. Возьми ее себѣ, ска-

залъ мнѣ Незнакомецъ; Господь нашъ каждаго желающаго даритъ симъ орудіемъ, но по несчастію немногіе его употребляютъ.

Я. Это удивительно! Казалось бы надлежало всѣмъ устремиться изъ сего печальнаго мѣста за холмъ въ ту славную страну.

ОНЪ. Конечно такъ: но жители сего мѣста весь холмъ съ прекраснымъ утреннимъ его свѣтомъ, какъ ты видишь въ трубку, почитаютъ за оптическій обманъ, и говорятъ, что естественные глаза не должны обманывать; ибо де Творецъ, давъ намъ ихъ, не думалъ обманывать зрѣніе тварей своихъ.

Я. Дѣйствительно такъ: но воздухъ здѣшній такъ тяжелъ, густъ и теменъ, что самыми лучшими глазами не хорошо видишь.

ОНЪ. Справедливо: а что всего хуже, то обитатели сей страны сами

виною такого изпорченнаго и нездороваго воздуха.

Я. Какъ это?

ОНЪ. Они чувствуютъ, что они по натурѣ не такъ крѣпки и здоровы, какъ бы имъ быть надлежало; но думаютъ при томъ, что Богъ сотворилъ ихъ таковыми, что они *должны* составлять сей классъ существъ въ лѣствицѣ твореній и только совершенствоваться: — что само по себѣ есть и истинно; — но они отвергаютъ подлинное къ тому средство и вмѣсто онаго употребляютъ такое, которое дѣлаетъ ихъ отчасу несовершеннѣе, а обстоятельства ихъ еще злополучнѣе; ибо у нихъ принято за правило, что Богъ одарилъ естество тварей такимъ свойствомъ, что онѣ могутъ достигать своего назначенія: — что опять истинно; — но когда твари, имѣя свободную волю, свободными своими дѣяніями повреждаютъ натуру свою до того, что она

производитъ совсѣмъ противное дѣйствіе: то естественно, что онѣ отчасу дѣлаются слабѣе и нездоровѣе; и вотъ положеніе несчастныхъ обитателей сей страны.

Сначала западная сторона не отдѣлялась никакою горою отъ восточной. Отъ вѣчнаго востока до вѣчнаго запада все было одна новая земля, и чистый плодотворный протокъ воды живыя, изтекавшій сначала съ самой вершины, разливался на многіе ручейки и все орошалъ своею плодоносною влагою. — Здѣсь-то Богомъ сотворенъ оный родъ свободно дѣйствующихъ существъ и поставленъ въ сію младенчествующую натуру, которая долженствовала отчасу укрѣпляться и дѣлаться плодоноснѣе; отчасу болѣе разпространяться къ первоначальному свѣту на востокъ, и слѣдовательно совершенствоваться. — На самомъ же отдаленнѣйшемъ западѣ обитаетъ родъ враждебныхъ

духовъ, которыхъ сотворилъ Богъ еще въ прекраснѣйшей натурѣ; но они захотѣли сдѣлаться независимыми отъ Бога и возстали противъ Творца своего: почему всемогущество оградило ихъ высокими горами, чрезъ что источникъ жизни отъ страны ихъ уклонился; а оная превратилась въ безобразное вонючее болото, которое еще гораздо хуже сей нашей страны. —

Сіи враждебные духи, завидуя роду нашему, старались прельстить его и овладѣть его страною, что — къ несчастію! — имъ и удалось. Главный прельститель объявилъ намъ, что Богъ одарилъ насъ способностію разумѣть доброе и злое, истинное и ложное; слѣдовательно по вѣчному праву натуры должны мы сами дать себѣ законы и управлять собою; ибо свободныя существа не могутъ отдаться въ управленіе никакому другому существу, не подвергшись подъ

нго величайшаго неправосудія и тиранства. — Сіе ложное умствованіе было нами принято; родъ нашъ также возмутился, и Всемогущій оградилъ и насъ сею горою, чрезъ что во-все пресѣкся и для насъ источникъ жизни, и мы лишились возможности сообщаться съ востокомъ. Тогда всѣ стоячія воды превратились въ вонючія болота, такъ что вся натура загнила; и мы бы всѣ уничтожились, естьлибъ по природѣ не были безсмертны. —

Между тѣмъ Творецъ и Отецъ всѣхъ существъ умилосердился надъ нами; вѣчное Слово его, Царь свѣта, разрушилъ оную гору и оставилъ только сей пригорокъ. Зри, тамъ у подошвы его течетъ источникъ воды живой, который проливается туда, куда кто его проведетъ. Кто пьетъ изъ него, тотъ дѣлается здоровымъ, разумъ его проясняется и все существо его

отчасу ближе подходитъ къ божественной натурѣ.

Я. Вотъ плачевное состояніе! Но прошу сказать мнѣ, какъ же духовные обитатели сей страны исправляютъ свое состояніе? —

ОНЪ. Воздухъ, вода и все, что сія земля ни производитъ, разслабляетъ и приводитъ какъ бы въ обморокъ; они же вмѣсто того, чтобъ питать и укрѣплять *дѣйствующую* часть организаціи, питаютъ и укрѣпляютъ только *страдательную* часть оной. Напейся изъ сего источника, береги трубку и иди за мною, я покажу тебѣ состояніе сей страны и ея обитателей.

Я напился изъ источника жизни, взялъ трубку въ руки, и пошелъ за моимъ проводникомъ.

Мы шли между деревьями и кустарниками, и я видѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духовъ, стоящихъ спокойно и смирно, зажмуря глаза;

они не двигались и не показывали ни малѣйшаго знака жизни, точно такъ, какъ бы были статуи. — Кто это? спросилъ я у моего проводника, и что они такъ худы? — Тоже самое съ удивленіемъ примѣчаю я и на тебѣ; скажи мнѣ: отъ чего это?

ОНЪ. Я уже сказывалъ тебѣ, что здѣшняя пища укрѣпляетъ только страдательную часть нашего *Я*, ослабляя духовное дѣятельное начало; кто же питается ею мало, и только по необходимости, и пьетъ изъ источника жизни, тотъ получаетъ такой видъ, какъ у меня и у другихъ тамъ стоящихъ: въ насъ укрѣпляется *дѣятельная* часть, *а страждущая* ослабѣваетъ, и мы ждемъ тогда освобожденія отъ сей юдоли скорьби.

Я. Но за чѣмъ сіи духи стоятъ такъ неподвижно, какъ бы не было въ нихъ жизни?

ОНЪ. Они мыслятъ, что въ сей натурѣ должно удерживаться отъ вся-

кой дѣятельности и вкушать только отъ одного источника жизни; а потому они, оставя всю внѣшность, внутренно обращаютъ мысли и умъ свой непрестанно къ Богу.

Я. Не лучше ли бы они сдѣлали, естьлибъ благодѣтельнымъ образомъ помогали въ обращеніи и другимъ духамъ, дабы и ихъ подвигнуть къ благимъ чувствованіямъ и спасти отъ угрожающей погибели. —

ОНЪ. Что это моя должность, мнѣ то извѣстно: но къ тому ли и они назначены, не знаю; у Господа есть разныя орудія, и онъ вѣдаетъ, къ чему употребить чистыя и благородныя существа.

Я. Я виноватъ, что о семъ вопрошалъ.

Тогда пошли мы далѣе и нашли духовъ, которые уподоблялись безобразнымъ, уродливымъ и отвратительнымъ карламъ. Головы у нихъ были превеликія и толстыя, лобъ и

подбородокъ выпятился впередъ, а носъ и ротъ вдались глубоко. Сіи существа рылись у какой-то глубокой ямы, гдѣ по мѣстамъ показывалась мутная вода, которую они пили съ великою жадностію. Они бранились за сіи колодцы и каждый хотѣлъ присвоить себѣ честь перваго открытія: но чѣмъ болѣе они изъ нихъ пили, тѣмъ болѣе умножалась въ нихъ жажда, и ссорамъ ихъ за воду не было конца.

Я. Наслѣдятъ ли и они также блаженство?

ОНЪ. Не прежде, какъ когда Господь пріидетъ.

Мы поворотили на сѣверозападъ, и скоро пришли къ превеликому болоту, заросшему простникомъ; по мѣстамъ воздвигнуты были престолы изъ кусковъ торфу, изъ которыхъ оказывалось нѣчто отсвѣчивающееся, подобное радугѣ, или мѣдноцвѣтной кожицѣ, свѣтящейся на нечистыхъ

водахъ. Обитатели сей страны имѣли преполстое брюхо, — руки же и ноги какъ у ребяпъ: широкой и плоской лобъ закатился къ затылку; а ротъ, самый большой, высунулся впередъ. Всѣ они, казалось, были довольны своимъ состояніемъ, — и глотая гнилую свою воду праздновали и веселились. — На каждомъ престолѣ сидѣлъ тотъ, у кого брюхо было толще и ротъ шире; на головѣ у него была корона изъ тростника, а на груди звѣзда изъ соломы.

Сіи Архонты по временамъ возглашали странными голосами, которые никогда не походили на прежніе; при каждомъ такомъ возглашеніи, всѣ прочіе сбирались вокругъ ихъ и старались подражать ихъ напѣву.

Сіи духи жалки мнѣ показались: я отворотился отъ нихъ, и проводникъ мой повернулъ на лѣво и повелъ меня на западъ. Съ милю шли мы по темнымъ, унынiе наводящимъ, тропинкамъ и на-

конецъ очутились въ пространной долинѣ, наполненной духами, которые всѣ спѣшили куда - то наперерывъ другъ предъ другомъ какъ бы за весьма важнымъ дѣломъ. Видъ ихъ былъ чудный; они также были самые малорослые карлы, но голова ихъ торчала конусомъ и оканчивалась остріемъ такъ, что одинъ могъ проколоть имъ другаго; и дѣйствительно они, ссорясь между собою, кололи другъ друга головами. — Также примѣтилъ я, что сіи головы не у всѣхъ были равно толсты, высоки и остры; нѣкоторыя закорючивались къ верьху и завивались улиткою, другія загибались впередъ серпомъ; а иныя были такъ подвижны, что верхушки ихъ двигались во всѣ стороны. — Сіи послѣдніе на остроконечіяхъ своихъ имѣли крючки, которыми могли зацѣпляться и отъ того казались ужаснѣе и гнуснѣе. Сверьхъ того голова у нихъ была больше тѣла, и лице по срединѣ.

Мы пришли наконецъ въ такое мѣсто, гдѣ сосредоточивалась вся дѣятельность множества сихъ остроголовыхъ духовъ; тысячи ихъ ковали длинную цѣпь, какъ бы изъ мѣди; другіе вырабатывали какую-то ткань, какъ бы паутину; иные заготовляли смолистую жидкость, въ которую обмакивали ткань свою, дабы она не пропускала сквозь себя воздуха; напослѣдокъ многіе занимались перегонкою: но что они перегоняли, мнѣ было не извѣстно. Я спросилъ у вожатаго моего: что все это значитъ?

ОНЪ. Дѣла сихъ чудовищъ, другъ мой, весьма важны, и такъ ужасны, что они блюдутся на страшный судъ. Сей родъ духовъ трудится надъ огромнымъ воздушнымъ шаромъ, къ которому хочетъ прикрѣпить ту цѣпь; и когда грозящая туча двинется ближе къ западу, то они хотятъ спустить свой шаръ, чтобъ онъ служилъ имъ отводомъ: но бѣдные не видятъ

того, что сіе самое усилитъ громовый ударъ; однако пойдемъ далѣе, ты увидишь еще ужаснѣйшія явленія.

Мы шли довольно долго на западъ, и я увидѣлъ большое озеро, въ которомъ вода казалась черноватою, но была чиста и не мутна: впереди посреди озера строилась превысокая башня, съ вершины которой можно было видѣть всю страну, и башня была почти уже отстроена. Я пожелалъ знать, къ чему всѣ эти приготовленія, и проводникъ мой мнѣ сказалъ: сія башня назначена для фонтановъ; на вершинѣ ея поставится вѣтреная мельница, которая будетъ насосами поднимать воду изъ озера въ большіе водоемы на башню, откуда чрезъ трубы проведется она во всю сію землю.

Я. Но что это за вода?

ОНЪ. Это спиртъ, выгоняемый изъ мятежной страны на западѣ, поднимающійся вверьхъ и послѣ каплями падающій въ сіе озеро; онъ весьма

крѣпокъ, и упивающіеся имъ прихо дятъ отъ того въ бѣшенство; и потому здѣшніе жители безпокойнѣе, сдорливѣе и злѣе всѣхъ прочихъ, которыхъ ты прежде видѣлъ и которыхъ еще увидишь.

Я. Но естьли предпріятіе ихъ удастся, и сія адская вода пустится по всей землѣ: то и всѣ духи опьянѣютъ и также начнутъ бѣситься.

ОНЪ. Это имъ и удастся: но чрезъ то самое они исполнятъ предвѣчный совѣтъ Вышняго, отъ нихъ сокрытый. Чрезъ слѣдствія безумнаго ихъ предпріятія, особливо чрезъ упоеніе сею адскою водою, и слѣдовательно чрезъ самый опытъ, всѣ тѣ, кои еще могутъ образумиться, узнаютъ, что нѣтъ другаго средства къ спасенію, кромѣ воды изъ Источника жизни; а потому примутся пить ее, получатъ зрительную трубку, найдутъ холмъ, и перейдутъ въ страну мира. Какъ же скоро перейдутъ всѣ они, до послѣд-

няго: то отводъ окажетъ свое дѣйствіе; буря нагонитъ тучу на сію страну, вѣтреная мельница придетъ въ сильное движеніе, вычерпаетъ всю воду изъ озера и разольетъ ее по всей землѣ; всѣ бросятся тогда пить ее, опьянѣютъ и войдутъ въ бѣшенство, называя оное дѣятельностію къ общему благу. Тогда поставленный отводъ сведетъ электрическую молнію на сію ядовитую воду, которая загорится и произведетъ огненное и сѣрное озеро, въ которомъ духи, приготовившіе оное, получатъ достойное воздаяніе по дѣламъ своимъ. Сей ужасный всеобщій пожаръ разпространится и на западъ, и превратитъ и страну первоначальныхъ возмутителей также въ огненное озеро.

Я. Не скоро ли настанетъ сей ужасный судъ? Я трепещу, уйдемъ отсюда!

Тутъ проводникъ мой повелъ меня югозападною стороною и привелъ на кладбище, гдѣ едва можно было сно-

сить духъ отъ мертвецовъ. Онъ подалъ мнѣ сосудъ, изъ котораго мы оба напились и укрѣпились; однакожъ должны были бѣжать отъ сего мѣста, дабы не обезпамятствовать и не упасть въ обморокъ. У меня волосы становились дыбомъ отъ всего того, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ. Здѣсь воспитывался Царь остроголовыхъ, бывшій еще въ малолѣтствѣ, видъ котораго былъ гнусенъ и ужасенъ; тѣло безъ мѣры толсто, а ростъ самаго малорослаго карлы. Голова была предлинная и завивалась змѣею, съ золотыми, пурпуровыми, зелеными и голубыми крапинами и полосами, и сильно двигалась вверьхъ. Сіе чудовище ни минуты не было спокойно, но безпрестанно взмахивало вверьхъ длиннымъ своимъ хвостомъ со стальными крючьями, какъ бы хотѣло достать кого. Но вотъ что было для меня всего примѣчательнѣе: я упоминалъ выше о вязкихъ, клейкихъ свѣтящихся ме-

теорахъ, за каковые тогда я ихъ и почиталъ; но теперь узналъ, что это были также духи особеннаго рода, питавшіеся нѣкіимъ особеннымъ быліемъ, произрастававшимъ въ скрытыхъ и неприступныхъ мѣстахъ, и пившіе воду изъ чернаго озера. Изъ сихъ обоихъ соковъ составлялся въ существѣ ихъ свѣтящійся фосфоръ, который выдавали они за небесный свѣтъ. — Обманчивый томный свѣтъ, скупо удѣляемый сими блудящими въ воздухѣ духами, одинъ только и свѣтилъ въ сей юдоли скорьби; и кто не смотрѣлъ вдаль, тотъ и не зналъ другаго свѣта. Но сухощавые духи, посредствомъ зрительной трубы, такъ изощрили свое зрѣніе, что заря съ холма доставляла имъ столько свѣта, сколько имъ нужно было. — Кромѣ сихъ тощихъ духовъ всѣ прочіе чрезъ сіе множество блуждающихъ духовъ такъ сбились въ пути, что даже не знали о истинномъ вѣчномъ Востокѣ,

а почитали за оный западъ съ его тучею, и думали, что сверкавшія молніи суть лучи первоначальнаго Свѣта.

Сіи блудящіе духи воспитывали младаго Царя, кормили его тѣмъ своимъ быліемъ и поили водою изъ чернаго озера: отъ чего и онъ началъ свѣтить, и немного уже не доставало ему, чтобъ также подняться на воздухъ и въ густотѣ паровъ представить страшный пламенный метеоръ, съ котораго времени онъ начнетъ управлять землею какъ Богъ и Царь. — Я спросилъ проводника моего: скоро ли сіе случится и долго ли будетъ продолжаться такое ужасное правленіе? —

Мы придемъ въ такое мѣсто, гдѣ тебѣ это скажутъ, отвѣчалъ онъ. Сей Царь погибельный вздумаетъ принудить насъ тощихъ духовъ питаться ядовитою его травою и пить изъ чернаго озера; потомъ рѣшится запрудить источникъ воды жизненной:

но тогда Господь переведетъ вѣрныхъ своихъ за холмъ въ безопасное мѣсто; отводъ окажетъ страшное дѣйствіе, земля загорится, и сей пламень такъ изувѣчитъ сего нечестиваго Царя, что онъ съ высоты своей низвергнется въ огненное озеро.

Я. Примѣчательно для меня то, что сіи духи *сами* себѣ готовятъ судъ и мѣсто казни.

ОНЪ. Сіе и есть самое премудрое правило правленія нашего Царя. Злополучные не могутъ послѣ того обвинять Бога; они также, какъ и мы, имѣли источникъ жизни и также и имъ дана была зрительная труба: но они захотѣли править собою сами, собственнымъ разумомъ и силою, и разпространить владычество свое и надъ другими духами. И такъ они и испытаютъ слѣдствіе того, которое весьма естественно и не отъ Бога произойдетъ.

Потомъ опять повернули мы влѣво

нѣсколько впередъ къ горѣ, и пришли въ такое мѣсто , гдѣ нашли духовъ, работавшихъ въ большой лабораторіи. Сіи существа были опять инаго вида ; всѣ были замаскированы и въ маскахъ своихъ походили на сухощавыхъ духовъ : но когда они ихъ скидали, то открывалось , что они были изъ числа свѣтящихъ метеоровъ и изъ остроголовыхъ. Сіи духи опаснѣе всѣхъ , потому что немногіе только изъ сухощавыхъ духовъ, имѣвшіе острое зрѣніе, могли различать ихъ сквозь маску , или изъ-за нея: прочіе же слабѣйшіе принимали ихъ за равныхъ себѣ , и бывъ обмануты ими, низвергались въ погибель: что случалось слѣдующимъ образомъ.

Поелику источникъ жизни былъ далеко отъ большей части жителей: то изъ всѣхъ классовъ ихъ выбраны были водоносы, которые должны были, черпая воду изъ источника жизни въ чистые сосуды, разносить ихъ

по всѣмъ жителямъ, чтобъ никто не имѣлъ въ ней недостатка. Сія должность была самая почтенная и важная. Но нашлись такіе водоносы, которые стали держать ведра свои и сосуды не въ чистотѣ и черпать воду не изъ самаго источника, а изъ протоковъ его, получившихъ уже вкусъ здѣшняго грунта: отъ чего водоносы пришли въ презрѣніе, къ чему блудящіе духи содѣйствовали всѣми силами, и подъ предлогомъ, что они лучше услужатъ жителямъ, нежели тѣ, и исправятъ старый цѣхъ водоносовъ, мало по малу все захватили въ свои руки. Но какъ при всемъ томъ большая часть жителей не довѣряли симъ блудящимъ духамъ: то они надѣли на себя сіи маски, чтобъ походить на прежнихъ водоносовъ. Вся бѣда состоитъ въ томъ, что они поддѣлываютъ жизненную воду, а зрительную трубку называютъ выдумкою суевѣрія.

Сія поддѣлка дѣлается въ сей лабораторіи; ибо они увѣрили, что вода въ источникѣ жизни, хотя и хороша, но имѣетъ въ себѣ много минеральныхъ частицъ, которыя де, засоряя нѣжные пищепроводные каналы, производятъ то, что духи получаютъ чахотку и дѣлаются ипохондриками, какъ-то на всѣхъ насъ примѣтить можно: то и нужно де ее перегнать и очистить; и для того прибавя къ ней воды изъ чернаго озера, перегоняютъ вмѣстѣ. Перегнанная же вода опаснѣе простой озерной, и ее можно тотчасъ узнать по запаху и вкусу: озерная вода все еще имѣетъ нѣсколько вкусъ жизненной; а въ перегнанной ни вкуса, ни запаха ея уже не найдешь. Такимъ образомъ всѣ тѣ, кои никогда не пивали изъ самаго источника, находятся въ обманѣ; и всего хуже то, что опасныя слѣдствія сей воды не прежде примѣтишь можно, какъ ког-

да голова сдѣлается уже острою, и это будутъ почитать еще за красоту.

Но для чего, вы тощіе духи, спросилъ я у моего проводника, не согласитесь *сами* черпать воду изъ источника и раздавать ее всѣмъ духамъ?

ОНЪ. Это уже нѣкоторымъ образомъ и началось; не достаетъ только общаго на то согласія. — Индѣ остались еще старые честные водоносы, но число ихъ отчасу уменьшается. Когда же кто изъ насъ приноситъ воду и предлагаетъ ее духамъ, то иной говоритъ: ты принесъ воду не въ такомъ кувшинѣ, въ какихъ бывало прежніе водоносы нашивали; другой: походка и и выступка твоя не такова, какъ у прежнихъ водоносовъ; третій: платье на тебѣ не такое, какъ на тѣхъ было; четвертый: въ водѣ твоей нѣтъ прямаго вкуса; одни говорятъ, она сладковата; другіе, горьковата; третьи, солоновата;

четвертые, очень холодна и прѣсна: чтожъ тутъ сдѣлаешь, когда органы вкуса такъ изпорчены, что вода одному кажется такою, другому инаковою?

Я. Жалкое состояніе!

ОНЪ. Правда: но въ утѣшеніе тебѣ могу сказать, что насъ сухощавыхъ духовъ много, и число наше ежедневно умножается. Пойдемъ, въ ободреніе и успокоеніе твое я покажу тебѣ и славу сей страны.

Мы шли довольно долго и поворотили на востокъ къ холму. Тутъ ощутилъ я свѣжій воздухъ, и сталъ дышать свободнѣе; обоняніе мое укрѣпилось благовоннымъ запахомъ, и зрѣніе здѣлалось чище до того, что я простыми глазами могъ видѣть тотъ холмъ и зарю надъ нимъ. Я обрадовался сему, и мы скоро пришли на зеленый лугъ, чрезъ который тихо протекалъ ручеекъ жизненной воды, у котораго сидѣли компаніями сухо-

щавые духи. Они смиренно и дружелюбно разговаривали между собою, пили изъ ручейка, и ближайшіе къ оному передавали воду отдаленнѣйшимъ въ чистыхъ хрустальныхъ чашахъ, сколько кому надобно было. Здѣсь былъ разсвѣтъ утренній, при которомъ довольно ясно можно было видѣть холмъ.

Я спросилъ у проводника моего: долго ли останутся они въ семъ положеніи?

ОНЪ. Пока Змѣй-Царь не поднимется на высоту и вѣтреная мельница не окажетъ дѣйствія черной воды.

Я. Но скоро ли сіе будетъ?

ОНЪ. Пойдемъ далѣе; ты узнаешь, что узнать тебѣ дозволено.

Мы пошли вверьхъ по ручейку, (ибо внизу онъ терялся въ степи,) и нашли еще многихъ сухощавыхъ духовъ, которые ходили однакожъ порознь, не составляя сообществъ. Сихъ отшель-

пиковъ было такъ много, что я сердечно радовался числу ихъ. Но за чѣмъ сіи смиренные духи не сообщаются между собою и ходятъ врознь? спросилъ я.

Въ семъ-то и состоитъ ихъ погрѣшность, отвѣчалъ мой вожатый. Каждый думаетъ о другомъ, что съ нимъ не льзя еще вступать въ связь, почитая собственныя свои понятія одни за истинныя.

Я. Ахъ это худо, любезный другъ! — Единство есть основаніе любви; любовь соединяетъ колосья въ снопы: а только снопы собираются въ житницу Господню; остающіеся же колосья оставляются жнецамъ. —

ОНЪ. Ты правъ! По этому-то и предлежатъ еще симъ духамъ многіе опыты и большое очищеніе, которое доведетъ ихъ до самопознанія. Которые устоятъ въ испытаніи, тѣ спасутся: прочіе же погибнутъ.

Я. Но въ чемъ будетъ состоять сіе испытаніе?

ОНЪ. Остроголовые отчасу станутъ усиливаться и по судьбамъ Божескимъ сдѣлаются на короткое время обладателями всего, именно тогда, когда Змѣй поднимется. Между тѣмъ маски будутъ всё поддѣлывать ядовитую свою воду; а блудящіе духи употреблятъ всѣ прельщенія, чтобъ убѣдить духовъ, что ядовитая ихъ вода есть истинная вода жизни; и какъ она имѣетъ пряный и острый вкусъ, дѣлаетъ пьянымъ и веселитъ: то имъ и легко будетъ многихъ въ томъ увѣрить, и большая часть духовъ къ нимъ пристанетъ. Даже многіе изъ тощихъ не превозмогутъ сего искушенія и покорятся имъ: одни избраннѣйшіе останутся вѣрными, за что получатъ превосходную мзду предъ всѣми другими. — Особливо достойно сожалѣнія и горестно, что всѣ обстоятельства какъ бы со-

гласятся способствовать умыслу прельстителей; и чѣмъ болѣе живешь въ сей ужасной землѣ, тѣмъ болѣе привыкаешь къ зараженному ея воздуху и удушающему мертвому запаху: такъ что кто не станетъ ежедневно и ежечасно пить жизненную воду, у того послѣ сдѣлается рвота, и со временемъ онъ получитъ совсѣмъ отвращеніе отъ оной. Къ доверше-нію же всего несчастія стоитъ только начать пить черную ядовитую воду: то климатъ здѣшній покажется самымъ пріятнѣйшимъ для жизни, и трудно будетъ опять привыкнуть къ жизненной водѣ. Вотъ по чему испытаніе сіе и преодолѣніе соблазна такъ трудно! Прежде, пока не знали остроголовыхъ и ихъ чернаго озера, гораздо легче было выдерживать искушеніе.

Я. Но не примутся ли какія мѣры, чтобы сихъ отшельниковъ примирить и соединить съ другими тощими ду-

хами въ одно согласное и дружелюбное общество?

ОНЪ. Объ этомъ будетъ приложено стараніе: но подлинное великое соединеніе въ одно стадо сдѣлается возможнымъ только тогда, когда буря съ запада подуетъ на всю кучку ихъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы продолжали итти далѣе вверьхъ по ручейку, и пришли къ самому источнику, у подошвы холма текущему.

Первое, что мнѣ предъ глаза представилось, была глубоко внутрь простирающаяся пещера, изъ которой съ тихимъ журчаніемъ ручейка вѣялъ на меня чрезвычайно пріятный и прохладный вѣтерокъ, который освѣжилъ опять всего меня. Я спросилъ у проводника моего: можно ли дойти въ пещерѣ до самаго истока?

ОНЪ. Очень можно.

Я. Но въ ней темно, и безъ свѣта мы можемъ заблудиться.

ОНЪ. Напротивъ того скорѣе мо-

жемъ заблудиться при свѣтѣ; ибо тамъ столько диковинокъ, рѣдкостей, и столько боковыхъ пещеръ, что немудрено сбиться съ пути и никогда не дойти до истока. Изъ всѣхъ же сихъ сторонних пещеръ, изъ коихъ иная болѣе, другая менѣе, выходятъ также маленькіе ручейки, которые умножаютъ собою главный источникъ.

Я. Но какъ въ темнотѣ найти дорогу?

ОНЪ. Весьма легко и просто: надобно только знать, какъ? Остановись! — Смотри: не можешь ли ты по лицу своему узнать, откуда вѣетъ сей прохладный постоянный вѣтерокъ?

Я. Я могу это вѣрно опредѣлить.

ОНЪ. И такъ ступай спокойно и безъ страха на этотъ вѣтерокъ: ты дойдешь до главнаго истока.

Я. Но мнѣ хотѣлось бы видѣть и прочія рѣдкости сей пещеры.

ОНЪ. Желаніе твое исполнится — но не прежде, какъ когда ты дойдешь до главнаго истока.

Я. Это чудно!

ОНЪ. Тогда не покажется тебѣ это чуднымъ, а весьма естественнымъ; ступай прямо на вѣтерокъ, ты все узнаешь.

Я послѣдовалъ совѣту моего проводника, и чрезъ нѣсколько времени увидѣлъ предъ собою весьма пріятный синеватый свѣтъ, отъ коего вѣялъ на меня прохладный вѣтерокъ. — Я удвоилъ шаги и пришелъ въ пространную, четвероугольную, вездѣ раззолоченную храмину, которая показалась мнѣ сходною съ идеею, какую я имѣлъ о Святая Святыхъ во Храмѣ Іерусалимскомъ. На восточной сторонѣ сей прекрасной храмины было четвероугольное окно въ прекрасныхъ золотыхъ рамахъ. Съ неизреченною радостію увидѣлъ я въ оное восточную страну; свѣтъ вѣчнаго Востока оза-

рялъ меня, и въ окно входилъ изъ райской той страны въ пещеру ˆ чистый небесный воздухъ и отсюда проходилъ далѣе въ западную землю. И такъ сіе окно было съ восточной стороны холма, котораго обошелъ я всю подошву. — Долго стоялъ я у сего окна, и смотрѣлъ на тихій востокъ, желая насытить зрѣніе, и съ вѣчнымъ вѣяніемъ отъ востока приносился ко мнѣ свыше блаженный миръ, который проникъ все существо мое; и мнѣ казалось, будто кто шепнулъ мнѣ на ухо: *останься здѣсь!* Такъ будетъ со мною, когда Ангелъ жатвы невидимо придетъ ко мнѣ въ послѣдній день и разрѣшитъ духъ мой отъ оковъ праха.

Предъ глазами моими лежала превеликая равнина, которой конца не видно было; холмъ одѣтъ былъ зеленью, какъ бы въ Маіѣ мѣсяцѣ, и отъ подошвы до самаго верьху зелень его блистала въ синетѣ утреннихъ па-

ровъ. Растѣнія всякаго рода изникали изъ дѣвственной земли, какъ бы расли на землѣ. Душѣ моей представились тогда величественныя мысли друга нашего Пророка Исаіи, LXII. 4. Скоро миролюбивые сонмы совершившихся праведниковъ проліются, какъ оросительные источники во всѣ концы, и я съ ними! Предъ ними предъидетъ не облачный столпъ, закрывавшій Синайскаго Законодавца на горѣ; но самъ Іегова, Господь Іисусъ Христосъ, поведетъ ихъ и предастъ имъ въ область землю. *Не бойся, малое стадо; яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство!* — Лук. XII. 32.

На силу могъ я оторваться отъ сего окна. Но мнѣ должно удалиться и работать, пока день мой продолжается, дабы ничего не упустить и въ торжественный вечеръ войти вмѣстѣ съ работниками на вечерю.

Сія раззолоченная храмина содер-

жала въ себѣ еще великое сокровище, а именно: источникъ воды жизни. Въ самой срединѣ на полу ея было углубленіе на подобіе гроба, изъ котораго било пять ключей весьма тихо, которые наполняли гробницу и чрезъ отверстіе текли изъ оной ручьемъ на западъ. Напившись изъ сего источника я снова оживился и укрѣпился такъ, что могъ продолжать путешествіе мое съ новыми силами.

Я бы, можетъ быть, долѣе здѣсь пробылъ, естьли бы проводникъ мой не поторопилъ меня, сказавъ: въ это окно смотрятъ по временамъ только для ободренія силъ духа; а не теряютъ часовъ, опредѣленныхъ на работу. Пойдемъ! Я покажу тебѣ еще много важнаго! — За симъ отворилъ онъ дверь на сѣверной сторонѣ, и велѣлъ мнѣ войти въ слѣдующую храмину, которая была жемчужнаго цвѣта безъ всякаго другаго украшенія. Здѣсь также находилось окно на вос-

токъ, но такъ высоко, что безъ лѣстницы не льзя было въ него глядѣть, ни видѣть восточной страны. — И такъ здѣсь была только утренняя заря, отъ которой довольно однакожъ было свѣта для здѣшнихъ работниковъ. Здѣсь сидѣли за круглымъ столомъ въ креслахъ семь мужей и много было сухощавыхъ духовъ, которые работали особенно за другими столами; а въ дверь на западной сторонѣ входило и выходило безпрестанно много вѣстниковъ. Семеро сіи, имѣвшіе отмѣнно важный и величественный видъ, весьма тихо и чуть слышно разговаривали между собою о весьма важныхъ вещахъ. Я многое кое-что услышалъ: но мнѣ велѣно сохранить это въ тайнѣ. Также много я видѣлъ такого, что въ важныхъ случаяхъ можетъ мнѣ дать развязку на будущее. — Это были Ангелы семи временъ отъ первой великой пятидесятницы до послѣдней, когда духъ Господень про-

ліется на всяку плоть. Предсѣдательствовалъ седмый, *Неэманъ*: а *Агабавагі* и *Сарідамъ* сидѣли по правую и лѣвую руку у него, какъ Директоры. — Сіи трое закроютъ засѣданіе и *Агабавагі* приведетъ испытанное стадо къ Пастыреначальнику.

Сіи семь мужей сидѣли весьма важно и торжественно, и казалось скоро окончатъ засѣданіе; ибо изъ очей ихъ просіявала надежда вѣчной жизни. Такъ смотритъ съ холма полководецъ во время брани, разсылая всюду повелѣнія свои, и когда планъ его успѣшно производится. —

Я хотѣлъ было ихъ спросить; долго ли еще до конца? Но проводникъ мой удержалъ меня отъ того, сказавъ, что объ этомъ я въ другомъ мѣстѣ узнаю. Меня объялъ страхъ; ибо здѣсь ощутительно было присутствіе Божіе, хотя величество Его было невидимо. —

Отсюда пошли мы обратно чрезъ раззолоченую храмину, и проводникъ мой отворилъ дверь въ южную сторону, которая привела насъ еще въ чудную храмину. Здѣсь былъ *Чертогъ святыхъ таинствъ*, и на восточной сторонѣ также находилось окно; но столь низко, что можнобъ было въ него все видѣть, естьли бы оно не было заставлено хрусталями особливаго рода и вида: отъ чего свѣтъ не только преломлялся въ 7 своихъ цвѣтовъ, но еще на противоположной стѣнѣ изображалъ Іероглифическія письмена, которыя въ извѣстныя времена открывали судьбы Превѣчнаго. Здѣсь отдыхали иногда Ангелы седьми церквей, и весьма величественный духъ, или Ангелъ, по имени *Эшмареэрв*, все замѣчалъ и вписывалъ въ книгу, и любопытствующему изъяснялъ изъ нея что ему знать нужно было. — Здѣсь узналъ я конечный срокъ: однакожъ не день и не часъ; а

только показано мнѣ было 35 лѣтъ, въ теченіи которыхъ Господь пріидетъ и положитъ конецъ всему бѣдствію. —

Здѣсь увидѣлъ я также вѣрную карту и чертежъ пещеры, въ которой я находился; мнѣ показаны были рѣдкости каждаго мѣста и связь ихъ съ цѣлымъ. Отсюда въ одномъ углу на западной сторонѣ отворилась дверь, которая служила входомъ во всѣ боковыя пещеры. Къ ней прикрѣплена была нить, за которую стоило только держаться и по ней итти, чтобъ обойти безопасно всѣ лабиринты, и при томъ такъ, что каждое примѣчательное мѣсто; открывшись оку, сообщало свѣтъ и для слѣдующаго за нимъ мѣста, въ такомъ порядкѣ, что кто хотѣлъ увидѣть послѣднюю пещеру, тому непремѣнно надлежало прежде увидѣть рѣдкости всѣхъ прежнихъ: иначе ничего или мало пойметъ онъ изъ всѣхъ ихъ таинствъ.

Друзья! братья и сестры! Въ спокойные часы размыслите о представленномъ здѣсь мною видѣніи! Нѣтъ нужды въ дальнѣйшемъ толкованіи. Духъ, вдохнувшій мнѣ разумѣніе, вдохнетъ оное и въ васъ: и мы поймемъ другъ друга. Господь да благословитъ сіе *вдохновеніе!* Да возбудитъ оно насъ къ бдѣнію и молитвѣ! — Аминь!

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПІЕТИСТЫ.

Въ первомъ изданіи сей книжки у меня помѣщено было одно Приключеніе подъ симъ же названіемъ. Я хотѣлъ чрезъ то обнаружить ложныхъ святошей, маравшихъ сіе имя, и подать совѣтъ къ осторожности какъ отъ нихъ, такъ и отъ ихъ образа мыслей: но благомыслящіе люди оскорбились, что я приключенію сему далъ такое имя. Равно и я жалѣлъ о томъ, и въ сочиненіи моемъ: *Der graue Mann* просилъ прощенія, а при второмъ изданіи перемѣнилъ заглавіе *Піетисты* въ названіе: *Христіанскіе Фарисеи.* —

Между тѣмъ хочется мнѣ поговорить съ братьями и сестрами, истинными Піетистами, и сіе побудило меня опять написать Приключеніе

подъ симъ же именемъ. Прочтите оное со вниманіемъ, Друзья мои! и размыслите.

Разность мнѣній въ вещахъ посторонних, соединяемыхъ съ главною, при всемъ томъ, что основаніе вѣры одинаково, все еще раздѣляетъ между собою наилучшихъ человѣковъ. — Боже милосердый! Помыслимъ, какъ можетъ составиться *Филадельфійская* Церковь, когда каждый изъ насъ будетъ думать, что онъ-то стоитъ на прямомъ пути и собственный свой частный путь будетъ дѣлать единственно истиннымъ? Освященіе и блаженство наше основывается на искупленіи *Христовомъ*. Сему всѣ мы вѣримъ и всѣ то знаемъ: для чего же не соединимся въ одно общество, не сойдемся въ толь нужное единство, оставя каждому судить о побочныхъ вещахъ по собственному его убѣжденію? Естьли бъ онъ и заблуждался: то есть духъ, наставляющій на всякую исти-

ну; онъ и наставитъ его, лишь бы онъ мыслилъ честно и поступалъ добросовѣстно: а безъ того ничто не поможетъ. — Нашъ долгъ, Возлюбленные! — не *судить*, а *любить*.

Господь, единственная истина, во время жатвы пошлетъ своихъ жнецовъ, которые лучше, нежели мы, отдѣлятъ плевелы отъ пшеницы.

Сію истину легко можно усмотрѣть изъ представляемой мною здѣсь картины. —

Издавна внутреннее побужденіе нудитъ меня дѣйствовать къ соединенію *внутреннему*, а не *наружному*, всѣхъ истинныхъ Христіанъ; и при таковомъ побужденіи въ одинъ тихій, мирный часъ Сіона представила мнѣ слѣдующее явленіе. —

Мнѣ вообразилось, что я нахожусь на восточныхъ горахъ между *Царствомъ Тѣней* и *Царствомъ Науки*, или *Дѣтскимъ*. Со мною

было точно такъ, какъ естьли бы какой странникъ, во время ночи, заблудился въ лѣсу, и съ помощію охраняющихъ его Ангеловъ наконецъ выбрался изъ него, и на разсвѣтѣ прекраснѣйшаго весенняго утра увидѣлъ себя въ райской долинѣ и за оною вдалекѣ свою родину. —

Мнѣ представилось, что я стою въ самой срединѣ покатости холма на восточной сторонѣ, и отлогость его нечувствительнымъ образомъ сживалась съ долиною. Страна сія была наипрекраснѣйшая; восточный вѣтерокъ вѣялъ на меня благоуханіемъ, произходившимъ отъ безчисленнаго множества райскихъ растѣній, и я увидѣлъ многія отшедшія души, которыя въ горделивомъ спокойствіи разхаживали, погрузясь въ глубокое размышленіе, и по большей части всѣ по одиначкѣ: такъ что рѣдко гдѣ двѣ, а еще рѣже три, находились вмѣстѣ.

Я приближился къ одной, ходившей въ глубокой задумчивости у подошвы холма; и тотчасъ увидѣлъ потомъ другую, издали шедшую къ ней на встрѣчу. — Онѣ, казалось, узнали другъ друга. — Здравствуй *Мисторіагъ!* вскричала первая: и ты изъ страны смертныхъ переселился сюда въ страну мира! —

МИСТОРІАГЪ. Да, я проснулся къ вѣчной жизни, какъ мнѣ кажется: но ты кто таковъ? Я не узнаю тебя.

ПЕРВЫЙ. Здѣсь называюсь я *Шабатонъ*, я ....

МИСТОРІАГЪ. Вотъ первое вкушеніе блаженства, что я тебя здѣсь нашелъ! Ахъ! какое спокойствіе, какая тишина! Слава Богу! Мы наслаждаемся блаженствомъ!

ШАБАТОНЪ. Такъ, мы блаженны, и состояніе наше гораздо лучше, нежели какъ по изпорченной нашей натурѣ ожидать было можно. — Хвала

и благодареніе Господу во вся вѣки! — Я ощущаю внутри меня глубоко сокровенное желаніе узрѣть *Вселюбезнѣйшаго!* — Нѣсколько уже времени нахожусь я здѣсь въ семъ блаженномъ покоѣ: но хожу все одинъ, и ничего еще не узналъ о *Іисусѣ*; ни одинъ Прославленный небесный обитатель мнѣ не является. Не знаю, что тому причиною: а что виною тому *я самъ*, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. —

Я самъ себѣ закрытъ,
Себя еще не знаю:
Но ясно примѣчаю,
Что я не то, что былъ;
Не то, чѣмъ долженъ быть,
И жду судьбы иной.

Ты просвѣти меня, о Боже, свѣте мой!

МИСТОРІАГЪ. Это чудно! Но тамъ ходятъ многіе: развѣ ни ты не подходилъ къ нимъ, ни они къ тебѣ? —

ШАБАТОНЪ. Нѣсколько разъ я это пробовалъ: но всегда или они во мнѣ, или я въ нихъ находилъ нѣчто такое,

что препятствуетъ братскому союзу. —

МИСТОРІАГЪ. У васъ сердце еще нечисто, а потому и не льзя вамъ узрѣть Бога и насладиться совершеннымъ блаженствомъ.

ШАБАТОНЪ. Это непреложная истина: но то бѣда, что я никакъ не могу узнать своей нечистоты.

МИСТОРІАГЪ. Подойдемъ къ тому, который тамъ внизу ходитъ; видъ его мнѣ нравится.

Они пошли, и я за ними. Они поклонились другъ другу братски, и я узналъ что духъ, къ которому мы подошли, называется *Зедекїиль*. Тутъ начался слѣдующій разговоръ.

МИСТОРІАГЪ. Я только что пришелъ изъ страны смерти въ сію страну мира; нашелъ здѣсь сердечнаго моего друга Шабатона, съ которымъ мы нѣсколько лѣтъ шли вмѣстѣ путемъ покаянія и отреченія; но къ удивленію моему нашелъ я его одного,

и онъ жалуется, что не можетъ еще удостоиться лицезрѣнія Господа: причиною сего мнѣ кажется то, что у всѣхъ ходящихъ здѣсь по одиначкѣ, сердце еще нечисто; какъ же скоро они очистятся, то немедленно узрятъ Бога, и насладятся совершеннымъ блаженствомъ.

ЗЕДЕКІИЛЬ. Ты правъ, любезный братъ! Однакожъ въ тебѣ открывается мысль, отражающая меня отъ тебя. — Ты говоришь, *что ты съ другомъ твоимъ нѣсколько лѣтъ ходилъ путемъ покаянія и отреченія:* — отъ чего сія медленность? Тотъ только прямо на пути покаянія и отреченія, кто глубоко ощутивъ грѣховную свою бѣдность, тотчасъ предастъ все сердце свое Господу и допуститъ духу его очищать и освящать себя, а не самъ то предпріемлетъ: тогда Господь не замедлитъ дѣломъ искупленія; въ таковомъ дѣлается господствующимъ новый чело-

вѣкъ, и отреченіе отъ всея чувственности не стоитъ уже ему никакого труда, и покаяніе его непродолжительно. —

Шабатонъ и Мисторіагъ взглянули печально другъ на друга и пошли отъ Зедекіиля прочь: но тутъ явился нѣкій духъ, коего Патріаршій видъ и древность лѣтъ внушали глубокое почтеніе и показывали высокое его званіе. Я примѣтилъ, что онъ скрывалъ еще свою славу. Имя его было *Фануилъ*. Сей достопочтенный старецъ, давъ знакъ Шабатону и Мисторіагу остановиться, дружески сказалъ имъ: Любезные братья! за чѣмъ вы удаляетесь? —

ШАБАТОНЪ. Братъ сей осуждаетъ насъ за то, что мы *нѣсколько лѣтъ* ходили путемъ покаянія и отреченія, и думаетъ по тому, что мы не *совсѣмъ* предавались Господу и духу его, для очищенія и освященія насъ.

ФАНУИЛЪ. Но все ли вы совер-

шенно безпорочно исполнили то, что вамъ исполнить надлежало.

ОБА. Ахъ нѣтъ! Господь да помилуетъ насъ! Естьли бы мы совершенно исполнили все то, что намъ исполнить надлежало: то конечно бы избавились отъ многихъ тяжкихъ трудовъ покаянія и отъ многихъ тяжкихъ подвиговъ отреченія: но тебѣ извѣстно, какъ немощна поврежденная натура человѣческая; сіе-то долженствовалъ бы испытать и братъ *Зедекіилъ*, то увидѣлъ бы, что труды покаянія и отреченія не такъ-то скоро кончатся.

ФАНУИЛЪ. Но какая вамъ до того нужда, что сіе у него скоро кончилось, естьли онъ сказалъ правду? Вамъ бы слѣдовало съ благодарностію принять сію радостную вѣсть: видите ли, чего вамъ недостаетъ? — Сердце ваше уличаетъ васъ, что Зедекіиль говоритъ правду, и однакожъ

вы отъ него удаляетесь! Для чегожъ? Для того, что въ васъ осталось самолюбіе, которое не можетъ снести осужденія, и закрывается покрываломъ строгой правды, какъ будто путь Зедекіиля не совсѣмъ чистъ предъ Богомъ.

ОБА Такъ, Небесный Гражданинъ: ты совершенно правъ. Сей остатокъ самолюбія мы ясно видимъ: но намъ непонятно, какъ могъ Зедекіиль такъ скоро совершить свое покаяніе.

ФАНУИЛЪ. Благодать Божія дѣйствуетъ въ каждомъ по его свойству; она и въ немъ дѣйствовала также. — Зедекіиль былъ пылкаго и горячаго нрава; за что принимался, всегда держался того упорно, и не мыслилъ отставать отъ того; съ молодыхъ лѣтъ былъ онъ горячь и съ необузданнымъ своеволіемъ отъ одного порока перебѣгалъ къ другому. Но однажды, сильно бывъ тронутъ проповѣдью одного Священника, возчув-

ствовалъ онъ въ себѣ весь адъ со всѣми его муками, и сталъ искать смерти и уничтоженія своего: но какъ первой съ нимъ не случилось, а послѣдняго онъ и не могъ найти, то со всею горячностію обратился наконецъ къ милосердію Искупителя и не переставалъ бороться, сражаться и подвизаться до тѣхъ поръ, пока слово Господне: *отлущаются тебѣ грѣхи твои*, проникло все существо его. Тогда съ твердою вѣрою прилѣпился онъ къ заслугамъ Христовымъ, и спѣшно шествовалъ отъ одной степени благодати къ другой. Напротивъ того вы оба отъ самой юности жили нравственно, проходили путь покаянія и вѣры постепенно, и потому долженствовали бдѣть, молиться, приносить покаяніе, отрекаться и пребывать въ присутствіи Божіемъ непрестанно; путь вашъ и путь Зедекіиля оба правые, но только *образъ хожденія* различенъ.

ЗЕДЕКІИЛЬ. Сколь глубоко пронзаетъ меня рѣчь твоя, Небесный Братъ! — Я чрезвычайно заблуждался. — Я грѣшникъ, которому нѣтъ равнаго! О Іисусе! помилуй меня! Ахъ! я думалъ, что каждый долженъ итти столь же скоро, какъ и я; и не помышлялъ о томъ, что ни одинъ изъ грѣшниковъ не имѣлъ такой нужды въ поспѣшеніи, какъ я. Ахъ братья! просвѣтимся и другъ друга объимемъ; мы всѣ искупленники Господа! —

МИСТОРІАГЪ. Да возхвалится милость Господа! Прости меня, любезный братъ, за недружелюбивое мое сужденіе! —

ШАБАТОНЪ. Прости и меня, Люб. братъ! Соединимся вѣчнымъ союзомъ, и прославимъ Сѣдящаго на престолѣ!

ФАНУИЛЪ. Радость ваша была бы еще болѣе, естьли бы вы по ту еще сторону гроба очистились духомъ Христовымъ отъ сего самолюбія: но

пойдемъ далѣе; цѣль посольства моего собрать всѣхъ искупленныхъ Господомъ, бродящихъ уединенно въ ихъ преддвоpіяхъ.

Они пошли далѣе, и я въ духѣ моемъ слѣдовалъ за ними. Вскорѣ увидѣли мы двухъ почтенныхъ мужей, въ которыхъ, казалось, мерцалъ сокровенный свѣтъ. Они важно разговаривали между собою: но, увидя насъ, разсталисъ и казались недовольными.

ФАНУИЛЪ. Остановитесь, братья! я пришелъ къ вамъ съ словомъ милосердія! — *Агабдалимъ* и *Гадолъ* подошли къ намъ съ печалію.

ФАНУИЛЪ. Чего вамъ недостаетъ, Любезные? Отъ чего вы такъ печальны?

АГАБДАЛИМЪ. Я не могу сего, впрочемъ предостойнаго, брата увѣрить въ той великой истинѣ, что Христіанинъ ради Христа долженъ все почитать за уметъ и грязь. — Въ зем-

ной жизни мы были коротко знакомы, почитали и любили другъ друга: но я всегда искалъ смиренія и уничиженія, посѣщалъ нищихъ и больныхъ, ходилъ въ простой и грубой одеждѣ, и въ домашнемъ быту ограничивалъ себя одними необходимыми нуждами; а братъ Гадолъ любилъ связи съ знатными и чиновными людьми, наряжался, одѣвался по модѣ, носилъ бриліантовые перстни; въ домѣ у него было роскошно и великолѣпно, вся знать его посѣщала и по временамъ онъ самъ участвовалъ въ ихъ забавахъ: все сіе Христіанину неприлично, но я не могу въ этомъ его увѣрить. —

ГАДОЛЪ. Но ты уже слышалъ отъ меня, что я, также какъ и ты, всѣ мои перстни, платье и убранство, словомъ всю славу земной жизни почиталъ за уметъ, недостойный вниманія; теперь же и дѣйствительно ты долженъ въ томъ увѣриться, когда видишь, что я не имѣю ни малѣй-

шей привязанности къ симъ вещамъ: а что ты неопрятность и нечистоту любилъ до такой степени, что безъ отвращенія не льзя было съ тобою ѣсть, то въ этомъ ты неправъ; Христіанинъ во всемъ, даже и наружномъ, долженъ любить чистоту.

ФАНУИЛЪ. Но, любезные братья! на что вамъ спорить о предметахъ, уже прошедшихъ и не имѣющихъ здѣсь никакого уваженія, и тѣмъ остановлять духовное соединеніе въ любви? Въ земной жизни, вы оба сѣяли богатую жатву, и могли бы теперь пожать ее, естьли бы не мѣшали въ томъ себѣ сами.

АГАБДАЛИМЪ. Прости мнѣ, Небесный житель! Предметы, насъ раздѣляющіе, конечно не имѣютъ уже здѣсь мѣста: но пока Гадолъ не признается, что основаніе и образъ мыслей, по которымъ онъ такъ жилъ, не приличны Христіанину; пока онъ противъ сего упорствовать будетъ,

до тѣхъ поръ не можетъ быть между нами соединенія въ любви.

ГАДОЛЪ. И я также думаю.

ФАНУИЛЪ. Скажи мнѣ, Агабдалимъ: вѣришь ли ты, что Господь употребляетъ орудія къ обращенію и вельможей земныхъ, Князей, правительствующихъ, богатыхъ и сильныхъ?

АГАБДАЛИМЪ. Конечно: въ семъ кругѣ Гадолъ много дѣйствовалъ и много успѣлъ.

ФАНУИЛЪ. Хорошо. Но, любезный братъ, земные вельможи, *еще не обратившіеся*, не допустятъ къ себѣ и не захотятъ слушать такого человѣка, который не по ихъ вкусу, не знаетъ тонкаго ихъ обращенія, не такъ одѣвается, и который слѣдовательно для нихъ страненъ и непріятенъ. — Теперь выслушай далѣе: Гадолъ съ юныхъ лѣтъ былъ легкомысленъ; не уважалъ ни нарядовъ, ни уборовъ, ни-

же высокихъ чиновъ мірскихъ, ко всему былъ равнодушенъ; одно чувственное наслажденіе, пріятныя науки и художества, особливо музыка и стихотворство, были предметами его страсти. Наконецъ Господь тайнымъ своимъ дѣйствіемъ привлекъ его къ Себѣ, и по всѣмъ его разположеніямъ нашелъ его по тому самому наиспособнѣйшимъ къ службѣ его, что пышность, суетность и мірская честь не были для него опасны, и онъ всѣ свои страсти пригвоздилъ ко кресту смерти. Ты же напротивъ того съ младыхъ лѣтъ пристрастенъ былъ къ пышности и блеску, имѣлъ склонность къ почестямъ и богатству: и такъ когда ты обратился и увидѣлъ цѣну всѣхъ сихъ суетъ въ истинномъ видѣ, то долженъ былъ всѣми силами отвлекаться отъ сихъ любимыхъ тобою вещей; и потому тебѣ и нужно было обращаться съ нищими, несчастными, безпомощными. Видите

ли, чего вамъ недостаетъ? — Каждый изъ васъ почитаетъ путь свой *единственно истинный* и осуждаетъ брата за то, что онъ по той же дорогѣ идетъ не тою выступкою. Естьли бы каждый искалъ въ братѣ своемъ одного *добра*, а *недостатковъ* въ одномъ себѣ: то бы любовь умножалась, и единство духа постепенно возстановилось бы. Когда же кому что не нравится въ другомъ, то онъ долженъ сказать ему о томъ какъ брату; а ему надлежитъ выслушать его съ любовію, и все толковать въ хорошую сторону, пока основаніе Христіанской вѣры дѣйствительно шутъ примѣчается.

Агабдалимъ и Гадолъ признались въ своемъ заблужденіи и облобызались отъ искренняго сердца, и души ихъ исполнились сердечной любви и благодарности къ Господу. Потомъ оба они присоединились къ намъ, и мы пошли далѣе.

Вскорѣ увидѣли мы довольно большое общество; всѣ сіи души стояли въ кругу спокойно, разговаривая между собою.— Я тотчасъ узналъ, что это *Теософы*. — Почтенный нашъ Водитель, сдѣлавъ имъ привѣтствіе, спросилъ: чѣмъ вы здѣсь занимаетесь, любезные братья? Что васъ удерживаетъ еще въ преддвоpіяхъ? —

Одинъ изъ нихъ, который казалось, былъ старшій и назывался *Шеалтіилъ*, отвѣчалъ: Небесный незнакомецъ! — Мы искали Господа въ словѣ его и въ натурѣ, познали корень нашего поврежденія и въ великомъ таинствѣ Искупленія обрѣли благодать. На семъ пути съ помощію милосердующей любви Божіей, нѣсколько проникли мы въ таинства небесной натуры, въ таинство началъ божественной натуры, божескаго правленія, возстановленія всѣхъ падшихъ духовъ, Царства духовнаго и сигнатуры сотворенной натуры. Симъ

познаніямъ, которыхъ мы достигли, мы поучали словесно и письменно, надѣясь принесть тѣмъ ближнему пользу: но другіе Христіане и благодатію возбужденныя души порицали насъ, утверждая, что едино есть на потребу и что сему единому и учить должно, а больше ничему. Теперь здѣсь всякой, увидя только насъ, бѣжитъ прочь; и мы также чувствуемъ въ себѣ нѣкакое сопротивленіе, подходя къ нимъ и желая соединиться съ ними. — Дай совѣтъ, высокопочтенный! что намъ начать?

Между тѣмъ какъ Шеальтіилъ такъ говорилъ, сошлись со всѣхъ сторонъ уединенные странники, желая слышать, что скажетъ на это Фануилъ.

ФАНУИЛЪ. Любезные братья! Вы были на опасномъ пути; но Господь сохранилъ васъ, и вы избѣжали бѣдствія. Въ существѣ вашемъ однакожъ непримѣтно укоренилось тонкое самодовольствіе собственнымъ свѣтомъ.

Таинствамъ, ввѣреннымъ вамъ, поучали вы не такъ-то чисто и просто, какъ надлежало; въ основаніи души вашей скрывалось тайное величаніе мудростію своею; притомъ же сихъ божественныхъ таинъ, безъ особливаго повода и безъ явнаго божескаго на то изволенія, и открывать всенародно не слѣдовало. Естьли вы признаете истину сказаннаго мною: то возрожденная ваша воля отрѣшитъ сей остатокъ падшей натуры, который во свѣтѣ совершившагося дѣла Искупленія изчезнетъ, какъ пѣнь отъ восходящаго солнца.

Шеальтіилъ съ сообществомъ своимъ пораженъ былъ тѣмъ несказанно; они признали свою погрѣшность, и были помилованы и примирены. Тогда Фануилъ, обратясь къ притекающимъ сонмамъ душъ, сказалъ:

Пріидите, Искупленники Господа! Насладитесь тѣмъ благомъ, которое онъ въ душѣ каждаго, по свойству ея,

произвелъ! — Осуждаетъ ли роза лилею за то, что она пахнетъ, не какъ роза, или смиренная фіалка тюльпанъ, за то, что онъ великолѣпенъ! — Прославьте Господа во всѣхъ безчисленныхъ твореніяхъ Его, и утѣшайпесь Его благодатію. —

Фануилъ, говоря такимъ образомъ, сталъ открывать свое величество и возблисталъ ослѣпляющимъ свѣтомъ, какъ Ангелъ Господень. Всѣ узнали въ немъ блаженнаго *Герарда Тер-Штеегена* — всѣ воскликнули ему отъ радости, всѣ просіяли и вознеслись съ нимъ къ вѣчному Востоку.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ПРОСВѢТЛѢНІЕ ЭЙКЕЛЯ.

Ейкель былъ весьма благочестивый и достойный Священникъ въ *Эльберфельдѣ* въ *Бергскомъ* Герцогствѣ. Въ семъ цвѣтущемъ торговомъ городѣ семь лѣтъ я былъ врачемъ, и Эйкель былъ истинный мой другъ. Часто сходились мы съ нимъ у больныхъ, лежавшихъ на смертномъ одрѣ; и потому я имѣлъ случай узнать сего рѣдкаго, превосходнаго и благочестиваго мужа. — Услышавъ о кончинѣ его въ Марбургѣ въ 1 88 году, почтилъ я память его пѣснію, назвавъ ее *Просвѣтленіемъ Эйкеля* Пѣснь сія напечатана была въ *Эльберфельдѣ* Книгопродавцемъ *Гизеномъ*, и вездѣ хорошо принята, что и побудило меня присоединить ее къ сей книжкѣ, дабы извлечь ее изъ забвенія.

ЭЛИМЪ и САЛИМЪ.

(*Два Ангела на лути къ смертному одру Эйкеля*)

ЭЛИМЪ.

Полетомъ быстрымъ ты спускаешься на землю!
Какъ пурпуръ, сребряны блестятъ твои крылѣ
Отъ свѣтлаго луча восточныя денницы:
Куда спѣшишь, мой братъ?

САЛИМЪ.

Взять Эйкеля изъ гроба.

ЭЛИМЪ.

Взять Эйкеля? Онъ мертвъ! Сей другъ всѣхъ человѣковъ,
Который тысящи младенцовъ неразцвѣтшихъ
Пересадилъ въ Эдемъ! Который къ небесамъ
Путь грѣшнымъ отверзалъ! . . . Того ль ты разумѣлъ?

САЛИМЪ.

Его! Я получилъ Всевышняго велѣнье
Всемѣрно облегчить борьбу его со смертью
И предложить очамъ его вѣнецъ побѣдный,
Который ждетъ его.

ЭЛИМЪ.

И я иду съ тобою.

САЛИМЪ.

То воля Еговы! послѣдуй, братъ, за мною!
Отъ самыхъ тѣхъ временъ, какъ умеръ Іоаннъ,
Отъ тѣхъ временъ еще, когда страдалъ Леввей,
Столь сильной не было молитвы Серафимовъ,
Увидѣть переходъ въ нашъ міръ Христіанина.
Господь мольбѣ ихъ внялъ, и рекъ: да будетъ тако!
Они на облакахъ серебряныхъ возсѣли
Съ златыми арфами вокругъ его одра,
И ждутъ, какъ вознесетъ сѣкиру Ангелъ смерти
И острою стрѣлой духъ съ тѣломъ раздѣлитъ,
Да возгремятъ ему на арфахъ пѣснь хвалебну!

ЭЛИМЪ.

Скажи, любезный братъ! — Ты зналъ его издавна: —
Съ кѣмъ паче сходствуетъ изъ нашихъ онъ Князей?

САЛИМЪ.

Съ кѣмъ сходствуетъ изъ нихъ? Подобенъ многимъ онъ.
Онъ сердцемъ какъ Леввей, а духомъ былъ какъ Петръ,
Когда злохульниковъ толпы встрѣчалъ развратны:

Но кротость дивная, блистающа въ очахъ,
Творила Эйкеля подобнымъ Іоанну,
И въ сердце каждаго любовь рѣкой вливала;
Священны истины покровомъ облекать
И буихъ притчами премудро научать
Учился втайнѣ онъ у самаго Ійсуса.
Умъ чистый, истинный чуждъ всякаго
пристрастья
Вліялъ въ него даровъ, сосудъ избранный
Павелъ:
Но сколько пекся онъ о счастьи человѣковъ,
Коль былъ неутомимъ по званью своему,
Съ коликой ревностью и въ ранній часъ и
въ поздній
Трудился, бодрствовалъ, искалъ онъ свѣ-
та, силы,
Того не изъяснитъ ниже единъ отъ Ангелъ.

ЭЛИМЪ.

Коль блещешь ты, мой братъ!

САЛИМЪ.

И твой зракъ такъ какъ солнце!
Скажи, кого не озаритъ толь радостный
восторгъ:
Увидѣть Эйкеля блаженнымъ предъ пре-
столомъ
Царя Царей!

ЭЛИМЪ.

Пойдемъ къ одру его, мой братъ,
И душу кроткую отъ узъ освободимъ!

Смертный одръ Эйкеля.

ЭЛИМЪ, САЛИМЪ, ЭЙКЕЛЬ.

ЭЛИМЪ.

Какъ страждетъ бѣдный онъ! какъ борет-
ся со смертью!
О братъ мой! ороси его прохладой душу.

САЛИМЪ.

Исполню то, мой братъ! Изчезни ужасъ
смертный!
Изчезни книга, гдѣ грѣхи его писались!
Спаситель ихъ омылъ.

ЭЛИМЪ.

Я утренней прохладой
Повѣю на него; небесный тонкій воздухъ
Еще тяжелъ ему — Се онъ паритъ!

ЭЙКЕЛЬ.

Что зрю?
Какой сладчайшій миръ, все сердце мнѣ
проникъ!

САЛИМЪ.

Я слышу съ высоты хвалебныхъ ликовъ
гласы!

ЭЛИМЪ.

Грядетъ! Грядетъ!

САЛИМЪ.

Кто сей?

ЭЛИМЪ.

Я слышу запахъ мертвый!
Се Ангелъ смерти то! — Изходитъ онъ
изъ бездны!
О Боже! умились! — Зри, какъ болящій
стонетъ!

САЛИМЪ.

Братъ! — Поспѣши помочь, да духъ не из-
неможетъ!

ЭЛИМЪ.

Я врачевство принесъ съ собою отъ Гол-
гоѳы.

САЛИМЪ.

Оно дѣйствительно! —

ЭЛИМЪ.

Я въ грудь ему волью;
Оно цѣлитъ болѣзнь — и смерть — и вся-
ку скорбь;
Но слышишь ли? Се гласъ трубы!

САЛИМЪ.

Се Ангелъ смерти,

Взмахнувъ своимъ крыломъ, покрывшись
бурей ночи,
Беретъ стрѣлу. Смотри! онъ цѣлитъ! —
Се конецъ!

АНГЕЛЪ СМЕРТИ, *гласомъ грома.*

Прахъ человѣческій! будь прахомъ.

ЭЛИМЪ.

Грозный часъ!
Какъ борется въ немъ жизнь! Смотри,
какъ ужасъ смертный
Пронзилъ всѣ кости въ немъ! Скончался.

САЛИМЪ.

Все померкло.
Какая тьма вокругъ! Вы, горни Серафимы!
Ударьте въ струны арфъ да сребряный ихъ
звонъ
Проникнетъ смертный слухъ и къ чувствію
возбудитъ!

ЭЛИМЪ.

Зри, зри, какъ жизнь течетъ сквозь сферы
отъ престола!
Какъ оживляется духъ мертвеца сего!
И новый человѣкъ, какъ Ангелъ, просвѣтился.

ЭЙКЕЛЬ.

Гдѣ я? — И что мой слухъ внимаетъ по-
раженный?

Столь сладко — радостно — и вкупѣ столь ужасно!
Пронзенны члены всѣ! . . Но членовъ нѣтъ во мнѣ. - -
Я пѣсни слышу! Я сіяю! . . Боже чудный!
Какое счастіе! величество! покой!
Подъемлюсь, возношусь, лечу къ престолу славы! . . .
Кто вы, Свѣтящіе?

САЛИМЪ.

Друзья твои и братья!
Красуйся и ликуй! ты паки жизнь пріялъ,
И будешь жить во вѣкъ! — гряди! — И мы во славѣ
Препроведемъ тебя въ градъ Божій съ торжествомъ;
Гряди принять вѣнецъ! и — обними меня!

ЭЛИМЪ.

И мнѣ лобзанье дай, Превознесенный мужъ!
Ты въ потѣ засѣялъ, и ты пожнешь въ прохладѣ;
Кто симъ путемъ идетъ, вѣнецъ побѣдный стяжетъ.

ЭЙКЕЛЬ.

Ійсусе! Господи! — О коль безмѣрна радость!
Такъ все правдиво то, чему до днесь я вѣрилъ,
Что я предчувствовалъ и ожидалъ за гробомъ!

Дозвольте братья мнѣ, дозвольте нынѣ,
нынѣжъ
Еще на каѳедру взойти и проповѣдать,
Теперь могу вѣщать глаголы живота:

САЛИМЪ.

Не нужно то, мой братъ: чтобы вѣнецъ
стяжать,
Не созерцаніе къ тому потребно, Вѣра:
Оно есть вѣры мзда!

ЭЙКЕЛЬ.

Но плачущихъ о мнѣ
Молящихся — мену, друзей — чтобы утѣшить.

ЭЛИМЪ.

О томъ печется Богъ, и Онъ ихъ не оставитъ;
Во искушеніи они, какъ ты, суть тверды,
И вышній миръ течетъ къ нимъ въ сердце
отъ престола.

ЕЙКЕЛЬ.

Любезный Эльберфельдъ! — О нива
благодати!
Благословенна будь! цвѣти и спѣй плодами,
Да увѣнчается трудъ братіевъ въ тебѣ,
И всѣхъ разсѣянныхъ во всѣхъ концахъ
вселенной!

САЛИМЪ.

Кари на высоту — въ отечество твое! —
Вы, Серафимы! всѣ ударьте въ арфы звучны,
Глася побѣдну пѣснь по солнечну пути!
Мы въ торжествѣ его чрезъ область звѣздну прямо
Къ престолу приведемъ!

ЭЛИМЪ.

Какое празднество!

ЕЙКЕЛЬ.

Безмолвствую — молюсь, дивлюся, изумляюсь,
Отъ радости такой изнемогаю весь.

ХОРЪ.

Хвала, хвала во вѣкъ, и честь и поклоненье
Тебѣ, имущему престолъ на небесахъ,
Отъ взора Коего вселенная трепещетъ!
Хвала, хвала и честь, и слава Богу Сыну,
Святому, крѣпкому, побѣдоносцу всѣхъ!
Въ глумленьи собрались враги Его вѣнца
И вѣрной гибелью грозятъ Его державѣ,
Предстали, движутся, и въ буйствѣ гордомыслятъ
Приближиться къ Тому, Кѣмъ стали вѣки быть.
Онъ посмѣется имъ, Онъ дерзость обуздаетъ:

Но взоръ Его еще прощеніе и милость
За буйство, за мятежъ, за дерзость имъ
сулитъ;
Рука Его еще останавляетъ громы
И мстящей молніи покоиться велитъ;
Шлетъ мирныхъ вѣстниковъ, шлетъ Эй-
келя къ нимъ Онъ,
Самъ наставляя ихъ. Они спасаютъ мно-
гихъ,
И изхищаютъ тьмы отъ буйныя толпы:
Но ежели и сихъ труды всѣ будутъ
тщетны,
То гнѣвъ Его потомъ созрѣетъ въ люту
месть,
Громъ грянетъ наконецъ, и ярость въ
полной силѣ
Внезапу поразитъ и разточитъ продерз-
кихъ.
Блаженъ тотъ рабъ, блаженъ, кто въ
тяжкой брани сей
Сражался съ доблестью, несъ крестъ, и —
побѣдилъ!
Блаженъ! Ему сія пѣснь пѣсней возпоется
При вшествіи его во градъ его Царя.
О слава! Егова рукой своихъ рабовъ
Противныхъ всѣхъ полки сражаетъ, по-
бѣждаетъ! —
Содрогнитесь міры отъ грома нашихъ
гласовъ!
Побѣда! двигнитесь и всѣ небесны силы!
Повергнитесь предъ Нимъ, Всемощнымъ,
Вседержащимъ!
Се нынѣ предстоитъ Его престолу Эйкель.

САЛИМЪ

Господь грядетъ! — Господь!

ЭЙКЕЛЬ.

Всесильный, Милосердый!
Не вѣдаетъ никто, что Ты, — и коль Ты
благъ!
Коль тѣсно спряжены судъ, — милость,
и любовъ?
Неизглаголанный! — Будь милостивъ ко
мнѣ!

ГОСПОДЬ.

Гряди, рабъ вѣрный мой! Я твой и всѣхъ
Спаситель!
Ты пребылъ вѣренъ мнѣ; сей вѣрности во
мзду
Вѣкъ милость и любовь моя съ тобой
пребудетъ;
Она обильнѣе, чѣмъ всѣ твои грѣхи:
Покойся и вкушай всю полноту блажен-
ства!

ХОРЪ.

Хвалите Господа! Хвалите! буди! буди!

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ВѢЧНОЕ РАЗЛУЧЕНІЕ.

По несчастію нерѣдко случается, что супруги бываютъ совсѣмъ противныхъ между собою нравовъ. Мужъ на примѣръ идетъ путемъ жизни, а жена путемъ вѣчной гибели: или на оборотъ. Также у благонравныхъ родителей бываютъ развратныя дѣти, а у добрыхъ дѣтей порочные отцы. Ужасная участь, ожидающая всѣхъ непользующихся въ сей жизни благодатію Искупленія, должна безъ сомнѣнія угнѣтать тяжкимъ бременемъ душу добрыхъ супруговъ и супругъ, добрыхъ родителей и дѣтей; и невольно приходитъ мысль, что едва ли можно вкушать совершенное блаженство, когда человѣкъ сердечно любимый угрожается гибелью.

Небесная Наставница! Божественная Премудрость! Сіона! открой мнѣ сіе таинство, да научу любезныхъ братьевъ и сестеръ моихъ, и покажу имъ, что имъ *здѣсь* дѣлать, дабы *тамъ* безпечально наслаждаться радостію вѣчной жизни. — Аминь! —

Сіона услышала мою молитву и представила созерцательной способности души моей слѣдующее видѣніе.

Воображенію моему представилось, будто я въ Царствѣ Тѣней — въ царствѣ не-сужденныхъ еще духовъ; и между тѣмъ, какъ я размышлялъ о сонмахъ умершихъ и о безконечно разнообразной участи, ихъ ожидающей, увидѣлъ я одну группу, которая обратила на себя все мое вниманіе. Двѣ, только что изъ земной жизни пришедшія, души держали другъ друга въ объятіяхъ, сопровождаемы будучи двумя Ангелами. Это были мужъ и жена, утонувшіе во время бури. За ними въ сопровожденіи трехъ Анге-

ловѣ шли трое дѣтей, которыя имѣли туже участь; и каждый долженствовалѣ явиться предѣ судилище Христово и получить достойное воздаяніе по дѣламѣ и свойствамѣ своимѣ.

Трое дѣтей тотчасѣ отведены были Ангелами вѣ Царство Дѣтское. Родители ихѣ опечалились сею разлукою; но Ангелы дѣтей вѣ утѣшеніе имѣ сказали: естьли и вы обрѣтете благодать у Искупителя, то скоро увидите дѣтей вашихѣ прославленными и возрадуетесь о нихѣ радостію великою. —

Другіе Ангелы, оставя родителей однихѣ, отступили и смотрѣли на нихѣ издали.

Первый Ангелѣ, взявшій мужа, сказалѣ другому понятнымѣ и мнѣ языкомѣ: Любезный братѣ! Сію честу, по несчастію, надлежитѣ развести; ты сопровождалѣ жену, и можешь сказать, кто она такова и каково ея свойство?

ДРУГОЙ АНГЕЛЪ. *Магбилага* имѣла мягкое и доброе сердце, была прекрасна и сластолюбива. Она не могла умѣрять чувственныхъ своихъ желаній, не знала мѣры въ наслажденіяхъ, и прельщалось каждымъ пригожимъ мущиною. *Ношангъ* понравился ей болѣе всѣхъ, равно и она ему; они соединились брачными узами, и жили весьма согласно. Магбилага дѣйствительно любила своего мужа, и не желая огорчать его, скрывала отъ него всѣ тайныя свои шалости, старалась всѣми способами ему нравиться, и мягкосердечіемъ своимъ ослѣпила его такъ, что онъ почиталъ ее за совершенную кротость и цѣломудріе. — Проповѣдь прославленнаго нынѣ Рацина сдѣлала въ немъ так е сильное впечатлѣніе, что онъ вдругъ очувствовался и перемѣнилъ жизнь свою. Жена его также приняла на себя видъ благочестивый, хотя сердце ея ни мало того не чувствовало и она тайно

продолжала вести порочную жизнь, почитая сладострастіе свое такою слабостью, которую Творецъ легко проститъ ей. Иногда однакожъ дѣйствительно приходила она въ сердечное сокрушеніе, и чувствовала дѣйствія наказующей благодати; мужъ, примѣчая то, думалъ, что жена его принадлежитъ уже къ числу искупленницъ Господнихъ. Иногда замѣчалъ онъ ея сластолюбіе: но она умѣла такъ его успокоивать, что онъ всегда оставался ею доволенъ и утѣшался мыслію, что вся слабость ея состоитъ въ чрезмѣрной ея любви къ нему, которую только побѣдить ей оставалось.

Между тѣмъ она не могла долѣе скрывать себя подъ маскою лицемѣрія; ибо какъ ни таила она страсть свою, но наступало время открытію сей тайны: чрезъ что подвергнулась бы она ужасному поношенію, а мужъ ея и дѣти неизбѣжному стыду. Вѣчная

Любовь умилосердилась надъ ними, и въ одинъ бурный день кораблекрушеніемъ спасла отъ вѣчной гибели сію несчастную. — Ибо какъ ни ужасно осужденіе, ожидаемое Магбилагою нынѣ; но не льзя сравнить онаго съ тѣмъ мученіемъ, которому бы она подвергнулась, естьли бы планъ ея удался.

Мужъ ея былъ купецъ; она имѣла любовную связь съ однимъ его прикащикомъ, и страсть ея къ сему человѣку возрасла до такой степени, что она рѣшилась оставить мужа и дѣтей, и жить съ своимъ любовникомъ: но желая произвесть сіе предпріятіе въ дѣйство такимъ образомъ, чтобъ сохранить притомъ честь свою и доброе имя и оставить мужа въ твердой увѣренности о ея добродѣтели, она условилась съ любовникомъ своимъ, чтобы онъ отошелъ прежде отъ мужа ея, подъ видомъ будто имѣетъ случай въ Англіи вступить

съ однимъ богатымъ домомъ въ компанію; а между тѣмъ остановился бы въ одномъ городѣ, куда мужъ ея по торговымъ дѣламъ своимъ часто ѣздилъ, и куда она хотѣла пріѣхать подъ видомъ тѣмъ, будто проводить его. Тутъ долженъ онъ былъ увезть ее какъ бы насильно, и потомъ подъ чужимъ именемъ уѣхать въ Америку, гдѣ они проводить могутъ остатокъ дней своихъ безъ помѣхи. Все это было устроено: но предъ самымъ прибытіемъ ихъ въ назначенный городъ поднялась жестокая буря, которая нѣсколько дней носила ихъ по морю. Магбилага какъ бы предчувствовала, что сей бури она виною; въ сердце ея начинало входить разкаяніе, и ей оставалось только для очищенія души покаяться Богу и признаться мужу: но съ одной стороны надежда скоро увидѣться съ любовникомъ, съ другой стыдъ обнаружить себя предъ мужемъ, удержали ее отъ сего признанія, и

корабль наконецъ разбился, и ни одинъ человѣкъ изъ него не спасся.

ПЕРВЫЙ АНГЕЛЪ. Неизреченно велико милосердіе Господа! — Бѣдную Магбилагу не льзя было уже спасти: и такъ, сколько можно было, избавлена она отъ большаго бѣдствія. Мужъ, можетъ быть, не перенесъ бы сего жестокаго удара: а дѣти, лишась хорошаго воспитанія, также бы, можетъ быть, погибли. Хвала Господу за сіе преселеніе ея сюда!

ВТОРЫЙ АНГЕЛЪ. Господь великъ и дивенъ въ дѣлахъ своихъ; прему дро устрояетъ все ко благу: да возхвалится имя его во вѣки!

Тутъ подошелъ я къ мужу и женѣ; чтобъ узнать ихъ короче. Оба они ходили, не говоря ни слова и размышляя о прошедшей жизни, воспоминаніе которой производило въ нихъ разныя дѣйствія. Во всемъ существѣ Ношанга разливалось глубокое спокойствіе и радостная надежда; а Магби-

лага раздираема была скорбію. Тоска о минувшемъ и неудовлетворенное желаніе терзали душу ея адскими муками. СверьхЪ того представлялся ей страхъ Божескаго Правосудія, и обнаженная совѣсть ея съ трепетомъ ожидала приговора. СЪ большимъ трудомъ, и шатаясь на ногахъ, шла она подлѣ Ношанга, молча.

НошангЪ, примѣтя глубокую печаль ея, сказалъ ей: теперь, любезная Магбилага, приближились мы къ рѣшительной минутѣ нашего бытія; милосердіе Искупителя введетъ насъ въ славу его. Успокойся и не предавайся отчаянію! Великій Очиститель грѣховъ милосердъ и многомилостивъ. — Магбилага молчала, и молчаніе ея было страшно.

Представьте себѣ благочестиваго пилигрима, уединенно странствующаго, утружденнаго и ночью въ темномъ лѣсу блуждающаго, встрѣчающагося незапно съ другимъ страннии-

комъ, который дружелюбными пріятными разговорами сокращаетъ ему путь. Пилигримъ радуется сему товарищу, и въ надеждѣ продолжать съ нимъ путь, ускоряетъ шаги свои; они видятъ уже вдали мирную хижину, готовую подать имъ отдохновеніе; странникъ беретъ спутника своего дружески за руку, взглядываетъ на него, желая раздѣлить съ нимъ радость вѣрнаго пристанища: но чтожъ? — Схватываетъ рукою истлѣвающій трупъ, видитъ предъ собою изможденный скелетъ, слышитъ удушающій мертвенный запахъ, и бѣжитъ опрометью на ночлегъ, не чувствуя уже къ спутнику своему дружества, а одно отвращеніе. — Подобное сему произошло и съ Ношангомъ. Онъ пристально смотритъ на Магбилагу, и не находитъ уже въ ней прелестной своей супруги, но страшное чудовище, огнемъ дышущее. Онъ хочетъ бѣжать: но Ангелъ судія,

спустившійся къ нимъ на облачной колесницѣ, остановилъ его и велѣлъ обоимъ имъ развить свитки своея жизни. Списокъ грѣховъ Ношанга былъ изглаженъ, и въ свиткѣ блистало златыми буквами начертанное поручительство Христово: а Магбилага разкрыла однѣ безобразныя личины, изъ-за которыхъ шипѣло множество гнусныхъ змѣй; любезный человѣческій видъ, прелестная красота изчезли, и ужасныя каррикатуры падшихъ духовъ — образа вѣчной бездны — заступили мѣсто ихъ. Наружный ея видъ изобразился по господствующимъ страстямъ ея, и все существо ея возбуждало ужасъ и отвращеніе. Не льзя вообразить гнуснѣе и омерзительнѣе вида обличенной любодѣицы.

Магбилага полетѣла въ вѣчную ночь, подобно какъ ядовитое испареніе въ нощной тѣни, подъемлясь изъ гнилаго болота, гонится вѣтромъ по

пространству воздушному. Ношаѣгъ же, по дружескому мановенію судящаго Ангела, поднялся къ нему на облакѣ и полетѣлъ съ нимъ къ морю свѣта вѣчнаго Востока.

Тутъ я понялъ, какъ любящіеся супруги, по разности главныхъ свойствъ духа ихъ, могутъ быть вѣчно разлучены безъ нарушенія блаженства одного чрезъ страданія другаго. Между такими супругами нѣтъ *истинной любви духа*, произходящей отъ одинакаго образа мыслей и одинакихъ свойствъ; привязанность ихъ другъ къ другу состоитъ въ тѣлесной прелести и физической нуждѣ, которыя въ облагодатствованной душѣ покорены духу, и не бываютъ господствующею страстію. Такимъ образомъ спасенный духъ, свергнувъ съ себя ношу грѣховнаго тѣла, освобождается отъ работы тѣлесной натурѣ; и любовь, основывавшаяся на оной, прекращается: мѣсто же ея, какъ скоро

другая половина развернетъ свой свитокъ и превратится по свойствамъ своимъ въ чудовище, заступаетъ ужасъ и отвращеніе.

На сіе иной можетъ спросить: не произходятъ ли страсти отъ тѣлесной физической натуры, и слѣдовательно не прекращаются ли вмѣстѣ съ смертію: въ каковомъ случаѣ онѣ и не могутъ уже продолжать своего дѣйствія въ духовномъ царствѣ?

На сіе предложу слѣдующій отвѣтъ: *вещество* или *матерія* страстей конечно находится въ тѣлѣ; и когда сія матерія дѣйствуетъ по законамъ Натуры, какъ на примѣръ въ неразумныхъ животныхъ: то тѣмъ исполняется воля Божія, и въ семъ случаѣ произходитъ только *дѣйствіе* или *дѣло*, а не *страданіе* или *страсть*. Но естьли безсмертный разумный духъ *пріятное ощущеніе*, сопряженное съ сими физическими дѣйствіями

для поощренія къ онымъ, сдѣлаетъ себѣ цѣлію, а не *слѣдствіемъ дѣйствія:* то онъ свободною своею волею нарушаетъ законы Натуры; вмѣсто того, чтобы онымъ слѣдовать, употребляетъ ихъ во зло, возстаетъ противъ нихъ и своего Творца: слѣдовательно производитъ дѣйствія *противуестественныя* для одного своего удовольствія. По непремѣннымъ же законамъ физической натуры человѣка тѣ органы, которые наиболѣе употребляются, болѣе и укрѣпляются, пока излишекъ не разстроитъ ихъ; а чѣмъ болѣе они укрѣпляются, тѣмъ болѣе усиливаются ихъ похотѣнія и притязанія на разумнаго духа, который повинуется имъ уже и тогда, когда разумъ и совѣсть его удостовѣряютъ его, что онъ дѣйствуетъ неправильно; и въ такомъ случаѣ дѣйствіе становится *страданіемъ*, или *страстію*, то есть: разумный

духъ, вмѣсто того чтобъ повиноваться законамъ Натуры и совѣсти, управляется тогда наслажденіемъ.

При такомъ состояніи физическая похоть переноситъ дѣйствіе въ память и воображеніе ; онѣ нудятъ духъ къ наслажденію, и заставляютъ свободную волю приступить къ самому дѣлу. Такимъ образомъ произходитъ вѣчное круженіе ; колесо натуры возгарается отъ сильнаго противуестественнаго обращенія, и отъ того въ духѣ томъ зараждается адъ; ибо человѣкъ, умирая , слагаетъ только бренное тѣло; жизненную же матерію , подобную электрической жидкости, (такъ называемые жизненные духи,) которая для духа вѣчно необходима и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ душу, беретъ съ собою, и паки принимаетъ видъ сходственный его натурѣ. Тогда память и воображеніе его дѣлаются сильнѣе, по крайней мѣрѣ съ бо́льшею силою, нежели прежк-

де, дѣйствуютъ въ немъ, и непрестанно представляя ему прежнія дѣйствія, напоминаютъ о ихъ сладостяхъ. Но какъ не достаетъ у него органовъ къ произвожденію тѣхъ же дѣйствій, то сіе наслажденіе дѣлается для него невозможнымъ; и потому раждается въ немъ гладъ безъ насыщенія, — состояніе, повергающее духа въ несказанное мученіе.

И такъ страсти, а не самыя дѣйствія, переходятъ въ духовное царство; и вотъ источникъ внутренняго адскаго мученія, которое потомъ болѣе еще умножается внѣшними. *Блаженъ владычествующій надъ своими страстями и утушающій ламя ихъ кровію Искупителя!*

Послѣ сего страшнаго развода, отъ коего да сохранитъ благій и вѣрный Богъ каждую Христіанскую чету, примѣтилъ я одну отлученную душу, которая въ глубокой скорби ходила уединенно; а въ нѣкоторомъ отдаленіи

была другая. Онѣ увидѣли другъ друга и сошлись вмѣстѣ.

ПЕРВАЯ. Миръ и вѣчный покой тебѣ!

ВТОРАЯ. И тебѣ также!

ПЕРВАЯ. Такъ давно находясь въ сей мрачной юдоли молчанія и безвѣстности, не вижу я никакого пути на небо; часто производится судъ надъ душами: но я все остаюсь въ одномъ положеніи. Иногда подходятъ ко мнѣ добрые духи, но тотчасъ меня и оставляютъ. — Они говорятъ, что во мнѣ есть еще привязанность къ земной жизни, отъ которой надлежитъ мнѣ отрѣшиться: но у меня нѣтъ къ тому силъ. —

ВТОРАЯ. Я также нахожусь здѣсь нѣсколько уже времени, и мнѣ говорятъ тоже самое. Но въ чемъ состоитъ твоя привязанность къ земному? —

ПЕРВАЯ. Я имѣлъ любезную жену — Ангела, котораго даровалъ мнѣ Богъ

для моей подпоры и спасенія, истйнно Христіанскую душу. Она обратила меня къ размышленію о гибельномъ и опасномъ моемъ состояніи; ибо я однимъ словомъ былъ поклонникъ проякаго идола: похоти очей, похоти плоти и гордости. Усердное ея стараніе обратило меня къ покаянію; съ умиленнымъ сердцемъ прилѣпился я къ великому Очистителю грѣховъ, и обрѣлъ у него благодать и прощеніе. Съ сего времени со всею вѣрностію старался я ходить предъ Господомъ въ бдѣніи и молитвѣ: но сіе продолжалось недолго. Я занемогъ горячкою, во время которой жена моя съ несказаннымъ усердіемъ приносила теплыя молитвы или о сохраненіи мнѣ жизни, или о дарованіи мнѣ блаженной кончины. — Первое не было услышано, — ибо я въ седьмой день умеръ: а второе еще не исполняется. — У меня была дочь, которая, воспитана будучи самою ма-

терью, представляла мнѣ Ангела. — Къ ней сердце мое привязано до сихъ поръ, и я не могу отстать отъ сей привязанности: но вижу, что *озиранїе вспять* препятствуетъ *стремленїю впередъ!* Господи! что предпріять мнѣ, чтобы сдѣлаться блаженнымъ?

ВТОРАЯ. Я начинаю узнавать тебя — примѣчаю сходство — ты мой отецъ! —

ПЕРВАЯ. Такъ ты моя *Элеонора?* Развѣ ты умерла и оставила мать свою? —

ВТОРАЯ. И матушка скоро сюда будетъ; у нея также чахотка, какъ была и у меня. Спустя три года послѣ смерти твоей я начала харкать кровью и страдала четыре года, наконецъ кончила тогдашнюю мою жизнь. Здѣсь нахожусь я уже довольно времени, но не могу привыкнуть ко свѣту. Мнѣ также говорятъ, что меня удерживаетъ земная привязан-

ность: но какъ могу я освободиться отъ такого предмета, съ которымъ сердце мое сопряжено неразрывными вѣчными узами?

ПЕРВАЯ. Какой же это предметъ?

ВТОРАЯ. Ты помнишь молодаго N.N. который былъ учителемъ у сосѣда нашего. Пріятный, кроткій и благочестивый нравъ сего молодаго человѣка, рѣдкія его способности и честная жизнь влекли меня къ нему съ непродолимою силою; онъ также мною плѣнился, и мы поклялись съ нимъ соединиться брачными узами, какъ скоро онъ себя пристроитъ къ мѣсту. Не задолго предъ смертію моею онъ дѣйствительно получилъ мѣсто; молился о продолженіи моей жизни, но тщетно! Я умерла, и теперь духъ мой стремится къ нему; любезный образъ его всегда предъ глазами моими.

При семъ повѣствованіи отецъ стоялъ печально и молчалъ, равно и дочь. —

Потомъ явились другія лица, двое Ангеловъ привели отлученную душу и поставили ее прямо противъ вѣчнаго Востока. Подобно какъ утренняя звѣзда, являясь, блещетъ свѣтомъ, такъ блисталъ явившійся въ долинѣ судящій Ангелъ. Онъ спустился съ облаковъ къ новопришедшей душѣ и съ радостнымъ видомъ велѣлъ ей развить свитокъ ея жизни. — Въ семъ свиткѣ изображался рай Божій, исполненный плодовъ вѣчной жизни ; отецъ и дочь узнали супругу и мать, сердца ихъ размягчились какъ воскъ, и они хотѣли обнять ее: но приступить къ ней не смѣли. Тогда Ангелъ повелѣлъ и отцу развить свитокъ его жизни, который явился совершенно чистымъ; всѣ грѣхи были изглажены, и много было плодовъ, но не совсѣмъ созрѣвшихъ; все казалось какъ бы за чернымъ флеромъ, который тотчасъ изчезъ при воззрѣніи его на супругу. —

Потомъ развился свитокъ Элеоноры. Онъ также исполненъ былъ плодовъ жизни: но они всѣ покрывались густымъ туманомъ, такъ что едва можно было примѣтить, что подъ онымъ скрывалось. —

АНГЕЛЪ-СУДІЯ. Теперь называешься ты *Наэмія*: сбрось съ себя печальный покровъ! Тотъ, кого ты любила, былъ тебя недостоинъ. Онъ носилъ личину благочестія только для красоты твоей и для твоего имѣнія, тайно же утопалъ въ порокахъ и сладострастіи; почему Господь смертію и избавилъ тебя отъ будущихъ бѣдствій. —

Покрывало съ Наэміи спало, какъ тѣнь сходитъ съ цвѣтовъ при явленіи солнца; и сей садъ Господень явился во всей лѣпотѣ.

Но мать — *Іосанна* было новое имя ея — блистала въ просвѣтленіи своемъ подобно Ангелу, возвѣстившему

нѣкогда пастухамъ въ Виѳлеемѣ о рожденіи Мессіи. — Эвіонъ, супругъ ея, стоялъ противъ нея съ поникшимъ взоромъ, и сказалъ: Ахъ! естьли бы могъ я вѣчно съ тобою остаться! — Сколько я, несчастный, упустилъ случаевъ къ добру! — Какъ могу я питать себя надеждою наслаждаться съ тобою равнымъ блаженствомъ? —

АНГЕЛЪ-СУДІЯ. Успокойся; Эвіонъ! Вѣчная любовь никогда не разлучаетъ искупленныхъ, другъ друга любящихъ супруговъ, естьли они будутъ имѣть одинакую волю и одинакія желанія. — Различіе состоитъ только въ томъ, что тотъ, кто назначенъ къ бо́льшему совершенству, получаетъ и бо́льшій кругъ дѣйствованія и наслаждается въ немъ бо́льшею радостію, нежели тотъ, который стоитъ на низшей степени. — А ты, Наэмія, должна вѣчно жить и дѣйствовать вмѣстѣ съ своею матерью!

Эвіонъ и Наэмія сдѣлались также просвѣтленными и Ангелъ-судія, который, какъ мнѣ сказывали, былъ *Фенелонъ*, посадилъ ихъ всѣхъ троихъ на облачную свою колесницу и полетѣлъ съ ними чрезъ гору къ первоначальному свѣту.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ОСМОЕ.

Участь устныхъ Христіанъ.

Взглянувъ нѣсколько съ примѣчаніемъ на жизнь всего Христіанскаго общества, мы увидимъ, что большая часть хотятъ быть благонравны, наблюдаютъ наружные обряды своей церкви, и, по свѣтски говоря, живутъ довольно честно. — Какая жъ участь ждетъ сихъ людей по смерти? Не дерзко ли будетъ судить о томъ? — Любезный Читатель! Частно о томъ, или другомъ, мы и не будемъ полагать нашего сужденія; ибо мы не знаемъ, что внутри ихъ происходитъ и что пройзоидетъ прежде, нежели они ступятъ ногою изъ времени въ вѣчность: но вообще о человѣкахъ, умирающихъ въ таковомъ состояніи равнодушія, безъ сомнѣнія

должны мы помыслить, что съ ними быть можетъ? Ибо естьли осудить ихъ на вѣчную муку, то сердце содрагается отъ одной мысли о множествѣ сихъ злополучныхъ, и въ семъ случаѣ примиряющая драгоцѣнная кровь Искупителя весьма бы дешево была пролита. Естьли же смѣло припишемъ имъ состояніе блаженное: то должны будемъ пожалѣть о тѣхъ усердныхъ подвижникахъ, которые для полученія вѣнца труждаются, сражаются, терпятъ и ходятъ тяжкимъ путемъ страданій и самоотверженія, прежде нежели увѣряшся въ благодати къ нимъ Божеской во Христѣ, и наконецъ таковая надежда не можетъ ли породить опасную безпечность? —

Я искалъ истины въ самомъ источникѣ, и сомнѣніе мое разрѣшилось слѣдующею представившеюся воображенію моему картиною. —

Сезай торжественно подвизался, соблюлъ вѣру и съ чистымъ сердцемъ

ходилъ предъ Богомъ. Наступилъ часъ его, и Ангелъ Семаія перевелъ его въ царство духовъ.

СЕЗАЙ. Коль здѣсь мнѣ отрадно, Небесный братъ! И въ сей сумрачной странѣ я чувствую уже себя блаженнымъ, хотя здѣсь нѣтъ ничего, что бы могло меня радовать, кромѣ славнаго свѣта, блистающаго тамъ изъ за горы, и укрѣпляющей прохлады, оттуда вѣющей на насъ.

СЕМАЙЯ. Когда Искупленникъ и Избранникъ Божій, совершa теченіе Христіанской жизни, совлечется земнаго своего покрова тѣла, и оставитъ грѣховный міръ: то божественный міръ, глубоко внутри въ оковахъ плоти прежде находившійся, освободясь отъ узъ, наполняетъ все существо человѣка, и подобно солнцу, изходящему изъ-за облаковъ и позлащающему поля и долины, проницаетъ всю душу и исполняетъ ее небесною радостію; такъ что естьли бы она и въ адѣ

находилась, то и тамъ вкушала бы блаженство.

СЕЗАЙ. Ахъ, Небесный братъ! — Благодареніе Господу, я на себѣ ощущаю сію истину. — Такъ стало нѣтъ нужды ни въ какомъ особливомъ мѣстѣ для вкушенія блаженства? Отшедшія Христіанскія души, такъ какъ я теперь, имѣютъ въ самихъ себѣ источникъ неизреченной радости, гораздо сладостнѣйшій, нежели какъ бы найти могли въ другомъ какомъ мѣстѣ. —

СЕМАЙЯ. Ты судишь несправедливо, думая, что вѣчная жизнь состоитъ въ одномъ только покоѣ и наслажденіи. Нѣтъ, любезный братъ! всѣ возвышенныя силы твои, по назначенію и направленію ихъ и по цѣли своей, должны *дѣйствовать* для царствія Божія; а для сего потребенъ и міръ сходственный съ натурою ихъ.

СЕЗАЙ. Чувствую, что ты правъ; высочайшій Божественный міръ, про-

ницающій мою душу, есть нива, которую долженъ я въ будущемъ моемъ званіи и въ совершенной зависимости отъ Господа засѣять и насадить благими дѣяніями любви къ Богу и ближнему: тогда уже произрастутъ райскіе плоды жизни, которые безконечно будутъ умножать блаженство братьевъ моихъ, и мое.

СЕМАЙЯ. Ты говоришь истинно, какъ единъ изъ насъ, хотя едва оставилъ юдоль плача Господь да прославляется въ тебѣ во вся вѣки! —

СЕЗАЙ. Аминь, буди мнѣ по глаголу твоему! Все, что я имѣю, принадлежитъ Ему; и все Ему я посвящаю. — Но, любезный братъ! у меня есть прозьба; естьли можешь исполнить ее, то я возблагодарю Господа, и тебя. —

СЕМАЙЯ. Открой мнѣ сердце твое. —

СЕЗАЙ. Многихъ мнѣ знакомыхъ, умершихъ прежде меня, жизнь была

такова, что ихъ не льзя почесть ни благочестивыми, ни осужденными; они жили честно, никому зла не дѣлали, исполняли всѣ внѣшнія должности религіи, должности подданнаго, супруга, отца; но со всѣмъ тѣмъ оставались въ естественномъ своемъ поврежденномъ состояніи: — о покаяніи же, обращеніи и исполненіи истинныхъ Христіанскихъ добродѣтелей во все не думали; и умерли, не оказавъ никакого стремленія къ благодати Божіей во Христѣ. — Естьли это не есть суетное любопытство: то я желалъ бы знать участь сихъ людей по смерти, особлнво потому, что цѣлые милiоны есть такихъ Христіанъ.

СЕМАЙЯ. Видишь ли сіи безчисленные сонмы душъ при подошвѣ горы восточной? —

СЕЗАЙ. Вижу, и даже вижу какъ лучезарные Ангелы перелетаютъ за гору, и иныхъ берутъ съ собою; так-

же бижу, что многія изъ нихъ преображаются въ ужасные виды, отбѣгаютъ на западъ, и слѣдовательно отсылаются на вѣчную погибель. —

СЕМАЙЯ. Ты видишь и судишь весьма справедливо: но примѣть также, что великое множество душъ у подошвы горы не уменьшается: понятно ли тебѣ это?

СЕЗАЙ. Мнѣ кажется, что всѣ тѣ, которыхъ Ангелы *не берутъ* съ собою *и не осуждаютъ*, не готовы еще ни къ тому, ни къ другому состоянію.

СЕМАЙЯ. Весьма справедливо. Но что ты думаешь о такомъ человѣкѣ, который не готовъ ни къ блаженству, ни къ осужденію ?

СЕЗАЙ. Благодарю тебя, Небесный братъ! теперь понимаю. Человѣки, коихъ участь по смерти желалъ я знать, не готовы еще ни къ тому, ни къ другому состоянію; и какъ таковыхъ во всѣхъ народахъ и состояніяхъ много: то и здѣсь они

составляютъ многочисленныя толпы. Но не далеко ли уже простирается мое любопытство? Я желалъ бы знать внутреннее состояніе сихъ душъ.

СЕМАЙЯ. Онѣ вообще всѣ въ крайней печали, и сія печаль различается по свойствамъ ихъ. — Естьли ты хочешь болѣе вѣдать и узнать состояніе прежнихъ твоихъ знакомцевъ: то выбери въ мысли изъ нихъ любаго, съ кѣмъ бы ты хотѣлъ поговорить, и пожелай быть съ нимъ; воля твоя повлечетъ тебя къ нему, а я буду твоимъ проводникомъ.

Сезай послѣдовалъ сему совѣту. Онъ и проводникъ его перенеслись довольно далеко и остановились близъ одного духа, котораго Сезай не узналъ: но по нѣкоторыхъ вопросахъ и отвѣтахъ объяснилось, что это былъ сосѣдъ его *Кадаръ*, который, узнавъ Сезая, казалось, сдѣлался отъ того веселѣе, и между ними начался слѣдующій разговоръ:

КАДАРЪ. И такъ и ты пришелъ въ сію страну вѣчной печали? О! какъ мы несчастны! —

СЕЗАЙ. Я не несчастенъ, мой другъ! Я пресчастливъ! Мнѣ такъ хорошо, что я радъ здѣсь жить вѣчно, естьли на то есть воля Божія.

КАДАРЪ. Такъ мнѣ многіе отвѣчали, и всѣ они отведены были Ангелами за гору: скоро и ты получишь сіе счастіе; а я долженъ еще здѣсь стонать въ унынiи.

СЕЗАЙ. Но скажи мнѣ чистосердечно, *о чемъ* ты скорбишь? Лишеніе ли вѣчнаго блаженства, стремленіе ли къ прежней жизни земной, или грѣхи тебя мучатъ? —

КАДАРЪ. Я имѣлъ довольно времени разсмотрѣть причину чрезмѣрной моей скорьби: меня мучитъ разлука съ прежнею жизнію, которой я навсегда лишился. Ахъ! когда только я въ сей безплодной мрачной пустынѣ помышлю о радостныхъ часахъ прежъ-

ней моей жизни; когда только вспомню о тѣхъ удовольствіяхъ, какія доставляло мнѣ мое имущество и обращеніе съ моими друзьями: то мнѣ приходитъ умереть съ печали, а я безсмертенъ!

СЕЗАЙ. Естьли бы дано было тебѣ на волю, избрать ли вѣчное блаженство, или возвратиться въ прежнюю жизнь: то что бы ты выбралъ?

КАДАРЪ. Вѣчное блаженство каково, мнѣ еще неизвѣстно; и что такое небо, я еще не знаю: а потерянную, вѣчно потерянную жизнь прежнюю очень знаю, и даже ощущаю и теперь, какъ хорошо мнѣ тогда было, и какъ тяжело нынѣ!

СЕЗАЙ. Несчастный другъ! Но тебѣ извѣстно, что потерянной жизни возвратить не льзя; — знаешь также, что всѣ оставленные тобою друзья твои по времени перейдутъ сюда, и что земная жизнь подвержена разнымъ превратностямъ и пере-

мѣнамъ: и такъ обрати свое вниманіе и силу воображенія къ непреходящему блаженству, къ которому ты здѣсь такъ близокъ! —

КАДАРЪ. Ахъ, другъ мой! Это мнѣ часто уже говаривали Ангелы, и наставляли меня, что дѣлать для достиженія покоя: но какъ я это сдѣлаю? — Научи крота летать по орлиному и смотрѣть въ солнце, а орла рыть въ землѣ норы! —

СЕЗАЙ. Семайя! Братъ небесный! научи его; жалость возмущаетъ мое блаженство.

СЕМАЙЯ. Внутренность его еще не созрѣла; онъ долженъ съ ревностію и мужествомъ сражаться со всѣми сими представленіями о прошедшемъ; и естьли вспомнитъ что изъ прежней жизни, долженъ тотчасъ то забывать, и вмѣсто онаго воображать страданія и смерть высокаго нашего Искупителя, и повторять себѣ сіи воображенія до тѣхъ поръ, пока они

сдѣлаются ему пріятными и изгладятъ изъ памяти его картины прошедшаго. Какъ же скоро представленія примирительной смерти Христовой содѣлаются важными, поразительными: то изъ сего родится благотворная сладкая печаль по Немъ и стремленіе къ Нему, которыя потомъ приближатъ его ко свѣту и доставятъ наконецъ ему покой. —

СЕЗАЙ. Ахъ, Кадаръ! послѣдуй сему совѣту! — Тебѣ спастись еще можно.

КАДАРЪ. Другъ мой! — Я какъ разслабленный — какъ мнѣ спасти себя? —

СЕМАЙЯ. Теперь это труднѣе, чѣмъ было прежде; но какъ упущеннаго времени благодати возвратить не льзя: то не остается тебѣ инаго средства, кромѣ послѣдованія сему совѣту. Съ жаромъ небесной любви предлагаю я глубинѣ твоего внутренняго существа сіе истинное средство: поспѣши принять совѣтъ мой; ибо, естьли ты здѣсь, въ царствѣ тишины,

покоя и размышленія, не разкаешься и не обратишься: то прогнанъ будешь еще въ ужаснѣйшее мѣсто, гдѣ въ мучительномъ огнѣ очищенія должны будутъ сгорѣть всѣ пріятныя твои картины прошедшаго. — Поспѣшай! Время, тебѣ оставленное, скоро пройдетъ.

КАДАРЪ. Ахъ, небесный обитатель! Я содрагаюсь ужасомъ отъ предстоящей скорьби и печали! *Я хотѣлъ бы сражаться*, естьлибъ только имѣлъ силу.

СЕМАЙ. Хотѣлъ бы? Но хотѣлъ ли ты сего и прежде?

КАДАРЪ. Я чувствую въ себѣ, какъ бы вдалекѣ нѣчто облегчающее. — Нѣтъ, до сихъ поръ я не желалъ сего; но теперь желаю.

СЕМАЙЯ. Ахъ, КадарЪ! Сохрани въ себѣ сей зародышь чистой воли, и послѣдуй моему совѣту! — Сила вседовлетворительной благодати можетъ еще воздѣйствовать въ немощи; есть-

ли ты вооружишься мужествомъ, и будешь сражаться: то мы паки увидимся въ радостныхъ селеніяхъ Царства Дѣтскаго. (*Семайя и Сезай удаляются.*) —

СЕЗАЙ. Будетъ ли Кадаръ спасенъ? Какъ думаешь ты, Небесный братъ?

СЕМАЙЯ. Надѣюсь, все зависитъ отъ твердости *въ хотѣніи*; безъ того онъ продолжитъ свое здѣсь пребываніе; естьли жъ станетъ бдѣть, молиться и сражаться, то можетъ еще спастись: однако такая душа никогда не достигнетъ до степени блаженства тѣхъ, которыя въ земной жизни ратоборствовали и одерживали побѣду; она принадлежитъ къ нижшему классу въ Царствѣ Божіемъ, которое имѣетъ обитателей разныхъ степеней, между коими, такъ сказать, простой народъ состоитъ изъ таковыхъ лѣнивыхъ, слабыхъ, немощныхъ людей, которые по одному только

имени суть Христіане, естьли по долговременномъ и трудномъ испытаніи самоотверженія ихъ въ сѣни смертной не придутъ наконецъ въ разумъ истинный.

СЕЗАЙ. Коль милосерда вѣчная Любовь! По этому большая часть именующихся Христіанами будутъ счастливы? —

СЕМАЙЯ. Совсѣмъ нѣтъ! — Вольшая часть, истощивъ данныя имъ силы, низвергаются въ погибель, и должны муками духовнаго очистительнаго огня постепенно очищаться. —

СЕЗАЙ. Боже! Сколь горестна ихъ участь! Но могу ли я еще спросить объ одномъ знакомцѣ моемъ, *Нададѣ?*

СЕМАЙЯ. Кто былъ сей Нададъ? —

СЕЗАЙ. Достаточный гражданинъ и ремесленникъ честнаго житія, не пропускавшій никогда ни службы Божіей, ни внѣшнихъ должностей Христіанства; говаривавшій всегда тек-

стами Св. Писанія и избранными мѣстами изъ духовныхъ сочиненій; старавшійся всѣхъ учить и назидать, и на смертномъ одрѣ проповѣдывавшій до послѣдней кончины. —

СЕМАЙЯ. Пойдемъ къ нему, и узнаемъ о его состояніи. —

Сезай съ ужасомъ примѣтилъ, что нѣкое стремленіе повлекло ихъ отъ небеснаго свѣта въ сторону. Ахъ, любезный братъ! сказалъ онъ вздохнувши; я боюсь, чтобъ Нададъ не былъ еще несчастнѣе Кадара.

СЕМАЙЯ. Ты скоро то узнаешь. Тамъ, въ изчезающемъ мерцаніи свѣта, видишь ли ты нѣсколько пригорковъ?

СЕЗАЙ. Чуть вижу. —

СЕМАЙЯ. Тамъ его жилище; тамъ самолюбцы проповѣдуютъ себя.

СЕЗАЙ. Ахъ! я всегда опасался, чтобъ онъ не попалъ въ сей классъ людей.

Семайя и Сезай шли между холмами; вѣчный разсвѣтъ становился здѣсь едва примѣтнымъ, и походилъ на ночь освѣщенную звѣздами. — Вдали же на западѣ примѣчалось нѣчто красноватое, и по временамъ слышанъ былъ глухой громъ. — Холмы состояли изъ крутыхъ огромныхъ утесовъ, брошенныхъ другъ на друга громомъ Всемогущаго, и заключали между собою узкую лощину, въ которой приближающіеся къ аду ужаснаго вида духи уединенно, или толпами странствовали и блуждали. Здѣсь нашли они бѣднаго Нададa. Онъ стоялъ на нѣкоемъ возвышеніи, избравъ къ тому небольшой пригорокъ; предъ нимъ было множество слушателей изъ духовъ, къ его классу принадлежащихъ, и онъ походилъ на человѣка, который, въ бреду горячки, говоритъ несвязно и съ лучшими истинами мѣшаетъ нелѣпыя понятія. Такимъ образомъ святыя вещи словами его уничижа-

лись, и ужасные его слушатели адскимъ образомъ ругались и смѣялись надъ нимъ и надъ всѣмъ тѣмъ, что онъ говорилъ. Это мучило и оскорбляло бѣднаго оратора; не смотря на то онъ продолжалъ говорить свое поученіе: но весь трудъ его оставался тщетнымъ, насмѣшки и ругательство отчасу умножались, а отъ того увеличивалась въ немъ скорбь его.

Сезай приближился къ нему и далъ знать о себѣ. Любезный Нададъ! сказалъ онъ: ты несчастливъ — ты напрасно мучишь себя, проповѣдуя, когда Господь тебя не послалъ; уча, не бывъ самъ наученъ духомъ Божіимъ; чрезъ сіе ты даешь поводъ хулителямъ поносить имя Всевышняго и готовишь себѣ судъ въ день гнѣва. —

НАДАДЪ. И ты уже дѣлаешь мнѣ упреки? Ты, котораго называли истиннымъ Христіаниномъ? Развѣ я не долженъ вездѣ проповѣдывать Іисуса

Христа и слово Его? — И естьли я назначенъ возвѣстить честь Его самому аду и славу Его злымъ духамъ: то какъ ты мнѣ это запрещать можешь?

СЕМАЙЯ. Не сердись, бѣдный духъ! не возжги въ себя ада! — Естьли ты строго испытаешь себя: то увидишь, что аду и злымъ духамъ проповѣдуешь ты только собственную честь и славу свою. — Осно-ваніемъ мнимаго твоего Христіанства и проповѣданія на стогнахъ есть *самость*, ты хотѣлъ бы почитаемъ быть за высокопросвѣщеннаго, за Апостола; а не имѣешь ни одного Апостольскаго качества: — вмѣсто *смиренія сердцемъ*, безъ чего никто не можетъ войти въ небесное гражданство, ты ищешь въ самомъ Храмѣ Господнемъ собственной чести; вмѣсто того, чтобъ кротостію побѣждать враговъ своихъ, ты сердишь-

ся, и чрезъ то умножаешь въ себѣ и въ нихъ пламень ада; вмѣсто того, чтобъ благодѣтельствовать любленіемъ и терпѣніемъ, ты непорученнымъ тебѣ ученіемъ и проповѣданіемъ озлобляешь духовъ и побуждаешь ихъ къ хуленію, и слѣдовательно собираешь гнѣвъ на гнѣвъ и судъ на судъ.

НАДАДЪ. Слова твои истинны: но они мучатъ меня адскими муками. Удалитесь отъ меня, Небесные жители! Присутствіе ваше мнѣ несносно!

СЕМАЙЯ. (*Бросивъ на него небесный лучъ свѣта, который его и слугителей его устрашаетъ и сражаетъ.*) Несчастный Нададъ! Удалиться, къ несчастію, долженъ ты.

Семайя и Сезай пошли опять къ Восточному Востоку. —

СЕЗАЙ Участь Нададa жалкая, и только слова Св. Писанія, *Мат.* VII. 22:

Господи! Господи! не во твое ли имя пророчествовахомъ, объясняютъ мнѣ справедливость оныя.

СЕМАЙЯ. Человѣки въ сужденіяхъ своихъ часто бываютъ несправедливы; иногда почитаютъ они благочестивымъ такого человѣка, который въ очахъ испытующаго сердца и помышленія, гнусенъ и отвратителенъ; иногда многихъ не почитаютъ обратившимися такихъ людей, которыхъ Господь причислилъ къ своимъ избраннымъ; иногда уничтожаютъ и посрамляютъ такого, который въ сердцѣ своемъ имѣетъ предъ ними великое преимущество, и болѣе облагодатствованъ, нежели они.

СЕЗАЙ. Чрезвычайно важна сія заповѣдь Господня: *не судите, да не судими будете*. Но я имѣю еще прозьбу, Небесный братъ. — Нѣсколько лѣтъ жилъ я въ одномъ городѣ съ такимъ человѣкомъ, который для

всѣхъ былъ загадкою. Поведеніе его было совершенно честное, во всѣхъ случаяхъ оказывалъ онъ сердечное смиреніе, кротость, терпѣніе и чрезвычайную благотворность, безъ всякаго тщеславія и хвастовства. Благороднѣйшія дѣла любви, которыя скрывалъ онъ весьма тщательно, обнаруживались по временамъ изъ сокровеннаго ихъ святилища, и тѣмъ съ бо́льшею славою блистали: при всемъ томъ не льзя было узнать, вѣрилъ ли онъ подлинно во Христа? — Когда заходила рѣчь объ Іисусѣ, то онъ всегда скрывалъ свое мнѣніе; а когда говаривалъ объ Немъ, то говорилъ всегда съ благоговѣніемъ и любовію: но какъ скоро старались испытать, вѣритъ ли онъ также и въ Божество Христово и искупленіе Его, то онъ всегда уклонялся съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ и стыдливостію. Сей человѣкъ назывался *Гошйеи;* онъ умеръ за нѣсколько не-

дѣль передо мною; во время болѣзни его до самой смерти мы за нимъ прилѣжно примѣчали; поступки его были кроткіе, терпѣливые, и онъ былъ тихъ, какъ агнецъ, почиталъ себя величайшимъ грѣшникомъ: но не сказалъ ни одного слова, чтобъ онъ имѣлъ надежду на Очистителя грѣховъ. — Могу ли я узнать о его участи? —

СЕМАЙЯ. Поищемъ его! — Стремленіе воли повлекло ихъ къ Восточнымъ горамъ. Гошіени спокойно прохаживался у подошвы одного холма и по временамъ разговаривалъ съ другими отшедшими душами. — Сезай подошелъ къ нему, и они узнали другъ друга и поздоровались съ сердечною радостію. —

СЕЗАЙ. Прости мнѣ, любезный Спутникъ странствованія моего на земли, что я искалъ тебя; и хочу узнать о нынѣшнемъ твоемъ состояніи!

ГОШІЕНИ. Я радъ свиданію сему, и

тому спокойствію, которое изъ всего существа твоего на меня вѣетъ. Я также ощущаю высокій божественный міръ, хотя мнѣ еще и неизвѣстно, какая участь меня ожидаетъ : но я каждою буду доволенъ ; ибо знаю, что Господь милосердъ ко всѣмъ своимъ тварямъ.

СЕЗАЙ. Не слишкомъ ли много ты сказалъ? Извѣстны ли тебѣ всѣ мученія духовъ на отдаленнѣйшемъ западѣ, и былъ ли бы ты доволенъ ихъ участью? —

ГОШІЕНИ. При семъ внутреннемъ мирѣ, который существенно и неизмѣняемо въ обоихъ насъ находится, не льзя намъ ожидать подобной участи; и гдѣ бы мы ни были, вездѣ бы стали наслаждаться блаженствомъ.

СЕЗАЙ. Но сей міръ есть плодъ духа Христова, произшедшій изъ святаго его искупленія насъ, и благодатію его въ насъ созрѣвшій.

ГОШІЕНИ. Я чувствую , любезный

братъ, что ты сказать хочешь; въ земной моей жизни я долженъ былъ вытерпѣть жестокія и тяжкія сраженія и испытать несносныя страданія по сему пункту. Теперь я надѣюсь на милость и благодать всеблагаго Господа, и что прежде было для меня темно, то нынѣ весьма ясно познаю я во свѣтѣ. —

СЕЗАЙ. Дозволь мнѣ спросить у тебя о причинѣ, для чего ты въ жизни своей не хотѣлъ явно говорить о божествѣ Христовомъ и дѣлѣ искупленія Его? —

ГОШІЕНИ. Сіе-то и приключало мнѣ всѣ мои страданія: а чтобъ ты могъ прямо судить о семъ моемъ поведеніи, я разскажу тебѣ искренно тайную исторію моего сердца. — Меня воспитали благочестивые родители мои въ страхѣ Божіемъ; они пріучили меня ко всякому доброму дѣлу и наконецъ одушевили сердце мое любовію къ Богу и ко Христу. Въ семъ

блаженномъ состояніи невинности провелъ я младенческія и отроческія лѣта: но потомъ ремесло мое заставило меня оставить мою родину. — Я пришелъ въ нѣкоторый городъ, гдѣ одинъ знаменитый Проповѣдникъ почти явно проповѣдывалъ противъ Христіанства; а въ дружескихъ разговорахъ прямо утверждалъ, что Христосъ былъ ничто иное, какъ добрый человѣкъ и хорошій моралистъ, основывая сіе на такихъ правдоподобныхъ доводахъ, что отъ страха волосы становились у меня дыбомъ; и съ сего времени поселилась въ душѣ моей глубокая скорбь, мучившая меня до самой смерти. Я старался истребить изъ памяти всѣ доказательства онаго Проповѣдника, читалъ много книгъ противъ него и за него: но ничто не помогало; сомнѣніе овладѣло умомъ моимъ до такой степени, что никакія доказательства не могли меня удовлетворить.

При всемъ томъ любовь ко Христу и стремленіе къ Нему такъ глубоко укоренились въ существѣ моемъ, что я охотно бы согласился терпѣть нѣсколько лѣтъ наижесточайшія муки, чтобъ только пріобрѣсть ясное удостовѣреніе о божествѣ Іисуса: но я страдалъ, не достигая моей цѣли.

Наконецъ рѣшился я почитать Христа такъ, какъ объ немъ сказано въ Евангеліи; непрестанно молился о прощеніи грѣховъ, о заслугахъ Его и о святомъ Его Духѣ; всегда стремился ко свѣту и силѣ, дабы бдѣніе и молитва удерживали меня въ присутствіи Божіемъ: но сомнѣніе весьма сильно овладѣло умомъ моимъ, и какъ камень лежало на душѣ моей.

По четырехлѣтней борьбѣ и сраженіи въ семъ безутѣшномъ состояніи, мало по малу родилось во внутреннемъ основаніи души моей нѣкое благотворное, простое спокойное чувство. Я сталъ ощущать, что

нравственныя силы мои увеличились, и всѣ Христіанскія добродѣтели сдѣлались мнѣ легче; во мнѣ возрасло *послушаніе* къ заповѣдямъ Христовымъ, терпѣніе, смиреніе, любовь къ Богу и ближнимъ, и я ощутилъ въ себѣ двойственнаго человѣка. Одинъ, котораго называлъ я *разумнымъ человѣкомъ*, находился въ послушаніи другаго *новаго внутренняго человѣка*; но какъ онъ не могъ понимать вещей Духа Божія, казавшихся ему буйствомъ, и какъ въ немъ впечатлѣны были ложныя правила Антихристовы, которыхъ не льзя было изкоренить безъ особливыхъ убѣдительныхъ доказательствъ: то внутреннему человѣку всегда представлялъ онъ мрачныя идеи сомнѣнія, и оттуда раждались слѣдующіе гибельные вопросы: ощущеніе твое внутренняго тайнаго мира не есть ли только естественное, отъ сложенія тѣла? Кто знаетъ глубины человѣческаго естества? — Можетъ

быть пріятное ощущеніе есть только *естественное слѣдствіе* бдѣнія, молитвы и усилія быть въ присутствіи Божіемъ! — Ну, естьли по достиженіи цѣли ты увидишь, что все Христіанство, какъ и другія религіи, было только заблужденіе и обманъ? — чѣмъ болѣе возставали таковыя возраженія, тѣмъ ужаснѣе была борьба во мнѣ, которая оканчивалась всегда твердою непреодолимою рѣшимостію итти вѣрно темнымъ путемъ вѣры. Я непрестанно обращался съ молитвою ко Христу и Отцу во Христѣ, и хотя имѣлъ много убѣдительныхъ опытовъ въ услышаніи оной — что и подкрѣпляло слабый свѣтъ моей вѣры — но молитва моя о ближайшемъ откровеніи истины о Христѣ ни однажды услышана не была. Хотя разумный мой человѣкъ и долженъ былъ покаряться, но никогда не былъ убѣжденъ; поелику всѣ основанія, на коихъ Св. Писаніе утверждается, яко

слово Божіе, не производили въ немъ никакого впечатлѣнія; самое услышаніе молитвы казалось ему только случайнымъ.

При всемъ томъ внутренній человѣкъ возрасталъ въ силѣ и благодати; я отчасу живѣе ощущалъ осѣняющій меня духъ Господень, отчасу дѣлался смиреннѣе, и отчасу болѣе усматривалъ естественное мое поврежденіе; а сверьхъ того изъ самаго внутренняго основанія души моей, подобно источнику жизни, изливалось успокоительное увѣреніе о прощеніи грѣховъ моихъ. Однимъ словомъ, мало помалу сдѣлался я въ собственныхъ глазахъ моихъ *ничто*, а Богъ для меня *все*.

СЕЗАЙ. Вотъ самый чудный путь!

СЕМАЙЯ. Многіе таковые пути, любезный братъ, узнаешь ты въ будущемъ; Господь дивенъ во святыхъ своихъ, Онъ въ царствѣ своемъ употребляетъ различныя орудія, и съ ве-

ликою мудростію наиудобнѣйшимъ образомъ направляетъ свойство каждаго къ предназначенной ему цѣли. — Ахъ! естьли бы слѣпые человѣки размышляли о семъ, а не судили! —

СЕЗАЙ. По сему-то должно всегда напоминать себѣ, чтобъ не судить другихъ. Но я думаю, любезный братъ Гошіени, многія внутреннія дѣйствія благодати могли бы наконецъ убѣдить разумнаго твоего человѣка, что Іисусъ Христосъ воплотился для прославленія Бога Отца и для искупленія падшаго грѣшника.

ГОШІЕНИ. Повѣрь мнѣ, братъ Сезай! что естьли бы мнѣ надлежало запечатлѣть истину Евангелія мученическою смертію и кровію моею: то я имѣлъ столько склонности, что помощію Божеской благодати рѣшился бы и на сіе; ибо самый разумъ требовалъ сей рѣшимости по одному только *правилу безопасности*, заключая такъ: *естьли Евангеліе Христово истинно, то му-*

ческая смерть за сію истину есть моя должность; а изъ сего нелрѣлѣжно слѣдуетъ, что человѣкъ сомнѣвающійся имѣетъ уже на себѣ сію обязанность; ибо естьли Евангеліе и неистинно, то сей высочайшій степень повиновенія совѣсти, конечно не останется безъ воздаянія. Но внутренній новый человѣкъ, въ темной нагой вѣрѣ, всегда ощущалъ нѣкоторое увѣреніе въ сей великой истинѣ. —

Часто разсуждалъ я самъ съ собою о пути моемъ и о всѣхъ моихъ опытахъ, и старался пріискать доказательства, которыя бы и разумъ мой могли успокоить: но стараніе мое было тщетно, я всегда оставался при темной нагой вѣрѣ до послѣдней моей минуты. Теперь спокойно и мирно ожидаю я того, что Господь по неизслѣдимому милосердію своему благоволитъ совершить со мною.

СЕМАЙЯ. Вѣрность твоя безъ сомнѣнія получитъ награду; ибо естьли

Іисусъ Христосъ, котораго ты не видѣлъ, но котораго любилъ и въ котораго вѣровалъ, при всѣхъ противорѣчіяхъ твоего разума, явится нынѣ во всей своей славѣ: то ты возрадуешься о томъ неизреченною радостію, а темная твоя нагая вѣра кончится душевнымъ блаженствомъ.

ГОШІЕНИ. Буди мнѣ по глаголу твоему! Но во всѣхъ небесахъ нѣтъ ни одного, который не былъ бы достойнѣе меня наслаждаться симъ блаженствомъ; ибо я былъ противникъ благодати; разумный мой человѣкъ до самой смерти не сдѣлался вѣрующимъ и теперь даже не удостовѣренъ въ истинѣ Евангелія. Это Ѳома, который хочетъ осязать всѣми чувствами, прежде нежели повѣритъ; и такъ это не будетъ уже *вѣра*, съ которою Господь и Апостолы его соединяютъ блаженство, а *лицезрѣніе*.

СЕМАЙЯ. Состояніе твое, любезный братъ, было философское, болѣзнь

душевная, произшедшая отъ слабости душевнаго органа, который не могъ довольно изслѣдовать всѣ основанія, на коихъ истинная вѣра утверждается. —

ГОШІЕНИ. Но развѣ не было лекарства для излеченія меня отъ сей болѣзни? —

СЕМАЙЯ. Конечно! Непрестанное бдѣніе, молитва и стуженіе о силѣ и свѣтѣ — вотъ истинное лекарство! Ты упражнялся въ оныхъ весьма усердно: но Господу угодно было вести тебя *силѣ* путемъ; и ты наслаждаешься блаженствомъ потому, что со всею вѣрностію выдержалъ сіе чрезвычайно тяжкое испытаніе!

ГОШІЕНИ. Честь и слава принадлежитъ Ему единому, а не мнѣ. — Но скажи, любезный братъ Сезай: имѣешь ли ты какое нибудь извѣстіе о старшемъ твоемъ братѣ, который съ такою неизреченною вѣрностію, терпѣніемъ и любовію нѣсколько лѣтъ

проповѣдовалъ Евангеліе объ Іисусѣ между дикими Язычниками? —

СЕЗАЙ. Я думаю, что онъ давно уже въ селеніяхъ блаженныхъ наслаждается наградою благодати за трудные свои подвиги; ибо мы нѣсколько лѣтъ ничего объ немъ не слыхали. Естьли Господь по благости своей приметъ и меня въ Царство свое; тогда я обниму Его, буде мнѣ позволено будетъ его увидѣть. —

Сезай просіялъ отъ радости, равно и Гошіени. Между тѣмъ съ скоростію молніи явился предъ ними величественный Ангелъ, кругомъ котораго былъ сіяющій кругъ радужнаго цвѣта, въ срединѣ онаго сребристыя облака, а поверьхъ онаго въ небесномъ лучезарномъ свѣтѣ носился Уріилъ. Вѣнецъ его, при помаваніи главы его, блисталъ всѣми седмью цвѣтами.

Семайя, Сезай и Гошіени стояли съ поникльмъ взоромъ, благоговѣя.

УРІИЛЪ. Здравствуй, Семайя! —

Куда идешь? Я вижу тебя въ дорожномъ облаченіи.

СЕМАЙЯ. Я освободилъ брата Сезая отъ земнаго праха и привелъ сюда.

УРІИЛЪ. Я посланъ проводить Сезая и Гошіени въ уготованное имъ мѣсто. Сезай, разверни свитокъ твоей жизни!

Подобно какъ послѣ бурной ночи являющіеся златые лучи солнечные, освѣтя страну райскую съ зрѣлыми ея плодами, поражаютъ взоръ: такъ въ мрачной смертной сѣни отразилась вся картина прошедшихъ дней благочестиваго Сезая, и въ одно мгновеніе ока облекся онъ небесною славою и исполнился неизреченною радостію. —

УРІИЛЪ. Открой ты внутренность свою, Гошіени! —

Какъ странникъ, въ ночное время идущій по неизвѣстной сомнительной дорогѣ, наконецъ на разсвѣтѣ дня выходитъ на знакомую тропинку, ви-

дитъ предъ собою свою родину, усматриваетъ пріятное мѣсто будущаго своего пребыванія, — видитъ, какъ друзья его, которыхъ почиталъ мертвыми, бѣгутъ ему на встрѣчу съ отверстыми объятіями, и чувствуетъ всю цѣну счастія своего: подобное сему чувствовалъ Гошіени; но это будетъ только тѣнь того, что въ душѣ его происходило. Черное покрывало надъ разумомъ его изчезло, какъ тѣнь отъ свѣта и радость его была неизреченна.

Уріилъ, видя происходившее съ Искупленниками Божіими, вкушалъ отъ того вящшее блаженство. Наконецъ и Семайя, сложивъ съ себя свой покровъ, явился Ангеломъ Божіимъ во всей славѣ; а Сезай узналъ въ немъ благочестиваго своего отца, который отъ самой юности велъ его по стезѣ истины. Началось торжество, и узилище мертвыхъ превратилось бы отъ того въ небо, естьли бъ оно долѣе

продолжилось: но Уріилъ возсѣлъ на облачную свою колесницу, и взявъ всѣхъ ихъ съ собою, полетѣлъ за горы. На высотѣ блистали они подобно утренней звѣздѣ, когда она, омываясь въ морѣ солнца, свѣтитъ мрачной землѣ. —

Величественный Архангелъ, управлявшій колесницею, перелетѣвъ съ ними чрезъ Царство Дѣтское и Царство Свѣта, остановился на смарагдовой горѣ, отдѣляющей Царство Свѣта отъ Царства Славы. —

УРІИЛЪ. Зрите, братья, тамъ на возвышающемся холмѣ обитаетъ Семайя! Ему дозволено отъ Господа имѣть при себѣ сыновей своихъ, и они вмѣстѣ съ нимъ подвизаются въ дѣлахъ Царства Божія. —

СЕМАЙЯ. Такъ, сынъ мой! Здѣсь находится и старшій братъ твой; онъ есть Князь въ дому Божіемъ и столпъ во Храмѣ Его.

УРІИЛЪ. А тамъ, любезный братъ

Гошіени, гдѣ пальмовая роща облегаетъ гору, и видѣнъ золотый балконъ, ярко сіяющій славою Святаго Града и блистаніемъ Святой Горы, твое жилище! — О будущемъ званіи твоемъ возвѣстятъ тебѣ сапфирныя скрижали Храма твоего.

ГОШІЕНИ. Все существо мое возглашаетъ благодареніе Господу; а вѣчное бытіе мое да будетъ непрестанною хвалебною Ему пѣснію.

Подобно переливающемуся туману понеслись они чрезъ прелестные луга сей небесной страны, коихъ цвѣты представляли живый свѣтъ въ толь высокомъ степени, что смертное око не могло бы онаго снести.

Когда они прилетѣли къ чертогамъ Семайи, которые, казалось, горѣли яркимъ пурпуровымъ пламенемъ: то прохладный благовѣнный зефиръ осѣнилъ ихъ духомъ и жизнію. Элифалъ, старшій братъ Сезая, парилъ имъ на встрѣчу.

Языкъ мой нѣмѣетъ, и лепетаніе мое унижаетъ истинное состоя̂ніе блаженства.

Блажени чистые сердцемъ; ибо они все узрятъ въ истинѣ!

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Христосъ Первосвященникъ.

Судящій Ангелъ, проводя Эліада и Сенира чрезъ Восточныя горы Царства Духовъ въ Царство Свѣта, оставилъ ихъ тутъ, сказавъ имъ: Братья! прежде нежели переведены вы будете далѣе, надлежитъ вамъ извѣстнѣе быть наставленнымъ въ таинствѣ Искупленія, и прежде, чѣмъ вы сподобитесь созерцанія, должна испытана быть вѣра ваша. Эліадъ и Сениръ, устремивъ быстрый взоръ на удаляющагося Ангела, единогласно къ нему воззвали: кто подастъ намъ наставленіе сіе, Небесный братъ! — Онъ блистательною десницею своею указалъ имъ на одинъ замокъ на холмѣ, и вознесся.

ЭЛІАДЪ. Здѣсь хорошо намъ, любезный братъ Сениръ! — Для такихъ

грѣшниковъ, какъ мы, сіе небо съ великолѣпіемъ своимъ превосходитъ даже всякое чаяніе. Прекраснѣйшее земное Майское утро можно почесть мертвымъ въ сравненіи съ симъ пріятнымъ мерцаніемъ, толь кротко и радостно измѣняющимся во всѣ цвѣты свѣта. Приведи на мысль самые прекраснѣйшіе сады во всей ихъ славѣ: — Не мертвыя ли то будутъ картины въ сравненіи съ сею духовною Природою?

СЕНИРЪ. Конечно! Какое изобиліе возникающихъ и цвѣтущихъ растѣній! Они явные признаки дивныхъ таинствъ, мной предощущаемыхъ. Сколь же паче умножится блаженство наше, когда мы познаемъ дивную Премудрость, Всемогущество и Любовь Божію въ велелѣпнѣйшихъ твореніяхъ Его!

ЭЛІАДЪ. Ты правъ: но слова Ангела сдѣлали во мнѣ глубокое впечатлѣніе. — Ты слышалъ: онъ сказалъ,

что насъ поведутъ еще далѣе, когда вѣра наша въ искупленіе Христово извѣстнѣе испытается и найдена будетъ достойною созерцанія! Слова сіи не равное ли и въ тебѣ произвели дѣйствіе?

СЕНИРЪ. Они глубоко во мнѣ впечатлѣлись: но онъ указалъ намъ на замокъ, стоящій тамъ на холмѣ. — Видишь ли, какъ онъ сіяетъ въ изумрудной зелени пальмовыхъ, кедровыхъ, и другихъ жизнію цвѣтущихъ деревъ? Видъ сей представляетъ какъ бы разплавленное серебро, въ которомъ отсвѣчивается лазуревый горизонтъ. — Видишь ли тамъ Ангеловъ, прохаживающихся по замку? Поспѣшимъ туда! Тамъ получимъ мы нужное намъ наставленіе. — Подобно какъ легкія облака, при появленіи зари утренней, скрываются съ горизонта: такъ оба сіи блаженные духа перенеслись по свѣтлому эѳиру чрезъ

вершины деревъ къ самому холму и опустились на кровъ замка. —

Эліасафъ, обитатель сего замка, прохаживался въ сихъ чертогахъ съ двумя посѣтившими его сосѣдами, Элифаломъ и Узіиломъ, бесѣдуя съ ними въ полнотѣ блаженства о водительствѣ Божіемъ во время прежней испытательной ихъ жизни. — Они встрѣтили новыхъ своихъ гостей дружескими привѣтствіями, и Эліасафъ повелъ ихъ въ другую сторону замка внизъ, гдѣ въ райскомъ саду, исполненномъ зрѣлыхъ плодовъ, стоялъ храмъ, разпространявшій вокругъ сіяніе краснорубиноваго цвѣта. — Всѣ пятеро вошли въ сей Храмъ отправить праздникъ въ честь Всевышняго и узнать волю Его. — Въ продолженіе сего священнаго торжества явились на сапфирной скрижали пламенныя письмена, въ которыхъ Эліасафъ прочелъ, что ему надлежало дѣлать съ новопришедшими братьями. —

Въ преизбыткѣ любви, свойственной Ангеламъ, Эліасафъ повелъ гостей своихъ въ бесѣдку сада; и тогда начался между ними слѣдующій разговоръ.

ЭЛІАСАФЪ. Любезные братья! разскажите намъ исторію вашей жизни. —

ЭЛІАДЪ. Весьма охотно мы объявимъ вамъ, блаженные Ангелы, сколь явилъ намъ Господь милости своей, и какого труда стоило сдѣлать изъ насъ то, что мы нынѣ.

Оба мы дѣти благочестивыхъ отцовъ, которые были купцы. Они жили въ одномъ городѣ въ тѣсной дружбѣ и въ духовномъ союзѣ; почему и насъ воспитали въ страхѣ Божіемъ и учили послѣдовать примѣрамъ древнихъ Христіанъ. — Когда мы нѣсколько подросли, отцы наши хотѣли отдать насъ на воспитаніе въ Институтъ Евангелическаго братства: но одинъ благочестивый Свя

щенникъ, имѣвшій нѣкоторыя предубѣжденія противъ сего общества, то имъ отсовѣтовалъ; и какъ при томъ Институтъ сей родителямъ нашимъ не очень былъ извѣстенъ: то они, оставя сіе намѣреніе, отдали насъ одному примѣрно благочестивому и ученому мужу, удалившемуся отъ мірскаго шума, дабы безпрепятственно служить Богу. А чтобы болѣе содѣйствовать ко благу Царствія Его: то завелъ онъ пенсіонъ для молодыхъ людей, которыхъ самъ училъ, воспитывалъ и руководствовалъ ко Господу.— Онъ не былъ женатъ; и такъ сестра его, столь же благочестивая какъ и онъ, смотрѣла за всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ.

Сей почтенный мужъ еще въ молодости начитался хорошихъ Мистическихъ книгъ и непрестанно ходилъ въ присутствіи Божіемъ, со всею строгостію отрекался отъ всякаго собственнаго хотѣнія и дѣйствованія,

словомъ: вся жизнь его была непрестанное бдѣніе и молитва, все основаніе блаженства своего полагалъ онъ во всесвятѣйшемъ таинствѣ Искупленія Христова и въ вѣрѣ въ Него, яко достопоклоняемаго Спасителя нашего: но стремленіе его обращено было только на произведеніе плодовъ истинныя вѣры въ душѣ чрезъ Духа Святаго, страданіями же и смертію Христовою онъ не очень занимался.

По сей системѣ и мы были воспитаны, и слѣдовали пути сему вѣрно, естьли не съ совершенно чистымъ, то по крайней мѣрѣ съ искреннимъ сердцемъ. — Живши вмѣстѣ, какъ братья, любя искренно другъ друга, и имѣя однѣ склонности, мы рѣшились остаться въ безбрачной жизни, и жить и торговать вмѣстѣ. — Мы поѣхали въ Америку и поселились въ Бостонѣ, гдѣ въ земныхъ вещахъ мы имѣли великое благословеніе; внутренній же ходъ нашъ, сколько мы себя

чувствовали, состоялъ въ претыканіяхъ, паданіи и возставаніи. Между тѣмъ отцы наши умерли, а наконецъ умеръ и любезный нашъ Учитель, духовный нашъ отецъ. — О! какъ бы увеличилось блаженство наше, естьлибъ мы здѣсь могли облобызать сихъ трехъ рѣдкихъ и любезнѣйшихъ мужей. —

Но сколь ни были мы увѣрены, что путь нашъ есть самый правильнѣйшій, въ душѣ моей скрывалось нѣчто непонятное, которое тревожило меня всякой разъ, когда я читалъ въ новомъ Завѣтѣ о примиреніи грѣшника съ Богомъ чрезъ смерть Христову и удовлетвореніи Его за насъ. — Я видѣлъ, что сіе ученіе составляетъ главный пунктъ Христіанской вѣры и основаніе и Ветхаго и Новаго Завѣта; ибо въ Ветхомъ умирали *животныя* за грѣхи человѣческіе, а въ Новомъ единожды навсегда принесъ себя въ жертву *вочеловѣчившійся Сынъ Божій.*

Сіе внутреннее *нѣчто* было *чувство, судящее недостатокъ моей вѣры* — Я зналъ, и твердо вѣрилъ, что посланіе *высокаго Искупителя* въ міръ, святая жизнь, страданія и смерть Его суть единственное основаніе нашего блаженства: но понятіе мое о семъ великомъ таинствѣ ограничивалось только слѣдующими двумя пунктами.

1) Я полагалъ, что все то, что Христосъ претерпѣлъ, претерпѣть ему надлежало, дабы, пострадавъ такимъ образомъ, доказать тѣмъ свое *повиновеніе* Отцу и возвысить человѣческое свое естество, въ нравственномъ смыслѣ, до Божескаго достоинства, до высочайшаго нравственнаго совершенства, и дабы потому могъ Онъ освятить духомъ Своимъ всѣхъ въ Него вѣрующихъ и потомъ принять правленіе надъ міромъ. — По сему

2) Искупленіе человѣческаго рода я понималъ въ такомъ смыслѣ, что

Христосъ всѣ грѣхи человѣческіе употребляетъ средствомъ къ благимъ цѣлямъ, и мудрое свое правленіе учреждаетъ такъ, что человѣкъ наконецъ достигаетъ назначенія своего съ бо́льшимъ еще совершенствомъ, нежели когда бы онъ не палъ. И такъ я думалъ, что для Христіанина довольно вѣрить въ заслуги Христовы и примиреніе чрезъ Него, и болѣе ничего не требуется. Но духъ мой все не былъ спокоенъ; внутреннее глубоко сокровенное чувство убѣждало меня, что для совершенной спасительной вѣры потребно нѣчто бо́льшее: но что именно, того я не зналъ, и отъ того безпокойство мое умножалось тѣмъ болѣе, что сердце мое, при разсматриваніи безконечной, непостижимо великой любви Божіей во Христѣ, оставалось хладнымъ и нечувствительнымъ. — *Разумъ* все это признавалъ за истину: но сердце, какъ мнѣ казалось, мало въ томъ бра-

ло участія. — Въ такомъ же положеніи находился и другъ мой Сениръ. — Вмѣстѣ совершали мы земное наше странствіе, вмѣстѣ кончили жизнь чрезъ кораблекрушеніе, вмѣстѣ и здѣсь слышали милостивый приговоръ о насъ. Теперь просимъ васъ, Небесные братья! наставьте насъ, чего намъ недостаетъ, дабы отъ *вѣры* перейти къ *созерцанію?* — Каковы мы нынѣ, сіе произвелъ самъ Господь трудными очистительными средствами; ибо мы всегда Ему противились, и Онъ долженъ былъ насъ *принудить*; все, что мы имѣть, или чѣмъ быть стали, Онъ намъ то далъ, Онъ изъ насъ то сотворилъ: то и сей недостатокъ нашей вѣры Онъ долженъ дополнить, а мы не въ состояніи.

ЭЛІАСАФЪ. Хвала Господу, устрояющему все во благо! Я бывшій наставникъ вашъ, братъ Элифалъ отецъ твой, Эліадъ! А ты, Сениръ, сынъ мой, бра-

та сего Уріила! Вселитесь въ сіи блаженныя селенія!

Небесныя лобзанія и неизреченная радость озарили сихъ пятерыхъ гражданъ свѣта; они возсіяли какъ солнце во всей лѣпотѣ его.

ЭЛІАСАФЪ. Въ семъ темномъ состояніи вѣры, въ которомъ вы умерли, и я былъ; но не задолго предъ смертію обращеніе одного великаго грѣшника привело меня къ познанію и свѣту. Человѣкъ сей нѣсколько лѣтъ утопалъ въ различныхъ порокахъ и самой разпутной жизни. — Однажды, въ сообществѣ себѣ подобныхъ грѣшниковъ, проведя всю ночь въ шумѣ, пьянствѣ, разпутствѣ и разныхъ непотребствахъ, вдругъ пробужденъ онъ былъ отъ сна грѣховнаго. По утру они поссорились между собою, такъ что дошло у нихъ до драки, и одинъ изъ нихъ смертельно былъ раненъ. Сей несчастный предъ концемъ своимъ возчувствовалъ

въ душѣ своей все свирѣпство ада; раскаяніе его и жалобы были ужасныя, раздиравшія душу, и такъ сильно поразили того человѣка, что онъ отъ всей души съ великою скорбію возопилъ: *Господи! что сотворю, да спасуся?*

Одинъ благочестивый Священникъ принялъ о немъ попеченіе, и чрезъ спасительный подвигъ строгаго покаянія привелъ его къ живой вѣрѣ въ примиряющую смерть Спасителя нашего, которая произвела надъ нимъ полное свое дѣйствіе; ибо отъ сего времени онъ сталъ приносить зрѣлые плоды вѣры. Тогда я на самомъ дѣлѣ увидѣлъ истину сказанныхъ Господомъ словъ: что *большая радость бываетъ на небеси о единомъ кающемся грѣшникѣ, нежели о девяносто девяти праведникахъ, не требующихъ покаянія;* ибо въ сравненіи съ тою горячностію, тою несказанною любовію къ Искупителю, и тою

ревностію къ дѣйствованію въ Христіанствѣ и повсюду для благихъ цѣлей, какія въ немъ явились, моя дѣятельность была совершенно мертвая, и только тѣнь одна. Тогда родилась во мнѣ тоска и безпокойство, которыхъ ни съ чѣмъ сравнить не льзя. Я строго испытывалъ себя и нашелъ, что великія страданія Господа не произвели еще во мнѣ своего дѣйствія. Сіе открытіе низвергло меня съ высоты во прахъ; я боролся, сражался, терпѣлъ, страдалъ до тѣхъ поръ, пока всѣ высокости собственной моей правоты не сравнялись, и пока я не доведенъ былъ до истиннаго смиренія и познанія моего ничтожества.

Тогда во внутреннее существо мое проникъ чистый духовный небесный свѣтъ, въ которомъ я позналъ таинство великой жертвы, принесенной Іисусомъ, и Первосвященства Его по чину Мельхиседекову; а сердце мое исполнилось такимъ огнемъ, что оно

изтаявало отъ любви и благодарности за сію неизреченную благодать Божію къ человѣкамъ. Тогда впервые почувствовалъ я, что и моя вся воля готова была претерпѣть *смерть за Него*, и съ сего времени вѣра моя приносила истинные плоды святости. Въ семъ блаженномъ состояніи пребылъ я до самаго того часа, какъ позванъ сюда, гдѣ я долженъ остаться до тѣхъ поръ, пока не приведу къ сему славному свѣту всѣхъ тѣхъ, коихъ я руководствовалъ въ жизни.

ЭЛІАДЪ. Но скажи намъ, Прославленный Наставникъ нашъ, въ чемъ именно мы погрѣшали?

ЭЛІАСАФЪ. Нынѣ объясню я вамъ все это. Есть много людей, которые, или съ молодыхъ лѣтъ воспитавшись въ Христіанскихъ правилахъ, идутъ медленно и исправляются мало по малу, или чрезъ чтеніе книгъ и назидательныя проповѣди возбуж-

дены стали къ служенію Богу отъ всего сердца. —

Естьли сіи души не попадутъ на такихъ руководителей, которые бы показали имъ ближайшій и вѣрнѣйшій путь; а станутъ сами себя руководствовать, и начитаются въ книгахъ, или найдутъ людей, которые отрекомендуютъ имъ внутреннюю въ Богѣ со Христомъ сокровенную жизнь: то онѣ перескакиваютъ чрезъ узкія врата, и хватаются за хожденіе предъ Богомъ. Естьли при семъ они искренно и чистосердечно хотятъ того, то случается съ ними тоже, что и съ нами случилось; и они въ дѣтскомъ Царствѣ научаются тому, чтобы имъ съ самаго начала дѣлать надлежало.

ЭЛІАДЪ. Не ужъ ли же книги, или люди, совѣтующіе внутреннюю въ Богѣ со Христомъ сокровенную жизнь, или чистую Мистику, вредны?

ЭЛІАСАФЪ. Совсѣмъ нѣтъ: но они не для начинающихъ, не для младен-

цовъ въ Христіанствѣ, которыхъ еще молокомъ питать должно. Такія книги весьма полезны, но тогда уже, когда Христіанинъ прошелъ первую степень: тогда рекомендовать ихъ можно; ибо онѣ сохранятъ его въ твердомъ прилѣпленіи къ Богу, будутъ побуждать ко бдѣнію и молитвѣ, безъ чего онъ соверша покаяніе и ощутивъ въ душѣ своей милосердое прощеніе грѣховъ, легко можетъ заснуть на семъ покоищѣ и всю жизнь продремать въ сладкихъ грезахъ о заслугѣ Христовой.

ЭЛІАДЪ. Но скажи намъ, Небесный братъ! что́жъ таковые Христіане, и что мы долженствовали бы дѣлать? —

ЭЛІАСАФЪ. Когда человѣкъ твердо рѣшится сдѣлаться истиннымъ Христіаниномъ, то есть истиннымъ человѣкомъ, какъ онъ по первоначальному своему назначенію и по всѣмъ своимъ способностямъ быть долженъ: то во первыхъ надлежитъ ему принять

ѣтвердое и неизмѣняемое намѣреніе жить совершенно по волѣ Божіей, во-все отречься отъ собственной воли, упражняться непрестанно во бдѣніи и молитвѣ и ходить въ присутствіи Божіемъ, какъ-то мы исполнять старались. — Но все сіе долженъ онъ соединить съ весьма важнымъ и главнымъ обстоятельствомъ, которое нами упущено было, а именно: наистрожайшимъ образомъ изслѣдовать всю жизнь свою, живо представить всѣ прежніе грѣхи свои со всѣми ихъ послѣдствіями, — разсмотрѣть святость и правосудіе Божіе и всѣ требованія его, а потомъ въ премѣненномъ своемъ состояніи точно и безпристрастно испытывать всѣ мысли свои, слова и дѣянія, сличая ихъ съ оными Божескими требованіями, дабы не только увидѣть, но и ощутить безконечное свое поврежденіе и немощь свою къ исполненію Божіей воли. Естьли сіе упустится: то чело-

вѣкъ никогда уже не достигнетъ до основательнаго прозрѣнія въ крайнее свое поврежденіе; слѣдовательно и до истиннаго смиренія, безъ котораго ни кто гражданиномъ неба сдѣлаться не можетъ; тѣмъ менѣе можетъ въ немъ возродиться непреодолимое желаніе искупленія чрезъ Христа; ибо тогда не довольно сильно ощущаютъ сію нужду, и носятся между небомъ и землею; *вѣрятъ* только для того, что вѣрить должно. Хотя притомъ вѣрнымъ хожденіемъ предъ Богомъ и охраняютъ себя отъ тяжкихъ грѣховъ, но не достигаютъ къ истинной живой любви къ Богу и Христу, а слѣдовательно и къ ближнему. Вотъ, любезные! то, чего намъ недоставало и чего еще недостаетъ многимъ добрымъ, благонамѣреннымъ душамъ, которыя, избравъ Мистическій путь, строго судятъ о другихъ; потому что себя не довольно знаютъ, и мнятъ о себѣ го-

раздо лучше, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ. —

СЕНИРЪ. Со мною теперь произходитъ тоже, что было съ слѣпорожденнымъ, когда Господь отверзъ ему очи: у меня спала теперь съ внутреннихъ очей моихъ повязка; я обнаженъ, и что прежде зналъ холоднымъ и мертвымъ образомъ, то нынѣ живо чувствую, т. е. что все доброе мое составляетъ одна благодать Господа; все прочее въ очахъ Его есть мерзость. Боже! я устыженъ какъ Адамъ, узрѣвшій себя нагимъ; я желалъ бы укрыться отъ взоровъ Твоихъ. Я не могу остаться въ сихъ селеніяхъ блаженныхъ!

ЭЛІАДЪ. Тоже ощущаю и я. Ахъ удалимся, братъ Сениръ! можемъ ли мы въ сей наготѣ здѣсь оставаться. (*Оба хотятъ удалиться.*)

ЭЛІАСАФЪ. Остановитесь, братья! уйдемъ въ сѣнь жилища моего. — Надо еще разкрыть нѣчто во внутренности вашей.

Эліасафъ, приведя ихъ въ темную сѣнь, которая отъ сѣни смертной отличалась только тѣмъ, что здѣсь вѣялъ небесный воздухъ, предложилъ имъ слѣдующій вопросъ. —

Разсмотрите и испытайте себя строго: не находится ли во внутренности вашей еще чего *сокровеннаго*, которое удерживало васъ отъ прибѣжища ко Христу?

СЕНИРЪ. Сіе сокровенное нѣчто мнѣ открылось, оно состоитъ въ слѣдующемъ ученіи Священнаго Писанія:

Весь поврежденный человѣческій родъ находится подъ проклятіемъ и гнѣвомъ Божіимъ. Весь родъ отъ Адама до послѣдняго человѣка заслужилъ тѣлесную смерть и вѣчное осужденіе; и не иначе *получитъ прощеніе*, не иначе *утоленъ быть можетъ гнѣвъ Божій, какъ тогда, когда совершенно невинный и отъ грѣховъ свободный человѣкъ жертвуетъ собою, и за весь родъ человѣческій вку-*

ситъ добровольно ужасную смерть. Къ сему предопредѣленъ былъ Богочеловѣкъ Христосъ: а чтобы подать человѣку мысль о семъ, закалались невинныя чистыя животныя и приносились въ жертву за грѣхи людскіе; ибо безъ пролитія крови не льзя было ожидать прощенія, доколѣ Христосъ не совершитъ великой своей жертвы.

Сіе безпрекословно есть ученіе Священнаго Писанія о искупленіи человѣка и примиреніи его съ Богомъ. Благоговѣя предъ Господомъ и святымъ Его словомъ, мы вѣрили оному: но внутреннее ощущеніе сердца нашего всегда сему противорѣчило, и препятствовало намъ прилѣпиться къ Нему всѣмъ сердцемъ. Вотъ въ чемъ собственно имѣла недостатокъ наша вѣра.

ЭЛІАСАФЪ. Ты пришелъ въ разумъ истины, любезный братъ! Это было нашимъ узломъ, котораго мы разрѣ-

шить не умѣли: что однакожъ весьма легко, естьли только приступъ къ тому будетъ извѣстенъ. —

Богъ, сотворивъ человѣка чистымъ и безсмертнымъ, поставилъ его въ такое состояніе, въ которомъ онъ могъ по натурѣ своей отчасу болѣе усовершаться и дѣлаться блаженнѣе, при чемъ возпрещено ему было вкушать отъ одного плода; *ибо вкушеніе онаго долженствовало породить въ существѣ его сѣмя смерти.* —

Тогда явился искуситель, и сказалъ: Богъ для того запретилъ вамъ вкушать отъ плода сего, что естьли кто отъ него вкуситъ, тотъ сдѣлается равенъ Богу и узнаетъ добро и зло. Что человѣкъ допустилъ сей обманъ въ волю свою — что въ немъ породилась мысль: *и такъ Богу не хочется видѣть себѣ равнаго,* — что онъ къ преслушанію воли Божіей присоединилъ мятежъ и *возмущеніе,* и въ противность Творцу своему захотѣлъ

быть ему равнымъ — сіе - то все и составляетъ его паденіе.

Сіе паденіе имѣло слѣдующія два необходимыя слѣдствія: 1) чрезъ вкушеніе плода всѣ чувственныя побужденія и вожделѣнія возвысились до чрезвычайности; 2) желаніе поравняться съ Богомъ превратилось въ *Самость*.

Оба сіи слѣдствія, по натурѣ человѣческой, долженствовали учиниться наслѣдственными; они перешли отъ отцовъ къ дѣтямъ чрезъ соки ихъ и воспитаніе. Такимъ образомъ Божественная натура сдѣлалась противна человѣческой, а человѣческая Богу; и какъ всякое уклоненіе отъ законовъ Божескихъ и законовъ Натуры во всѣхъ разумныхъ существахъ должно производить болѣзненныя слѣдствія, по тому самому, что разумныя существа суть твари свободныя, и что назначеніе ихъ есть исполнять, а не преступать законы Божескіе: отъ то-

го при каждомъ уклоненіи отъ оныхъ, они терпятъ зло. Такъ произошло и съ человѣкомъ: безпорядокъ, произведенный имъ въ своемъ тѣлѣ, сдѣлалъ его зависимымъ отъ внѣшней Натуры и собственныхъ его дѣйствій; болѣзни, скорби и наконецъ смерть сдѣлались неизбѣжными. Но все сіе служило ко благу его; ибо естьли бы онъ съ самостію своею остался на земли безсмертнымъ: то можетъ быть превзошелъ бы въ злобѣ Сатану, и въ семъ разумѣ смерть есть слѣдствіе грѣха. Когда въ Священномъ Писаніи встрѣчаются сіи слова: *гнѣвъ Божій, проклятіе,* и проч. то подъ оными разумѣть надлежитъ такія же дѣйствія святой чистой *Божественной Натуры* надъ поврежденною и въ очахъ Божіихъ гнусною учинившеюся *человѣческого* натурою, какъ естьли бы благочестивый отецъ, раздраженный нечестіемъ и развратною жизнію своихъ дѣтей,

предалъ ихъ проклятію до тѣхъ поръ, пока они не образумятся и не исправятъ жизнь свою; ибо Священное Писаніе должно *говорить* понятнымъ образомъ для самаго обыкновеннаго человѣческаго разума. — И такъ болѣзненныя слѣдствія паденія Адамова изображены въ видѣ наказанія преступника, хотя всѣ они суть только мѣры исправленія, равно какъ добрый отецъ употребляетъ наказанія только какъ средства къ исправленію дѣтей своихъ. — Само собою разумѣется, что въ Божескомъ существѣ не бывало никакой перемѣны, и въ собственномъ смыслѣ, гнѣва въ Немъ быть не можетъ. Божество, для грѣшника только, есть пожирающій огонь: для облагодатствованнаго же Христіанина есть благотворно оживляющее и согрѣвающее солнце.

Главное, что разумному безумію философскаго духа всѣхъ временъ казалось наиболѣе нелѣпымъ, есть

то, что сей Божій гнѣвъ уполенъ быть не могъ, какъ только кровію невинныхъ животныхъ, и наконецъ самаго чистѣйшаго, невиннаго и святаго человѣка. — Сіе есть Іудеямъ соблазнъ, Еллинамъ же безуміе; а нынѣшнему философскому разуму совершенная нелѣпость. Но стоитъ только достать изъ буквъ духъ: то все будетъ и Богу прилично и разуму непротивно. —

Однимъ симъ слабымъ изображеніемъ, или подобіемъ сего всесвятаго таинства, безпристрастный разумъ можетъ уже въ томъ убѣдиться. Представимъ себѣ на примѣръ цѣлое какое нибудь семейство, безразсудною какою нибудь своею продерзостію навлекшее на себя опасную и тяжкую болѣзнь, отъ которой необходимо должно было бы всѣмъ имъ умереть. Положимъ, что оставалось бы одно средство къ спасенію ихъ и возвращенію имъ прежняго здоровья то, что-

бы совершенно здоровый человѣкъ *добровольно* согласился дать выпустить изъ себя кровь до послѣдней капли, которую бы потомъ каждый больной порядочно и съ надлежащею діетою принимать былъ долженъ, какъ цѣлительныя капли. Никто не выискивался охотникомъ умереть за сіе несчастное семейство; и такъ старшій сынъ, не зараженный сею болѣзнію, произвольно и изъ единой любви къ братьямъ и сестрамъ, рѣшился пожертвовать для нихъ собою. — Но какъ сему спасителю ихъ оставалось еще много дѣлъ привесть въ порядокъ и къ окончанію: то между тѣмъ больные, чтобъ пріучить себя къ сему лекарству, выпускали кровь изъ чистыхъ животныхъ, и ее принимали вмѣсто той. Скажите пожалуйте: благоразумно ли было бы обвинять въ жестокости Натуру, или Творца по тому, что они не иначе, какъ только кровію могутъ излечиться?

ЭЛІАДЪ. О небесный братъ! Какое доставляешь ты намъ успокоеніе! Ахъ! продолжай твое изъясненіе.

ЭЛІАСАФЪ. Весьма охотно! — Духовная болѣзнь человѣческой натуры состоитъ въ томъ:

1) Что чувственныя вожделѣнія гораздо превышаютъ мѣру вожделѣній благочестивыхъ;

2) Что любовь къ Богу, яко Высочайшему Благу, превратилась въ сластность.

Чтобъ излечить сію болѣзнь совершенно, потребна всемощная, вездѣсущая, всякому человѣческому духу доступная Божественная сила, которая, бывъ принята свободною волею человѣка, могла бы ослаблять чувственныя вожделѣнія, оживотворять склонности къ богоподобію, прояснять взоръ на ужасную мерзость человѣческаго сердца и взоръ во глубины Божеской любви, и такимъ образомъ паки воз-

вести человѣка въ истинное его назначеніе.

Но единственно-Божескій духъ къ сему неудобенъ; онъ не можетъ сообщаться *нелосредственно* ни съ какимъ конечнымъ и притомъ противнымъ существомъ; и такъ требовалось посредство, которое бъ было одинаковой натуры и съ Духомъ Божіимъ и съ человѣкомъ; и чтобъ сіе посредство нераздѣльно соединено было съ Духомъ Божіимъ и составляло единое съ нимъ существо, будучи притомъ и человѣческой натуры: слѣдовательно, чтобъ оно было *истинная*, но совершенно чистая, человѣческая натура. И какъ оно долженствовало во всѣхъ возможныхъ страданіяхъ человѣка всегда дѣйствительную подавать ему помощь: то ему надлежало понести наижесточайшія страданія, слѣдовательно самыя величайшія скорби душевныя и тѣлесныя, презрѣніе, поруганіе и всякія хулы съ совершен-

нымъ смиреніемъ, кротостію и любовію даже къ самымъ мучителямъ, и наконецъ изъ всѣхъ искушеній выти побѣдителемъ. А потому, когда сей всѣ искушенія превозмогшій духъ Христовъ въ соединеніи съ духомъ Божіимъ дѣйствовать будетъ въ комъ либо страдальцѣ: то онъ сообщаетъ ему свою собственную при таковомъ же испытаніи побѣдившую силу, и укрѣпляетъ его къ побѣдѣ.

Чрезъ таковый путь страданій сія человѣческая Натура Посредника сего достигла до высочайшаго *нравственнаго*, а по существенному и нераздѣльному ея соединенію съ Духомъ Божіимъ, и до самаго *Божескаго* совершенства; слѣдовательно въ соединеніи съ симъ Божественнымъ, всевѣдущимъ и всемогущимъ Духомъ стала способна къ правленію міромъ.

Сіе правленіе состоитъ въ слѣдующемъ: всемогущій Божественный Духъ

Христовъ, самымъ премудрымъ и конечному существу непостижимымъ образомъ, дѣйствуетъ чрезъ невидимыя силы, чрезъ Слово Божіе и изъ онаго произтекающее устное и письменное ученіе и чрезъ внѣшнюю Натуру, непосредственно самъ собою въ умахъ всѣхъ человѣковъ, какъ Христіанъ, такъ и не Христіанъ, оставляя притомъ волю человѣческую всегда свободною. Такимъ образомъ понимающіе сіи намѣки и послѣдующіе симъ внушеніямъ, покаряющіе волю свою совершенно сему духу, и предающіеся его водительству, мало по малу преобразуются въ его Натуру, грѣшатъ отчасу менѣе, и *смиреніемъ, кротостію* и *любовію* преодолѣваютъ побужденія поврежденной человѣческой натуры, дѣлаются орудіями Міроправительства и великаго дѣла Искупленія, и всѣ грѣхи всѣхъ человѣковъ въ слѣдствіяхъ своихъ становятся источниками безконечнаго

благословенія, орудіями усовершенія, освященія и блаженства всѣхъ падшихъ чадъ Адамовыхъ, и такимъ образомъ совершается Искупленіе, удовлетворяется Правосудіе Божеское, и человѣчество примиряется съ Божествомъ и паки пріобрѣтаетъ подобіе онаго.

Но какъ такое понятіе несвойственно обыкновенному человѣческому разуму, особливо необразованнымъ народамъ и вообще большому множеству, тѣмъ менѣе способно оно подвигнуть сердца грубыя и отверзть въ нихъ входъ Духу Святому: то Духъ Святый избиралъ всегда чувственныя, но поразительныя и приличнѣйшія представленія, дабы оныя высокія вещи и истины сдѣлать понятными и ощутительными самому простому, необразованному человѣку. — Можно ли разительнѣе и для самаго глупаго человѣка удобопонятнѣе представить

дѣло искупленія, нежели какъ здѣсь мы то представимъ?

Богъ, всемогущій Творецъ всѣхъ вещей, есть Отецъ всѣхъ человѣковъ; онъ сотворилъ праотцевъ нашихъ святыми, и давъ имъ прекраснѣйшую страну, гдѣ они на земли имѣли небо, запретилъ имъ вкушать отъ одного вреднаго плода, дабы они не сдѣлались больными и смертными: но они, давши соблазнить себя злому непріязненному существу, вкусили отъ сего плода, преступили заповѣдь Божію, и сдѣлались больны и смертны. — Отецъ Небесный прогнѣвался на то, и велѣлъ непокорнымъ чадамъ своимъ тотчасъ выити изъ страны райской, дабы они не сдѣлались еще безбожнѣе. Тогда трудъ, печали и скорби всякаго рода и наконецъ смерть сдѣлались ихъ жребіемъ, для обузданія чувственныхъ ихъ вожделѣній. Хотя Богъ могъ бы тогдажъ оставить ихъ на вѣки при заслуженномъ

ими наказаніи; но по безконечной любви своей благоволилъ умилосердиться надъ ними и подать имъ средство, чрезъ которое, при надлежащемъ употребленіи онаго, могли бы они по смерти своей пріобрѣсть неизреченно великое блаженство. Сіе средство состояло въ томъ, что по времени долженствовалъ явиться отъ рода ихъ совершенно святый мужъ, который, по великой любви своей къ братьямъ своимъ человѣкамъ, *добровольно* и *непринужденно* приметъ на себя всѣ страшныя наказанія, коимъ человѣки непослушаніемъ и грѣхами своими подверглись, и понесетъ за нихъ ужаснѣйшую смерть. — Кто съ сердечною любовію будетъ надѣяться на сего Искупителя, все для Него претерпитъ, будетъ имѣть къ Нему чистую вѣру и станетъ всѣми силами исполнять волю Божію: тотъ можетъ сдѣлаться блаженнымъ, и въ напоминаніе сей важной смерти Искупителя

долженствовали они по временамъ закалать животныхъ, и особенно приносить ихъ въ жертву тогда, когда впадали въ какой либо грѣхъ. Когда сіи жертвы приносили они съ сердечнымъ раскаяніемъ и сокрушеніемъ и въ намѣреніи всѣми силами впредь избѣгать грѣховъ: то ради будущаго Искупителя обѣщана имъ была благодать, или милость, помилованіе, и проч.

Вотъ собственно въ прообразованіяхъ заключающійся смыслъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта, который для иного болѣе, для другаго менѣе, былъ понятенъ; но вообще кровопролитныя жертвы съ самаго начала у всѣхъ Язычниковъ и отдаленнѣйшихъ народовъ почитались за святыню, за средство примиряющее грѣшника съ Богомъ, и ни одинъ народъ не былъ безъ оныхъ: почему заключать должно, что первые человѣки имѣли о семъ откровеніе и повелѣніе отъ самаго Бога,

какъ-то и жертвоприношеніе Авелево. *Быт.* IV. 4. неоспоримо доказываетъ. — Первымъ человѣкамъ безъ сомнѣнія представлена была также причина и цѣль кровопролитныхъ жертвъ, почти такимъ образомъ, какъ мною здѣсь сказано: но въ послѣдствіи нерадѣніе потомковъ привело въ забвеніе смыслъ оныхъ, и стали довольствоваться только приношеніемъ жертвъ. Между тѣмъ все еще оставалось нѣкоторое темное понятіе о будущемъ Искупителѣ, которое потомъ чрезъ Израильское Богослуженіе, чрезъ Пророковъ и Святыхъ мужей, объяснилось чище, яснѣе и основательнѣе. —

Когда же Искупитель дѣйствительно пришелъ и совершилъ дѣло свое — совершилъ въ такое время, когда весь міръ для очищенія грѣховъ приносилъ еще въ жертву животныхъ: то не льзя было избрать лучшаго способа къ вразумленію міра, какъ тотъ, ко-

тому послѣдовали Апостолы въ проповѣди своей: „Оставьте жертвы ва-
„ши — говорили они — Христосъ еди-
„ножды навсегда принесъ въ жертву
„собственное тѣло свое за грѣхи ва-
„ши; вѣруйте въ Него, любите Его,
„слѣдуйте Его ученію, водитесь ду-
„хомъ Его: и вы спасетесь.“

Еще и нынѣ тамъ, гдѣ люди еще не совсѣмъ забыли понятіе о жертвоприношеніяхъ, Апостольскій способъ обращенія производитъ наилучшія дѣйствія. — Попробуйте поговорить съ простымъ грубымъ мужикомъ о искупленіи чрезъ Христа, какъ я предложилъ: вы увидите, что сіе не произведетъ въ немъ никакого дѣйствія, кромѣ одного холоднаго удивленія, естьли еще онъ пойметъ слова ваши; на семъ дѣло и кончится, надъ сердцемъ же и волею ни мало они не воздѣйствуютъ. И такъ сія проповѣдь служитъ только для душъ, далѣе успѣвшихъ, стоящихъ уже на пути тем-

ной вѣры и коихъ разумъ не можетъ успокоиться: тогда и самому кичливому философскому разуму можно доказать, что ученіе Спасителево не содержитъ ничего противнаго здравому смыслу.

Но естьли истинный Христіанинъ, познавшій изъ опыта ученіе сіе, употребитъ сей способъ Апостольскій, и станетъ проповѣдовать дикимъ и грубымъ людямъ о Христѣ, какъ онъ добровольно и изъ единой любви за грѣхи человѣческіе претерпѣлъ поносную смерть и принесъ въ жертву себя, столько-то мерзостны грѣхи въ очахъ Божіихъ и столь велика любовь Искупителя къ человѣкамъ: тогда сердца таютъ какъ воскъ, естьли только къ обращенію они способны, и Духъ Святый мгновенно являетъ дѣйствія свои въ сей проповѣди, и начинаетъ дѣйствовать въ сердцахъ размягченныхъ.

Стоитъ только прочесть исторіи

Миссіонеровъ, вездѣ найдемъ мы сіи дѣйствія: Готтентоты и Гренландцы, Малабарцы и Эскимайцы всѣ обращаются симъ образомъ, и получаютъ тогда агнчій нравъ, какъ и прежніе Христіане, предававшіеся дѣйствію Духа Божія. —

СЕНИРЪ. И такъ и мы просвѣтимся, Эліадъ? — Рѣчь сія совершенно прояснила вѣру нашу.

ЭЛІАДЪ. Слава Всевышнему! теперь мы знаемъ великаго нашего Первосвященника по чину Мельхиседекову; завѣса спала, и мы вѣруемъ въ Него совершенно, съ неограниченною любовію: да будетъ съ нами, что ему благоугодно! —

Вдругъ темнота сего мѣста освѣтилась дивнымъ седмицвѣтнымъ свѣтомъ, и кроткій гласъ воззвалъ всѣхъ ихъ въ вышнія сферы.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано:			*Читай:*
Стр.	Строк.		
6.	4.	на небси	на небеси
20.	18.	Сѣдеящему	Сѣдящему
25.	13.	говоривалъ	говаривалъ
54.	23.	ростите	простите
117.	24.	трану	страну
150.	5.	спускаешвся	спукаешься
160.	8.	любовъ	любовь
164.	6.	прельщалось	прельщалась
—	19.	так е	такое
168.	14.	прему дро	премудро
180.	12.	непродолимою	непреодолимою
189.	12.	плача Господь	плача. Господь
190.	16.	особлнво	особливо
199.	10–11.	Вольшая	Большая
204.	15.	*слутелей*	*слушателей*
237.	1.	свирѣтство	свирѣпство
249.	1.	уклонеиіи	уклоненіи.

53K

